

ЖУРНАЛ
БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ФИЛОСОФИЯ ПСИХОЛОГИЯ

JOURNAL
OF THE BELARUSIAN STATE UNIVERSITY

PHILOSOPHY and PSYCHOLOGY

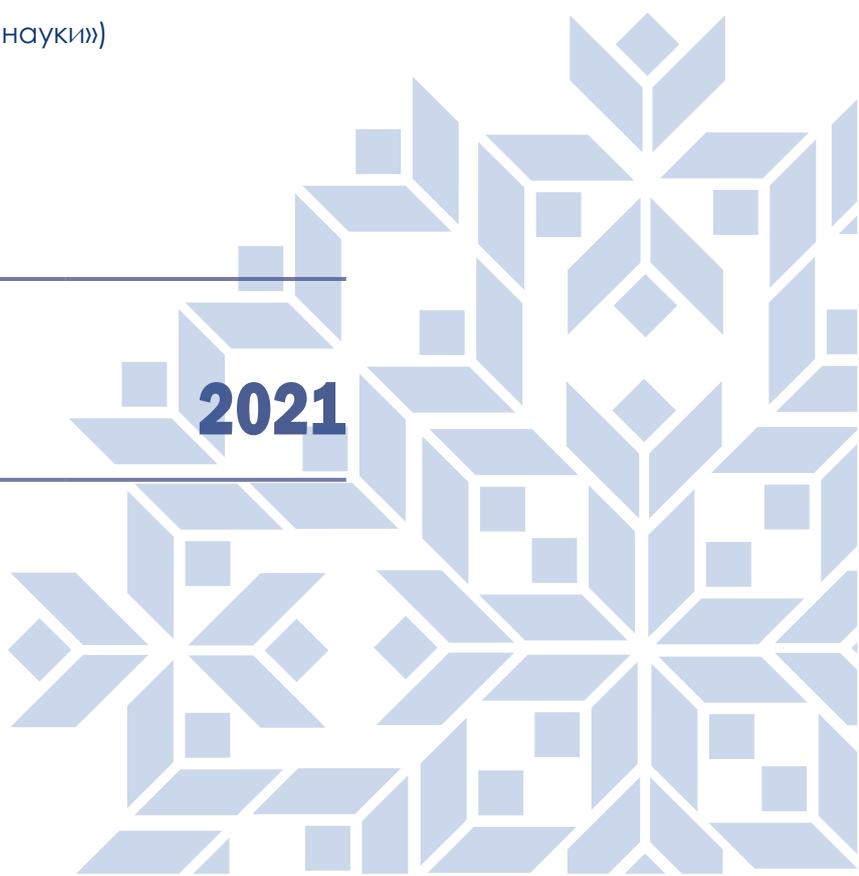
Издается с 2007 г.
(до 2017 г. – под названием
«Философия и социальные науки»)

Выходит три раза в год

3

2021

МИНСК
БГУ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

- Главный редактор** **РУБАНОВ А. В.** – доктор социологических наук, профессор; профессор кафедры социологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь. E-mail: sociology@bsu.by
- Заместители главного редактора** **ЛЕГЧИЛИН А. А.** – кандидат философских наук, доцент; профессор кафедры философии культуры факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь. E-mail: liahchylin@bsu.by
ФУРМАНОВ И. А. – доктор психологических наук, профессор; заведующий кафедрой психологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь. E-mail: fourmigog@gmail.com
- Ответственный секретарь** **ДОБРОРОДНИЙ Д. Г.** – кандидат философских наук, доцент; директор Института социально-гуманитарного образования Белорусского государственного экономического университета, Минск, Беларусь. E-mail: danila_dobr@mail.ru
- Агилера М.** Малагский университет, Малага, Испания.
Андрющенко В. П. Национальный педагогический университет им. М. П. Драгоманова, Киев, Украина.
Бабосов Е. М. Институт социологии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь.
Безнюк Д. К. Институт социологии Национальной академии наук, Минск, Беларусь.
Водопьянов П. А. Белорусский государственный технологический университет, Минск, Беларусь.
Вольферт П. Билефельдский университет прикладных наук, Билефельд, Германия.
Гигин В. Ф. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Данилов А. Н. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Журавлев А. Л. Институт психологии Российской академии наук, Москва, Россия.
Зеленков А. И. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Иванич П. Нитрянский университет им. Константина Философа, Нитра, Словакия.
Карамушка Л. Н. Институт психологии им. Г. С. Костюка Национальной академии педагогических наук Украины, Киев, Украина.
Кирвель Ч. С. Гродненский государственный университет им. Янки Купалы, Гродно, Беларусь.
Козловский В. В. Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия.
Королева И. Институт философии и социологии Латвийского университета, Рига, Латвия.
Купченко В. Е. Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, Омск, Россия.
Лазаревич А. А. Институт философии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь.
Лаптёнок А. С. Академия управления при Президенте Республики Беларусь, Минск, Беларусь.
Мазилев В. А. Ярославский государственный педагогический университет, Ярославль, Россия.
Порус В. Н. Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия.
Ротман Д. Г. Центр социологических и политических исследований Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
Румянцева Т. Г. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Слепович Е. С. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Стелинговска Б. Естественно-гуманитарный университет, Седльце, Польша.
Терещенко О. В. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Титаренко Л. Г. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Тощенко Ж. Т. Институт социологии Российской академии наук, Москва, Россия.
Шатравский С. И. Институт теологии им. святых Мефодия и Кирилла Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
Якубовска В. Нитрянский университет им. Константина Философа, Нитра, Словакия.
Янчук В. А. Академия последиplomного образования, Минск, Беларусь.
Яскевич Я. С. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.

EDITORIAL BOARD

Editor-in-chief **RUBANAU A. V.**, doctor of science (sociology), full professor; professor at the department of sociology of the faculty of philosophy and social sciences of the Belarusian State University, Minsk, Belarus.
E-mail: sociology@bsu.by

Deputy editors-in-chief **LIAHCHYLIN A. A.**, PhD (philosophy), docent; professor at the department of philosophy of culture of the faculty of philosophy and social sciences of the Belarusian State University, Minsk, Belarus.
E-mail: liahchylin@bsu.by

FOURMANOV I. A., doctor of science (psychology), full professor; head of the department of psychology of the faculty of philosophy and social sciences of the Belarusian State University, Minsk, Belarus.
E-mail: fourmigor@gmail.com

Executive secretary **DABRARODNI D. G.**, PhD (philosophy), docent; director of the Institute of Social and Humanities Education of the Belarus State Economic University, Minsk, Belarus.
E-mail: danila_dobr@mail.ru

- Aguilera M.** University of Malaga, Malaga, Spain.
Andryushchenko V. P. National Pedagogical M. P. Dragomanov University, Kyiv, Ukraine.
Babosov Y. M. Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
Beznyuk D. K. Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
Vodopyanov P. A. Belarusian State Technological University, Minsk, Belarus.
Wolfert P. University of Applied Sciences, Bielefeld, Germany.
Hihin V. F. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Danilov A. N. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Zhuravlev A. L. Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.
Zelenkov A. I. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Ivanic P. Constantine the Philosopher University in Nitra, Nitra, Slovakia.
Karamushka L. M. N. S. Kostyuk Institute of Psychology of the National Academy of Educational Sciences of Ukraine, Kyiv, Ukraine.
Kirvel C. S. Yanka Kupala State University of Grodno, Hrodna, Belarus.
Kozlovski V. V. Saint Petersburg University, Saint Petersburg, Russia.
Koroleva I. Institute of Philosophy and Sociology of the University of Latvia, Riga, Latvia.
Kupchenko V. E. Omsk F. M. Dostoevsky State University, Omsk, Russia.
Lazarevich A. A. Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
Laptenok A. S. Academy of Public Administration under the President of the Republic of Belarus, Minsk, Belarus.
Mazilov V. A. Yaroslavl State Pedagogical University, Yaroslavl, Russia.
Porus V. N. National Research University «Higher School of Economics», Moscow, Russia.
Rotman D. H. Centre of Sociological and Political Studies of the Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Rumyantseva T. G. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Slepovich E. S. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Stelingowska B. Siedlce University of Natural Sciences and Humanities, Siedlce, Poland.
Tereschenko O. V. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Titarenko L. G. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Toshchenko Zh. T. Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.
Shatrauski S. I. Institute of Theology named after Sts. Methodius and Cyril of the Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Jakubovská V. Constantine the Philosopher University in Nitra, Nitra, Slovakia.
Yanchuk V. A. Academy of Post Graduate Education, Minsk, Belarus.
Yaskevich Y. S. Belarusian State University, Minsk, Belarus.

УДК 1(430)(091)+1(476)(091)

ИССЛЕДОВАНИЯ ФИЛОСОФИИ И. КАНТА В ТРУДАХ ПЕРВЫХ ПРОФЕССОРОВ БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Т. Г. РУМЯНЦЕВА¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Представлен краткий обзор трудов о философии И. Канта, написанных белорусскими профессорами В. Н. Ивановским, С. Я. Вольфсоном, Б. Э. Быховским и другими учеными. Все они стояли у истоков зарождения Белорусского государственного университета. Это является особенно актуальным в 2021 г., когда университет отмечает свой 100-летний юбилей, а все мировое культурное сообщество готовится к празднованию приближающегося в 2024 г. 300-летия со дня рождения И. Канта. Перечислены и кратко охарактеризованы направления, по которым осуществлялся процесс осмысления наследия великого немецкого философа в Беларуси. Освещены труды отечественных авторов, написанные в период 1920–30-х гг. и в начале 1940-х гг. Показано, в условиях какого непростого времени приходилось работать университетским философам. В связи с этим их анализ, восприятие и критика кантовской философии, особенно в оценке зарубежной мысли, в том числе классической, были органично вплетены в контекст первых десятилетий советской эпохи, характеризующейся классовыми стереотипами и предрассудками. Тем не менее в настоящее время оригинальные тексты вышеназванных авторов относительно учения И. Канта вызывают неподдельный интерес.

Ключевые слова: И. Кант; юбилей БГУ; первые профессора-философы БГУ; В. Н. Ивановский; С. Я. Вольфсон; Б. Э. Быховский; период 1920–30-х гг.

Образец цитирования:

Румянцова ТГ. Исследования философии И. Канта в трудах первых профессоров Белорусского государственного университета. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология.* 2021;3:4–11.

For citation:

Rumyantseva TG. Studies of the Kant's philosophy in the works of the first professors of the Belarusian State University. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2021;3:4–11. Russian.

Автор:

Татьяна Герардовна Румянцова – доктор философских наук, профессор; профессор кафедры философии культуры факультета философии и социальных наук.

Author:

Tatsiana G. Rumyantseva, doctor of science (philosophy), full professor; professor at the department of philosophy of culture, faculty of philosophy and social sciences.
t.rumyan30@gmail.com

STUDIES OF THE KANT'S PHILOSOPHY IN THE WORKS OF THE FIRST
PROFESSORS OF THE BELARUSIAN STATE UNIVERSITYT. G. RUMYANTSEVA^a^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The article gives a short overview of the dedicated to the philosophy of I. Kant works of those Belarusian professors who stood at the origins of the Belarusian State University – V. N. Ivanovsky, S. Y. Wolfson, B. E. Bykhovskiy and others. This is especially relevant in the year of the significant 100th anniversary, which celebrates our university in 2021, as well as in connection with the preparation of the entire world cultural community for the approaching 300th anniversary of the birth of I. Kant. It is advisable, in our opinion, to at least briefly highlight the directions in which the process of understanding the heritage of the great German philosopher in Belarus was carried out. Given that this is a very large and difficult topic, the author of this article considered it possible to turn to the work of domestic authors, whose work was in the 1920–30s and early 1940s. The article shows in what difficult time university philosophers had to work, therefore, their analysis, perception and criticism of the Kant's philosophy were organically woven into the context of the first decades of the Soviet era with all the class stereotypes and prejudices inherent in it, especially in assessing foreign, including classical, philosophical thought. Nevertheless, familiarity with the original texts of the authors noted above allows us to conclude that there are a number of interesting results regarding the teachings of I. Kant, which are present in their works.

Keywords: I. Kant; anniversary of the Belarusian State University; the first professors-philosophers of the Belarusian State University; V. N. Ivanovsky; S. Y. Wolfson; B. E. Bykhovskii; period 1920–30s.

Идеи И. Канта оказали огромное влияние на развитие не только западноевропейской, но и белорусской философской мысли. О том, как его учение отразилось в трудах философов Беларуси в XIX – начале XX в., не раз писали А. С. Клевченя, В. Ф. Шалькевич, А. А. Легчилин, А. Ю. Дудчик и другие университетские исследователи. Имеется в виду достаточно яркий (как по числу авторов, так и по разнообразию идей) досоветский период, представленный именами Г. Абихта, И. Быховца, Я. Юровского, А. Довгирда, И. Анджелини, А. Аргамакова, Я. Снядцкого и др. [1–4]. В настоящее время сотрудниками кафедры философии культуры факультета философии и социальных наук БГУ подготовлена 1-я часть 2-го тома «Антологии философской мысли Беларуси», где в значительной степени освещено влияние идей И. Канта на развитие философии в Беларуси.

В год знаменательной годовщины – 100-летия со дня основания БГУ – следует вспомнить имена тех философов, которые стояли у истоков создания университета. Также эти ученые в своих трудах обращались к наследию великого немецкого мыслителя. В данном случае их анализ, восприятие, а также критику кантовской философии необходимо рассматривать в контексте первых десятилетий советской эпохи со всеми присущими ей классовыми стереотипами и предрассудками. Такого рода реминисценции важны еще и потому, что в 2024 г. мировое сообщество готовится отметить 300-летие со дня рождения И. Канта. По этой причине следует предоставить информацию о том, по каким направлениям осуществлялся процесс осмысления его наследия в советской и постсоветской Беларуси. В настоящем исследовании автор обращается к трудам Б. Э. Быховского, С. Я. Вольфсона, В. Н. Ивановского и некоторых других белорусских философов – основателей

БГУ и освещает их творчество периода 1920–30-х и начала 1940-х гг. (Б. Э. Быховский опубликовал свои историко-философские работы до конца 1970-х гг.).

Отношение к кантовской мысли никогда не являлось сугубо внутренним делом философии, а было, по словам виднейшей российской исследовательницы творчества И. Канта Н. В. Мотрошиловой, «скорее, довольно точным барометром, фиксирующим не только состояние культуры, назревающие в ней изменения, но и характер более общих социально-исторических процессов» [5, с. 43–44]. По этой причине история так называемого белорусского кантоведения развивалась поэтапно. По сравнению с дореволюционными десятилетиями в период с 1920-х и до начала 1940-х гг. внимание к учению И. Канта стало постепенно угасать как в белорусской, так и в советской философии. Однако нельзя не отметить неоднократные обращения к учению мыслителя со стороны отечественных авторов, главным образом, профессоров только что образованного в советской Беларуси государственного университета. Речь идет преимущественно об упоминаниях о И. Канте в учебниках и очерках по диалектическому материализму, различного рода введениях в науку и философию, а также об оценках его творчества в работах, посвященных анализу идей других мыслителей (Г. В. Лейбница, Г. В. Ф. Гегеля, французских материалистов XVIII в., представителей тогда широко распространенного в Европе неокантианства и т. п.). При оценке учения И. Канта авторы подобных публикаций четко руководствовались ленинскими принципами, сформулированными в книге «Материализм и эмпириокритицизм», в которой вождь пролетариата однозначно и категорично охарактеризовал немецкого философа как выразителя идей непоследовательного дуализма, идеализма

и агностицизма. В таком же ленинском духе (в те годы писать по-другому было не только невозможно, но и опасно) творчество Г. В. Ф. Гегеля (особенно его диалектика) оценивалось гораздо выше кантовского учения. Однако И. Кант в посвященных ему разделах названной книги выглядел гораздо выигрышнее его новых последователей – неокантианцев, которые были связаны с деятельностью Второго интернационала и развивали концепцию этического социализма.

Если придерживаться хронологического способа изложения, то к числу одной из первых работ, заслуживающих пристального внимания исследователей, относится книга «Методологическое введение в науку и философию» В. Н. Ивановского. С 1921 по 1927 г. он работал в БГУ сначала профессором, а затем в течение двух лет заместителем ректора по учебной работе. Именно он до появления в университете первых кафедр педагогики и психологии заложил основы учебно-методологической базы университета. В своей книге В. Н. Ивановский впервые обращался к философии И. Канта. Еще в 1897 г. в 36-м номере журнала «Вопросы философии и психологии» была опубликована статья профессора «К вопросу об апперцепции», в которой он, ссылаясь на авторитетнейшего немецкого физиолога и психолога В. Вундта, показал огромное влияние теории познания И. Канта «на каждого немецкого психолога 19 столетия» [6, с. 16]. Возвращаясь к вышеназванной книге В. Н. Ивановского, следует отметить, что И. Кант не был в ней главным фигурантом, тем не менее автор уделяет пристальное внимание заслугам кантианства среди других направлений и тому, что оно имеет очень большие успехи как раз в области методологии. Профессор говорит о том, какой вклад внес в научное и философское образование И. Кант, и показывает, что он «в своих лекциях... учит не той или иной *“философии”*, а учит *философствовать*, т. е. самостоятельно применять к предмету свои духовные силы, выработать собственное понимание, а не пассивно усваивать что бы то ни было с голоса авторитета» [7, с. 45]. Далее В. Н. Ивановский детально освещает вклад И. Канта в теорию познания. Он считает, что достижения И. Канта в области исследования человеческого разума, особенно в вопросах об источнике знания – опытным познании, гораздо выше, чем достижения Д. Юма. По мнению В. Н. Ивановского, этот вклад немецкого мыслителя гораздо глубже и сенсуализма английской школы, отрицающего значение в познании «рационального». Профессор видит заслуги И. Канта и в том, что он передвинул центр гносеологических исследований о происхождении познания с психологических вопросов на логическую проблему состава и строя науки как безличного, достоверного и общеобязательного, систематического целого [7, с. 124]. Недостатком

его учения В. Н. Ивановский считает употребление старого и плохо передающего мысль выражения «априорные». Также философ отмечает сложность гносеологии И. Канта, которая «не поддается краткой формулировке» [7, с. 125]. Не устраивает белорусского автора и то, что И. Канта гораздо больше интересует не реальность, а именно наука. Конечно, определенное внимание при анализе философии немецкого мыслителя не могло быть не уделено и неясной «вещи в себе», которой И. Кант «не раз злоупотреблял» [7, с. 126]. Автор видит в ней «бледный остаток старой идеи *субстанции*, как чего-то отличного от “качеств” и лежащего в основе единства и тождества вещи, – идеи, имевшей такое большое значение у Аристотеля» [7, с. 126]. По В. Н. Ивановскому, «вещь в себе» – вовсе и не реальность, а только «голое *понятие*, точнее *фикция*, а потому она столь же “пространственна”, как Пегас, Химера и т. п.». И. Кант постоянно колеблется между таким ее пониманием и отождествлением ее с подлинной реальностью, в связи с этим он «не без греха в этой путанице воззрений» (как заключает В. Н. Ивановский) [7, с. 126].

В. Н. Ивановский ограничивается сравнительно кратким изложением теории познания И. Канта. Отмечая ее «огромное историческое влияние», профессор завершает свой анализ определением места философа не только в истории гносеологии, но и в космологии, этике, эстетике и философии религии. Ученый также оценивает и последователей философии И. Канта в Германии, при этом он полагает, что это была реакция против основных идей немецкого философа, диалектический поворот, когда «идея критики познания, давшая такие большие результаты в течение XVIII в., временно как бы изжита...» и центральное внимание переносится на другие проблемы – биологические, общественные, исторические науки [7, с. 127].

Таким образом, в своем анализе кантовской философии В. Н. Ивановский демонстрирует значительную свободу от идеологических клише тех лет. Он органично вписывает идеи И. Канта в развитие европейской науки и философии и при этом показывает глубокую эрудицию в понимании сложнейших вопросов методологии и теории познания.

Характеризуя 1920-е гг., а затем и 1930-е гг. в контексте темы настоящей статьи, сложно отыскать специальные труды, которые были бы посвящены собственно философии И. Канта (даже с учетом того, что в 1924 г. исполнилось 200 лет со дня рождения немецкого философа). В какой-то мере это можно объяснить и тем, что вследствие фашистской оккупации БССР многие его тексты могли быть утеряны. Среди работ периода 1920–30-х гг., которые все же сохранились в фондах республиканских библиотек, следует назвать труды одного из создателей БГУ – профессора С. Я. Вольфсона, декана фа-

культета права и хозяйства, первого заместителя декана факультета общественных наук БГУ, академика АН БССР, академика-секретаря Отделения общественных наук АН БССР, директора Института философии и права АН БССР.

Так, в 1923 г. С. Я. Вольфсон опубликовал курс лекций, которые он читал тогда на факультете общественных наук в БГУ, под общим названием «Диалектический материализм». Подробно описывая XIX в. европейской истории как век выступления буржуазии в роли гегемона всего общества, профессор пристальное внимание уделял французскому метафизическому (как он его называл) материализму, при этом только наполовину считал его революционным. Важное место в творчестве С. Я. Вольфсона принадлежит И. Канту как философу этого века. Он виделся ему символом «двойственной истины, а его главная книга “Критика чистого разума” – проникнутой противорелигиозными тенденциями» [8, с. 71]. Однако, положительно оценивая кантовскую первую критику, белорусский профессор в то же время полагал, что следующая книга И. Канта «Критика практического разума» представляла собой шаг назад в развитии философа. Для аргументации и одновременно иллюстрации этой своей мысли он приводил обширную цитату из книги Г. Гейне «К истории религии и философии в Германии». Суть этой цитаты заключалось в том, чтобы показать эволюцию И. Канта от «неумолимого философа, который ранее штурмовал небо и заставил весь его гарнизон капитулировать, а теперь, ставшего тем, которому необходим Бог» [8, с. 71]. Так, установив различие между теоретическим и практическим разумом, И. Кант, по словам С. Я. Вольфсона, «воскресил труп деизма, незадолго пред тем убитого теоретическим разумом» [8, с. 72]. Вывод, к которому пришел автор, заключается в утверждении превосходства «даже самых умеренных из французских материалистов» перед И. Кантом, ибо они «штурмовали небо с гораздо большей силой, нежели Кант» [8, с. 72]. В завершение характеристики описываемой эпохи С. Я. Вольфсон критикует всю идеалистическую философию, при этом ссылается на кантовскую «вещь в себе» и агностицизм, а также приписывает немецкому мыслителю идею о том, что человек не может познать мир.

В 1935 г. С. Я. Вольфсон написал еще одну работу «Культура и идеология загнивающего капитализма», в которой затронул некоторые аспекты философии И. Канта. Это произошло уже в другое время, когда и в СССР, и, в частности, в Белорусской ССР философам приходилось резко критиковать идеологов умирающего капитализма, писать о так называемой фашизации буржуазной науки и идеологии в духе ленинских и сталинских обличений капитализма; констатировать факт его умирания, которое как будто неизбежно приводило к загниванию буржуазной

науки. При этом фашизация, по мнению философов того времени, выступала в качестве основной тенденции такого загнивания. Спрашивается, каким образом здесь мог быть задействован И. Кант?

Характеризуя «фашиствующих философов, пытающихся модернизировать многие отжившие, заплесневелые идеи давно прошедших времен, приспособить их к запросам дня» [9, с. 31], С. Я. Вольфсон упоминал имена И. Канта, Г. В. Ф. Гегеля и И. Г. Фихте. Однако он полагал, что современные идеологи «вылущивают все имеющееся в их учении наиболее реакционное». Он называл их «великими философами молодой восходящей буржуазии», а современные буржуазные авторы являлись для него не более чем философствующими эпигонами умирающего капитализма [9, с. 31]. Таким образом, с одной стороны, И. Кант и другие представители немецкой классики получили достаточно положительную оценку, а с другой – в их учениях все же встречаются реакционные элементы, за которые «хватаются» и используют в своих целях представители новейшей философии.

Среди профессоров-философов, работавших в БГУ в 1920–30-х гг. был и Б. Э. Быховский, который в 1923 г. окончил факультет общественных наук и с 1929 г. трудился здесь же на кафедре философии. Кроме обязательных тогда учебников по проблемам диалектического и исторического материализма, он оставил большой корпус работ по истории западноевропейской и новейшей буржуазной философии, с некоторыми из них, например с работами по философии А. Шопенгауэра и С. Кьеркегора, и сегодня работают студенты-философы. Кстати, в двух небольших книгах из серии «Мыслители прошлого», посвященных творчеству С. Кьеркегора и А. Шопенгауэра, Б. Э. Быховский сравнительно много страниц отвел исследованию идей И. Канта как важного истока философии А. Шопенгауэра, а также провел параллели между И. Кантом и С. Кьеркегором в понимании ими религии и этики. В 1930 г. Б. Э. Быховский стал автором одного из первых советских учебников диалектического материализма, который вышел под названием «Очерк философии диалектического материализма» и пережил несколько изданий. В настоящее время в Национальной библиотеке Беларуси можно ознакомиться с этой книгой, изданной в том числе и на белорусском языке, в которой раздел «Так называемый критицизм» специально посвящен философии И. Канта.

Автор пособия сразу предупреждает читателя о том, что ему представлен только «короткий очерк учения» И. Канта, изложенный лишь схематично, однако при этом в нем проанализированы основополагающие идеи немецкого философа и дана их оценка. Б. Э. Быховский полагает, что И. Кант, идеалистически решая основной вопрос философии, в своем учении пытается решить всего одну

проблему об отношениях субъекта и объекта: я и не я [10, с. 64]. И. Кант в «Критике чистого разума» резко критиковал Д. Беркли и еще сильнее любой идеализм. По мнению Б. Э. Быховского, это дало основание некоторым авторам не считать И. Канта ни идеалистом, ни материалистом, а полагать, что он стоит над обеими односторонностями. Однако Б. Э. Быховский задавался вопросом о том, так ли это. Поиски ответов на данный вопрос осуществлялись в духе ленинских указаний. Б. Э. Быховский писал о том, что ни одно учение не концентрируется так на гносеологической проблематике, как критицизм, анализирующий разум и человеческие способности, его возможности, структуры и особенности. Далее, излагая основные положения теории познания И. Канта, ученый справедливо указывал на первостепенность роли субъекта в этом учении. Однако таким образом И. Кант, по словам автора, «опустошает объект», уменьшает его значение в познании и превращает субъект в единственного законодателя и творца знания. При этом Б. Э. Быховский не видел существенного различия между И. Кантом и так называемым феноменализмом (описан в предыдущей главе очерков Б. Э. Быховского). Это связано с трактовкой И. Кантом «вещи в себе», которую он провозглашал непознаваемой и недоступной субъекту. По мнению Б. Э. Быховского, речь не идет о каком-либо дуалистическом равенстве субъекта и объекта. Дуализм оборачивается идеализмом, поскольку только субъект творит мир науки, а объект играет исключительно служебную роль; материя при этом становится не более чем творением духа, а изучение природы сводится к изучению познания.

Тем не менее Б. Э. Быховский главную ошибку И. Канта видел в признании непознаваемости мира, отрыве знания от объективной реальности и его субъективизации с помощью категорий рассудка [10, с. 73]. Также автор очерков указывал на внутреннюю противоречивость и непоследовательность учения немецкого философа и критиковал его за отрыв содержания от формы, вещей от их связей. Отмечал он и несогласованность признания существования объективной реальности с принципиальным отказом ее познаваемости.

Многие из этих обвинений в адрес И. Канта уже не раз фигурировали в работах его западноевропейских оппонентов, в том числе и современников немецкого философа. Не раз подчеркивался и неисторический подход И. Канта к трактовке субъекта и человеческого мышления, о чем также писал Б. Э. Быховский. Правоту своих аргументов он обосновывал посредством многочисленных ссылок с указанием на результаты исследования, ряда современных наук (индивидуальной психологии, психологии народов и т. п.), отвергающих априорность как понятий, так и соответствующих форм чувственности, показывая возникновение и формирование последних в детском возрасте.

Критика Б. Э. Быховским кантовского учения отличается стремлением (в духе тогдашней идеологии) утвердить его в качестве «непоследовательного и эклектичного» идеализма, показать, что И. Кант не превзошел односторонность материализма и идеализма. Как считает Б. Э. Быховский, И. Кант не смог преодолеть крайности эмпиризма и рационализма, поскольку он ограничил сферу науки лишь областью явлений и субъективным миром [10, с. 79]. Такого рода синтез привел лишь к потере настоящего объекта науки, отрыву сознания и разума от материального мира. Вывод белорусского автора звучит в соответствии с идеологическими установками тех лет и заключается в утверждении, что достичь подлинного соединения знаний с теоретическим мышлением на основе познания объективной реальности смогут лишь учения, которые приходят на смену критическому идеализму, не способному выполнить свои задачи [10, с. 79]. В этом плане Б. Э. Быховский Г. В. Ф. Гегеля (ему профессор посвятил следующий раздел очерков) ставил выше И. Канта, так как именно Г. В. Ф. Гегель сумел сохранить реальность мира, обосновать объективность знания и показать, что мир познаваем человеком.

В 1933 г. в книге с характерным для того времени названием «Враги и фальсификаторы марксизма» Б. Э. Быховский уже гораздо резче оценивал философию И. Канта и при этом иногда употреблял не совсем лицеприятные эпитеты. По мнению автора настоящей статьи, это вряд ли было обусловлено переменной во взглядах самого философа по отношению к И. Канту и его учению. Скорее это объяснялось формированием более жестких официальных установок касательно любой немарксистской философии, а также чисто идеологическими, а отнюдь не философскими задачами, стоящими перед авторами тех лет. Так, Б. Э. Быховский обращался к немецкому мыслителю в связи с критикой его эпигонов в лице примкнувшего к неокантианству австрийского философа, теоретика так называемого австромарксизма М. Адлера, который пытался объединить кантианство с марксизмом путем восполнения последнего этикой И. Канта и логико-методологическим обоснованием марксистской социологии его критицизмом, что в СССР было абсолютно недопустимо и идеологически вредно. Б. Э. Быховский отмечал, что в своих попытках «воскресить взгляды Канта» М. Адлер демонстрировал «попятное движение». Б. Э. Быховский пытался разоблачить также и других эпигонов, которые утверждали, что И. Канту удалось стать выше основных направлений в философии, занять философскую позицию, находящуюся по ту сторону материализма и идеализма [11, с. 37]. При этом, по словам Б. Э. Быховского, они опираются на «эклектичность, межумочность его позиции», которая на деле есть не более чем примирение и компромисс. У И. Канта доминирует именно идеалистическая сторона, так как он ут-

верждает вторичность, зависимость мира, природы, объекта, материи по отношению к субъекту, мышлению, а сама материя становится лишь явлением, не существующим вне человеческой чувственности. И хотя больше всего его волновало то, как возможно познание, а не основной вопрос философии, И. Кант не мог миновать вопроса об отношении мышления к бытию. Далее Б. Э. Быховский пытался доказать, что центральная проблема критицизма так или иначе пересекается с формулировкой одной из сторон основного вопроса философии: как относится наше мышление к окружающему миру. В итоге он фактически повторяет ленинскую оценку учения немецкого философа и указывает на то, что «он и идеалист и материалист одновременно, половинчатен, колеблется, агностик и т. п.», что свидетельствует о «межумочности И. Канта» [11, с. 40].

В 1941 г. Б. Э. Быховский написал небольшую книгу «Метод и система Гегеля», в которой несколько раз упоминал И. Канта, хотя работа, как следует из ее названия, в целом посвящена анализу деятельности Г. В. Ф. Гегеля и его вкладу в философию. Б. Э. Быховский полагал, что именно Г. В. Ф. Гегель восстановил диалектику на основе новых приобретений познания, разработал новую ее историческую форму как сознательно систематизированную диалектическую логику, хотя и развитую на идеалистической основе [12, с. 10]. Переходя к вопросу о познаваемости мира и возможности его объективного, истинного познания, Б. Э. Быховский сравнивает И. Канта и Г. В. Ф. Гегеля. Более значимое место в философии, по мнению автора книги, принадлежит именно Г. В. Ф. Гегелю, поскольку он «переносит в новую плоскость этот вопрос, приведший в тупик философское учение Канта, выводит его на широкий путь историзма» [12, с. 11].

В 1947 г. в печать вышла книга Б. Э. Быховского также с очень характерным для тех лет названием – «Маразм современной буржуазной философии (об англо-американском семантическом идеализме)», где автор совсем кратко написал об И. Канте. Место немецкого философа здесь выгодно отличалось от так называемых «современных мракобесов», которых, по словам Б. Э. Быховского, «уже не удовлетворяют Кант, Гегель, Милль, Спенсер... они ищут вдохновение в средневековых трактатах» [13, с. 11].

В 1970-х гг., как отмечалось выше, Б. Э. Быховский написал две книги в серии «Мыслители прошлого», в которых много страниц посвятил философии И. Канта. Здесь автор совершенно иначе, более взвешенно проанализировал взгляды немецкого мыслителя. Однако следует понимать, что 1970-е гг. – это другая эпоха, где существовали иные оценки, хотя ленинская критика философии И. Канта имела превалярующее значение вплоть до середины 1980-х – начала 1990-х гг.

В начале Великой Отечественной войны И. Кант если и был интересен, то только как один из пред-

ставителей немецкой классической философии. В 1943 г. вышел знаменитый третий том «Истории философии» под редакцией Г. В. Александрова (с 1955 по 1961 г. он работал в Минске заведующим сектором диалектического и исторического материализма Института философии и права АН БССР). В этом томе впервые подробно изложены идеи докритического И. Канта, оценены его заслуги в развитии диалектики, хотя анализ «Критики чистого разума» по-прежнему сопровождался ссылками на В. И. Ленина. Среди активных авторов и составителей трехтомника был и профессор Б. Э. Быховский, названный одним из виновников «неправильного» освещения классической философии, в том числе учения И. Канта (подчеркивались объективизм, затуманивание консерватизма, отсутствие критики реакционности социально-политических идей и т. п.). Все-таки в большей мере это касалось философии Г. В. Ф. Гегеля и Ф. В. И. Шеллинга. Один из ведущих российских кантоведов А. Н. Круглов в своей статье, посвященной дискуссиям о И. Канте во время Великой Отечественной войны, подробно описал, как в таких условиях советские философы вели споры о роли кантовской философии в «становлении германского национал-социализма и его агрессивной внешней политики» [14, с. 192].

В послевоенные годы рост количества исследований философии И. Канта в БССР, как и в СССР, был также крайне замедлен, и только в годы хрущевской оттепели наблюдалось общее оживление интереса к его наследию. В это время белорусский читатель познакомился с собранием сочинений И. Канта (в шести томах), работами В. Ф. Асмуса, А. В. Гулыги, Т. И. Ойзермана, М. К. Мамардашвили, Э. Ю. Соловьева, П. П. Гайденко, Н. В. Мотрошиловой и др. Тем не менее о значимом росте числа публикаций, посвященных философии немецкого мыслителя, можно говорить, главным образом, применительно к России того времени. Однако найти специальные статьи и диссертационные исследования, в которых хотя бы косвенно рассматривались идеи И. Канта, не удалось.

Только в постсоветский период развития отечественной философии, в годы духовного подъема Республики Беларусь и взлета ее национальной культуры наблюдается потребность в новом прочтении классической западной философии. Белорусским философам во многом пришлось наверстывать то, что уже давно стало достоянием немарксистских историко-философских исследований. Определенный интерес вызывали вопросы, связанные с выявлением сущности и роли идей в познании и человеческой деятельности, что было обусловлено новыми практическими задачами, стоявшими перед страной, намеченными грандиозными изменениями в ее жизни. Речь идет об активизации деятельностного подхода к определению субъекта уже не как пассивного созерцателя, а как практического

преобразователя социальной действительности. Предпринимаются попытки выявить глубинные теоретические истоки такого деятельностного анализа мышления и становления диалектико-материалистического понимания логики в немецкой классической философии и, в частности, в философии И. Канта. С этой целью исследуется логическое содержание идеи И. Канта и Г. В. Ф. Гегеля как представителей двух крайних и в то же время главных полюсов немецкого классического идеализма. Также большой интерес вызывает исследование кантовской философии, рассматриваемой в контексте обоснования условий возможности рационального мышления, смены идеалов научной рациональ-

ности, а также развития идей трансцендентализма и анализа малоизученного понятийного аппарата данной философской традиции. Уделяется внимание истолкованию статуса этой философии в качестве самостоятельной традиции в западноевропейской философии. Однако этот период развития кантоведения является материалом другой статьи автора, в которой освещается постсоветский период исследований идей немецкого философа [15].

Итак, в конце XX и в XXI в. идеи И. Канта продолжают вызывать огромный исследовательский интерес, что помогает философам тщательно обдумывать и постоянно вопрошать о бытии человека, о том, что мы можем знать и что должны делать.

Библиографические ссылки

1. *Анталогія філасофскай думкі Беларусі. Том 2. Частка 1*. Мінск: БДУ; 2021. 200 с.
2. Клевченя АС. Философские идеи Канта в Белоруссии (к 200-летию выхода в свет «Критики чистого разума»). *Вестник БДУ. Серия 3. История. Философия. Научовы камунізм. Эканоміка. Права*. 1981;1:25–28.
3. Шалькевич ВФ, Легчилин АА. Рецепция философии И. Канта в Беларуси и Литве в первой трети XIX века. В: Брюшинкин ВН, редактор. *Кант между Западом и Востоком. К 200-летию со дня смерти и 280-летию со дня рождения Иммануила Канта. Труды международного семинара и международной конференции; 22–24 апреля 2005 г.; Калининград, Россия*. Калининград: Издательство РГУ имени И. Канта; 2005. с. 92–102.
4. Легчилин АА, Дудчик АЮ. Трансфер зарубежных идей в философской культуре Беларуси XIX–XX веков. *Философские науки*. 2020;63(10):88–102. DOI: 10.30727/0235-1188-2020-63-10-88-102.
5. Мотрошилова НВ. Предисловие. В: Кант И. *Сочинения в 4-х томах на немецком и русском языках. Том 1. Трактаты и статьи (1784–1796)*. Москва: Ками; 1994. с. 42–73.
6. Ивановский ВН. К вопросу об апперцепции. *Вопросы философии и психологии*. 1897;36:70–107.
7. Ивановский ВН. *Методологическое введение в науку и философию. Том 1*. Минск: Белтрестпечатъ; 1923. [239 с.].
8. Вольфсон СЯ. *Диалектический материализм. Курс лекций, читанных на факультете общественных наук БГУ. Часть 1–2*. Минск: Белтрестпечатъ; 1923. 176 с.
9. Вольфсон СЯ. *Культура и идеология загнивающего капитализма*. Москва: Государственное социально-экономическое издательство; 1935. 225 с.
10. Быхоўскі БЭ. *Нарыс філасофіі дыялектычнага матэрыялізму*. Мінск: Беларускае дзяржаўнае выдавецтва; 1930. 336 с.
11. Быховский БЭ. *Враги и фальсификаторы марксизма*. Москва: Соцэкгиз; 1933. 104 с.
12. Быховский БЭ. *Метод и система Гегеля*. Москва: Политиздат; 1941. 68 с.
13. Быховский БЭ. *Марксизм современной буржуазной философии (об англо-американском семантическом идеализме)*. Москва: Правда; 1947. 24 с.
14. Круглов АН. Споры о Канте во время Великой Отечественной войны: взгляд спустя 75 лет после Победы. Часть 1. *Вопросы философии*. 2020;5:192–209. DOI: 10.21146/0042-8744-2020-5-192-209.
15. Румянцева ТГ. И. Кант и его наследие в белорусской философии советского и постсоветского периодов. *Кантовский сборник [Препринт]*. 2021;40(3).

References

1. *Antalogija filasofskaj dumki Belarusi. Tom 2. Chastka 1* [Anthology of philosophical thought of Belarus. Volume 2. Part 1]. Minsk: Belarusian State University; 2021. 200 p. Belarusian.
2. Klevchenya AS. [The philosophical ideas of Kant in Belarus (to the 200th anniversary of the publication of «The critic of pure reason»]. *Vesnik BDU. Seryja 3. Gistoryja. Filasofija. Navukovy kamunizm. Jekanomika. Prava*. 1981;1:25–28.
3. Shal'kevich VF, Legchilin AA. [Reception of the philosophy of I. Kant in Belarus and Lithuania in the first third of the 19th century]. In: Bryushinkin VN, editor. *Kant mezhdu Zapadom i Vostokom. K 200-letiyu so dnya smerti i 280-letiyu so dnya rozhdeniya Immanuila Kanta. Trudy mezhdunarodnogo seminar i mezhdunarodnoi konferentsii; 22–24 aprelya 2005 g.; Kaliningrad, Rossiya* [Kant between West and East. On the 200th anniversary of the death and 280th anniversary of the birth of Immanuel Kant. Proceedings of the international seminar and international conference; 2005 April 22–24; Kaliningrad, Russia]. Kaliningrad: Izdatel'stvo RGU imeni I. Kanta; 2005. p. 92–102.
4. Liahchylin AA, Dudchik AYu. Transfer of foreign ideas to the philosophical culture of Belarus in the 19th and 20th centuries. *Russian Journal of Philosophical Sciences*. 2020;63(10):88–102. Russian. DOI: 10.30727/0235-1188-2020-63-10-88-102.
5. Motroshilova NV. [Preface]. In: Kant I. *Sochineniya v 4-kh tomakh na nemetskom i russkom yazykakh. Tom 1. Traktaty i stat'i (1784–1796)* [Works in 4 volumes in German and Russian. Volume 1. Treatises and articles (1784–1796)]. Moscow: Kami; 1994. p. 42–73. Russian.
6. Ivanovskii VN. [To the question of apperception]. *Voprosy filosofii i psikhologii*. 1897;36:70–107. Russian.

7. Ivanovskii VN. *Metodologicheskoe vvedenie v nauku i filosofiyu. Tom 1* [Methodological introduction to science and philosophy. Volume 1]. Minsk: Beltrestpechat'; 1923. [239 p.]. Russian.
8. Vol'fson SYa. *Dialekticheskii materializm. Kurs lektsii, chitannykh na fakul'tete obshchestvennykh nauk BGU. Chast' 1–2* [Dialectical materialism. A course of lectures delivered at the faculty of social sciences of the Belarusian State University. Parts 1–2]. Minsk: Beltrestpechat'; 1923. 176 p. Russian.
9. Vol'fson SYa. *Kul'tura i ideologiya zagnivayushchego kapitalizma* [Culture and the ideology of decaying capitalism]. Moscow: Gosudarstvennoe sotsial'no-ekonomicheskoe izdate'stvo; 1935. 225 p. Russian.
10. Bykhovskii BE. *Narys filosofii dyjalektychnaga matjeryjalizmu* [Essays of the philosophy of dialectical materialism]. Minsk: Belaruskae dzjarzhavnae vydavectva; 1930. 336 p. Belarusian.
11. Bykhovskii BE. *Vragi i fal'sifikatory marksizma* [Enemies and falsifiers of Marxism]. Moscow: Sotsekgiz; 1933. 104 p. Russian.
12. Bykhovskii BE. *Metod i sistema Gegelya* [Method and system of Hegel]. Moscow: Politizdat; 1941. 68 p. Russian.
13. Bykhovskii BE. *Marazm sovremennoi burzhuaznoi filosofii (ob anglo-amerikanskom semanticheskom idealizme)* [Insanity of modern bourgeois philosophy (about Anglo-American semantic idealism)]. Moscow: Pravda; 1947. 24 p. Russian.
14. Krouglov AN. Discussion about Kant during the Great Patriotic War: the look 75 years after the Victory. Part I. *Voprosy Filosofii*. 2020;5:192–209. Russian. DOI: 10.21146/0042-8744-2020-5-192-209.
15. Rumyantseva TG. I. Kant and his legacy in the Belarusian philosophy of the Soviet and post-Soviet periods. *Kantovskii sbornik* [Preprint]. 2021;40(3). Russian.

Статья поступила в редколлегию 09.04.2021.
Received by editorial board 09.04.2021.

УДК 1(091)

ИСТОРИОГРАФИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТУАЛИЗМА (К 100-ЛЕТИЮ БГУ)

А. А. ЛЕГЧИЛИН¹⁾, С. В. ВОРОБЬЕВА¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Представлена историография интеллектуализма в ракурсе достижений в области логики и национальной философии в БГУ. В первой части статьи рассмотрена историография логического знания от истоков до современности, во второй – историография изысканий ученых БГУ в области национальной философии. Историография сопровождается подробной библиографией, которая позволяет, во-первых, проследить динамику и филиацию логических и философских идей в интеллектуальной национальной истории, во-вторых, определить роль и значение философского сообщества БГУ в процессе формирования белорусского интеллектуализма.

Ключевые слова: логика в БГУ; национальная философия в БГУ; научная школа И. Н. Лушицкого; кафедра истории философии и логики; кафедра философии культуры; интеллектуальная история Беларуси.

HISTORIOGRAPHY OF NATIONAL INTELLECTUALISM (TO THE 100th ANNIVERSARY OF THE BELARUSIAN STATE UNIVERSITY)

A. A. LIAHCHYLIN^a, S. V. VOROBYOVA^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Corresponding author: A. A. Liahchylin (liahchylin@bsu.by)

The article presents the historiography of intellectualism in the perspective of achievements in the field of logic and national philosophy at Belarusian State University. The first part of the article traces the historiography of logical knowledge from its origins to the present, the second – the historiography of the research of Belarusian State University scientists in the field of national philosophy. Historiography is accompanied by a detailed bibliography, which allows, firstly, to trace the dynamics and filiation of logical and philosophical ideas in the intellectual national history, and secondly, to determine the role and significance of the philosophical community of Belarusian State University in the process of the formation of Belarusian.

Keywords: logic at Belarusian State University; national philosophy at Belarusian State University; I. N. Lushchitsky scientific school; department of history of philosophy and logic; department of philosophy of culture; intellectual history of Belarus.

Образец цитирования:

Легчилин АА, Воробьева СВ. Историография национального интеллектуализма (к 100-летию БГУ). Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология. 2021;3:12–20.

For citation:

Liahchylin AA, Vorobyova SV. Historiography of national intellectualism (to the 100th anniversary of the Belarusian State University). Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology. 2021;3:12–20. Russian.

Авторы:

Анатолий Александрович Легчилин – кандидат философских наук, доцент; профессор кафедры философии культуры факультета философии и социальных наук.
Светлана Викторовна Воробьева – кандидат философских наук, доцент; доцент кафедры философии культуры факультета философии и социальных наук.

Authors:

Anatoly A. Liahchylin, PhD (philosophy), docent; professor at the department of philosophy of culture, faculty of philosophy and social sciences.
liahchylin@bsu.by
Svetlana V. Vorobyova, PhD (philosophy), docent; associate professor at the department of philosophy of culture, faculty of philosophy and social sciences.
cherbourg@mail.ru

Философию можно... назвать чем-то вроде роскоши постольку, поскольку именно «роскошь» обозначает те удовольствия и занятия, которые не входят в область внешней необходимости...

Г. В. Ф. Гегель

Каждый народ, стремящийся к самоопределению, претендует на философское осмысление духа своего времени. Г. В. Ф. Гегель, развивая мысль, воспроизведенную нами в эпиграфе, заметил, что «дух эпохи кует, согласно своему принципу, всю свою действительность и ее судьбы». Философия же «есть высший цвет... понятие всего образа духа, сознание и духовная сущность всего состояния народа, дух времени как мыслящий себя дух», и в таком случае «у данного народа появляется определенная философия» [1, с. 110–111]. Рассуждая в этом направлении о русском философствовании, Б. В. Яковенко в начале XX в. заметил: «Для той или другой нации чрезвычайно существенно и характерно, что в ее духовной жизни нашла для себя возможность выразиться и осуществиться какая-нибудь определенная философия» [2, с. 106]. Аналогично тому, «как в великих системах немецкого идеализма было... построено сознание и духовный смысл народа немецкого... так и грядущее русское философское строительство ляжет фундаментом... в основу российского существования...» [2, с. 111]. Поэтому «кто хочет действительно понять русскую историю, русский народ, русскую душу... тот должен, кроме всего прочего, ознакомиться и с философскими стараниями русского ума» [2, с. 110].

Суммировав эти мысли, можно утверждать, что философия выражает дух своего народа, его ментальность, язык. Следовательно, национальное философствование требует у народа наличия духовной культуры. Обращаясь к многовековой истории интеллектуальной культуры Беларуси и учитывая топологию формирования белорусского этноса, необходимо отметить двойственность истоков духа нашего народа. В одном ракурсе, это византийская культура с ее позицией понимания жизни, в другом – западноевропейская культура с идеей познания мира. Также двояко воспринимается национально-философская идея Беларуси, соединяющая в себе любовь к величию и силе западноевропейского *cogito* и пылкую любовь к *sum*. От истоков до современности философская мысль Беларуси проявляется не только во взаимосвязи с мировой философией, но также представляется как мера ее автономии. Это значит, что результаты философского познания белорусских мыслителей всегда были включены в поток мирового философского мышления и предопределены духом их времени и стараниями их ума.

В связи с этим история философской мысли Беларуси предстает как многовековое испытание ин-

теллекта, заключающееся в поиске пути к смыслу и истине. Как любая история духа народа, история философской мысли Беларуси – это традиция, в развитии которой можно выделить несколько больших периодов: X–XV вв., XVI – середина XVIII в., вторая половина XVIII – XIX в., XX – первая треть XXI в. Здесь нет прямой логики или преемственности. Данная периодизация, как и любая другая, достаточно условна, но она отражает определенные исторические сдвиги в интеллектуальной культуре региона, куда входили земли современной Беларуси. Анализ и осмысление названных временных отрезков осуществлялись, как правило, с различных методологических точек зрения. В большей степени использовалась методология презентизма, в меньшей – антикваризма. Если в историографии антикваризм как метод исследования предполагает изучение и оценку исторического процесса исходя из него самого, то презентизм выстраивает событийные ряды в зависимости от значений, которые придают им в современном знании и картине мира, т. е. с позиции понимания исследователя. По этой причине сравнительный анализ представителей интеллектуальной национальной культуры и мыслителей европейской философии, применяемый в историографии, объясняется доминантой презентизма. Таким способом прослеживалась рецепция философских систем в белорусской интеллектуальной культуре, выяснялось, каким образом Другой (Чужой) был включен в наше «тело», какие трансформации с Другим происходили от него и как Моя (Своя) культура, весь духовный организм «белорусскости» на это реагировал.

В подтверждение данных размышлений обратимся к исследованиям в области логики и национальной философии в БГУ. Данными действиями мы хотим отдать дань уважения *alma mater*, которая в этом году отмечает 100-летний юбилей, и выразить благодарность тем людям, которые эту «мать» интеллектуально питали. История присутствия логики в БГУ, с одной стороны, является дисциплинарной, педагогической и научно-исследовательской составляющей, с другой – выступает как интеллектуальная национальная история Беларуси в контексте европейской и всемирной культуры. Логические идеи составляют основы ментальности любой национальности и эпохи. Логика как выражение поступательного процесса познания всегда соизмерима с формой и содержанием науки и культуры, присутствиями их историческому времени и географическому

положению, включая время и пространство белорусской науки и культуры.

Академическая судьба логики в БГУ имеет свою длительную предысторию, оказавшую влияние на становление национальной философии и белорусской ментальности в целом. Поэтому теоретически и методологически актуальным представляется зафиксировать истоки филиации логических идей и затем обратиться к историографии национально-интеллектуализма в БГУ.

Первое упоминание о логической мысли в нашем регионе относится к XVI в. Это был выполненный князем А. М. Курбским перевод книги с латинского языка, который в историографии именуется «От другие диалектики Ионна Спанинбергера о силлогизме вытолковано» [3]. Он вышел в Вильно в 1586 г. и стал источником логико-диалектических знаний, необходимых для формирования в первую очередь религиозно-полемиического мышления. Перевод книги предназначался для учебных целей православных школ (чтобы обучить искусству религиозной полемики), уделявших в то время пристальное внимание подготовке своих воспитанников в сфере формальной логики. Содержание данной книги включает определения фигур и модусов силлогизмов, их примеры, раскрывающие способы детализации полемиической аргументации, а также энтимемы, или нецелые силлогизмы, подразумевающие наличие скрытой информации. А. М. Курбский подчеркивал практическое значение книги. В частности, в послесловии «Сказ Андрея чего ради сии написаны» автор указывает на то, что не всем аргументам можно доверять, так как некоторые силлогизмы посредством силы слова обосновывают правду, укрепляя таким способом истину, другие, опираясь на ту же силу, – выступают против нее. Перевод А. М. Курбского стал выражением наметившейся еще в XIV в. тенденции приобщения обучающейся молодежи к интеллектуальной византийской традиции, о которой автор узнал при изучении творчества Максима Грека.

Сочинения и учебные курсы лекций по логике, появившиеся в XVII – первой половине XVIII в., представляют собой рецепцию идей «Органона» Аристотеля и комментарии к ним. Характерной в этом отношении является «Логика» М. Смиглецкого (1562–1618), изданная в 1618 г. в Ингольштадте. В ней автор последовательно отстаивает семиотические идеи о знаковой и диалектической сущности мышления: тот, кто ничего не подразумевает, ничего не обозначает; слово обозначает вещи только посредством понятий, поэтому выбором слова определяется направление в обсуждении какой-либо темы. Такой подход к мышлению и полемической аргументации был впоследствии развит Ч. С. Пирсом в прагматической версии логики. Историческая значимость «Логики» М. Смиглецкого подтверждается

тем фактом, что она использовалась в качестве учебника в Западной Европе до середины XIX в.

Кульминацией развития логики в нашем интеллектуальном пространстве стали сочинения С. Лауксмина (1596–1670) и А. Кояловича (1609–1677), которые символизируют завершение эпохи ассимиляции перипатетических идей. С. Лауксмин включает в свои сочинения «Практическое красноречие, или правила риторического искусства» и «Суть диалектики» [4, с. 112–125] аналитические идеи Аристотеля, необходимые для ясности и красоты речи, а также диалектику, которая познает, «каким образом действие нашего интеллекта может правильно совершаться так, чтобы не возникало заблуждений» [4, с. 117]. С. Лауксмин раскрывает «суждение интеллекта» и его шесть сущностных аспектов: «суппозицию, количество, качество, оппозицию, равнозначность и конверсию» [4, с. 117, 120]. Следует отметить, что все эти аспекты учитываются в современных научных теориях, связанных с проблемами логики, языка, коммуникации.

А. Коялович в труде «Зрение, уточненное разумом» [4, с. 146–152], чтобы отстоять аристотелевские принципы, продемонстрировал преимущества рационального доказательства по отношению к наглядности: «То, что перед судом зрения еще устоит как-нибудь, перед судом разума – падет» [4, с. 147]. Ограниченность рассудочного мышления он связывает с импровизированными философствованиями, которые «обычно бывают незрелыми» именно вследствие отсутствия логического инструментария. «О неисследованных же вещах выносить суждение – это обычно чревато заблуждением: ведь если брать во внимание немного и с поспешностью делать вывод, то можно скоро впасть в ошибку» [4, с. 146]. Можно утверждать, что А. Коялович в названном сочинении упреждает кантовскую философию, аргументировано разграничивая восприятие мира и рассуждение о нем, рассудок и разум.

Во второй половине XVII в. начинается критическое переосмысление перипатетической силлогистической логики как формальной модели схоластического мышления и намечаются сдвиги к расширению представлений о логическом знании. Наиболее отчетливо эти тенденции выражены в логических трактатах наших интеллектуалов: Т. Билевича, ректора Новогрудской коллегии А. Скорульского, профессора философии этой коллегии С. Шадурского, профессоров философии Виленского университета Б. Добшевича, К. Нарбуто и А. Довгирда, Архиепископа Могилевского Георгия (Конисского). Их трактаты свидетельствуют не только о погруженности в дискуссионное поле западноевропейской логики и философии (Аристотель, Фома Аквинский, Р. Декарт, Г. В. Лейбниц, Х. фон Вольф, Дж. Локк, И. Кант и др.), но и о построении собствен-

ных концепций логики и философии и, соответственно, региональной ментальности. Кратко охарактеризуем их логические взгляды.

Т. Билевич (середина XVII – начало XVIII в.) – интеллектуал, активный общественный деятель, – эти тенденции наиболее отчетливо выразил в изданной в 1675 г. диссертации «Философия в трех частях: рациональная, натуральная и моральная» [4, с. 156–162]. Она стала результатом его обучения в Виленской академии в 1672–1675 гг. В его теоретических изысканиях, опирающихся на типологию философского знания Аристотеля, прослеживаются педагогические механизмы адаптации перипатетических идей к социально-политическим условиям своего общества. Для этого мыслитель разграничивал логические и моральные аспекты образования. Если моральная философия важна для общественной жизни, то рациональная необходима для ума. Автор определяет понятия (представления), суждения и умозаключения как три базовых действия ума, которые направляют в жизни. «Все могут без логики познавать, но никто без нее не может знать, как он познает» [4, с. 162]. В 1677 г. Т. Билевич вошел в состав свиты М. К. Радзивилла во время его путешествия по Европе. Таким распространенным среди богатой молодежи способом он продолжил свое образование, дополняя теоретические знания индивидуальным практическим опытом. Наметившийся в этот период ренессансный поворот в образовании расширил границы его самоподготовки к общественно-политической деятельности посредством наблюдений во время путешествий, накопления новых впечатлений и размышлений над ними, которые фиксировались в личных дневниках [5].

А. Скорульский (1715–1780) в труде «Комментарии по философии, или логике» [4, с. 209–223] последовательно обосновывает идею о ее предназначении в образовательно-педагогическом процессе. Логика, по его мнению, «готовит ум к сопоставлению знаний о вещах». Тем самым она обеспечивает избегание легкомыслия, когда, «не взвешивая аргументов доказательства, принимают за истину то, что слышат от других, или постоянно отвергают и осуждают все новое и непривычное, о чем им говорят» [4, с. 209, 212].

С. Шадурский (1726–1786), выступив против пирронизма и скептицизма, в целом отстаивал логику научного познания, а именно логику физики, которая должна опираться на разум и показания органов чувств [4, с. 230–242]. Выступая сторонником «наблюдательного естествознания», он формулировал аргументы сомнения против картезианских идей и монад Г. В. Лейбница, против «перипатетической системы, отстаивающей абсолютные акциденции», которая вплоть до картезианских времен «господствовала в университетах» [4, с. 231]. В раз-

мышлениях С. Шадурского четко обозначен переход к пониманию акциденций как модальных состояний (свойств) материи, а не как автономных сущностей, следовательно, и к основам модальной логики, связанной с оценками рассуждений, в частности с физическими модальностями – онтологическими или каузальными.

Б. Добшевич (1722–1794) вводит в логику и методологию науки принцип методического сомнения. Его суть заключается в том, что «мы не осуждаем, не подумав, взгляды других, но спокойно взвешиваем в уме все эти заявления, которые кажутся нам чуждыми, не имеющими никакого основания положениями, вопросами и обстоятельствами, и не довольствуемся тотчас же своими суждениями» [4, с. 251]. Методическое сомнение, согласно мыслителю, вынуждает учитывать следующие моменты: «Действительно ли верны или вероятностны те положения, которые мы поддерживаем?», «Какие выдвигаемые нами доводы отрицаются, и можем ли мы возражать?», «Обманывают ли нас чувства в этих доводах?», «Мешают ли нам их защищать упрямство или тщеславие?». Таким путем Б. Добшевич обосновывает значение логики как «основы философии, как науки, управляющей умом» [4, с. 250–251].

Архиепископ Могилевский Георгий (1717–1795), воспитанный в духе православия и с учетом византийской традиции, связывает общественный прогресс с развитием науки и отстаивает идею просвещения народа, способствует распространению образования на все слои населения. В труде «Рациональная философия, или логика» [4, с. 277–289] он раскрывает логические аспекты образования, акцентируя внимание на доступности знаний для понимания и на выборе правильного пути к научному знанию. В первом случае Архиепископ Могилевский Георгий подчеркивает значение «ясной постановки вопроса», «которая делает услугу обучению», способствуя обогащению человека «новым знанием», во втором – намечает путь в процессе обучения – от того, что неясно и нечетко, но составляет известные первоосновы, к менее известному, но научному знанию. Иначе процесс познания осложняется [4, с. 278].

Значение логики в образовательном процессе показывает К. Нарбут (1738–1807) в труде «Логика» [4, с. 293–304]. «Все науки должны иметь в качестве поводыря логику», так как именно она «осуществляет старательное, точное и ясное управление разумом» в процессе размышлений относительно любой вещи. Логика учит быть осторожным и меньше доверять ложным мыслям, помогает освободиться от ошибочных бесполезных взглядов. В противном случае логические аргументы уступают место эмоционально-чувственным аффектам. В частности, «любовь и ненависть чудесным образом переключивают взгляды человека»: первая отвратительные свойства

любимых предметов выдает за добро и добродетель, вторая добро, красоту и добродетель называет отвратительными или преступными» [4, с. 299].

А. Довгирд (1776–1835) – сторонник идеологии Просвещения – подготовил «Трактат о естественных правилах мышления, или Логику теоретическую и практическую», изданный в 1828 г. в Полоцке [6]. Его тематика и структура содержания обусловлены, с одной стороны, критикой И. Канта и всей немецкой классической философии, с другой – апологетикой эмпирической философии Дж. Локка и Э. Кондильяка. Объектом критики А. Довгирда выступает метафизика, объектом апологетики – эмпирика. Разграничивая метафизический и эмпирический подходы к логике, ученый обосновывает ограниченность взглядов на логику как науку о формах мышления и раскрывает преимущества понимания ее практически-действенного содержания и взаимосвязи с конкретными науками. Результатом такого разграничения стал психологический вариант построения логики, выступающей орудием мысли, а не закрытой метафизикой. Критика метафизики включает аргументы против кантианского учения об априорности знания и субъективного агностического идеализма Д. Юма. Основная идея полемики с И. Кантом заключается в обосновании преимущества философии и логики здравого смысла перед трансцендентальным идеализмом, практики и деятельности – перед априоризмом. В полемике с Д. Юмом А. Довгирд отдавал предпочтение логическому мышлению, а не ассоциативному, так как сложившиеся чувственные привычки восприятия человеком внешнего мира не могут выступать первоисточником причинно-следственных связей [6, с. 108].

Таким образом, период начиная со второй половины XVII в. и до 1830-х гг. можно назвать эпохой классической логики в культурном пространстве нашего региона. Логика выступала не только теоретической основой образования, но и практическим условием формирования полемического мышления интеллектуалов. В XIX в. в интеллектуальном европейском пространстве классическая логика, уступая место диалектической логике, подвергалась критике прежде всего под влиянием идей И. Канта и Г. В. Ф. Гегеля. Эти же тенденции характерны и для нашего региона, особенно после закрытия Полоцкой иезуитской Академии (1820) и Виленского университета (1832), на что повлияла политика России в области философского образования.

В начале XX в. логика вновь приобрела статус учебной дисциплины и была введена в программу подготовки педагогических кадров. В Витебске в 1916 г. для этих целей была издана работа русского профессора философии Варшавского университета Е. А. Боброва «Историческое введение в логику»¹ (сейчас она хранится в Институте научной информации по общественным наукам РАН).

Новая эпоха в развитии логики и стремительное развитие национальной философии в советской Беларуси начинается после открытия высших учебных заведений и научных центров, в первую очередь после официального открытия в 1921 г. Белорусского государственного университета. Преподавание логики ведется с его основания. За 100-летний период функционирования университета логика и стратегии ее преподавания видоизменялись и совершенствовались.

Свой курс лекций «Логика и методология науки», опубликованный под названием «Методологическое введение в науку и философию» [7], с 1921 по 1927 г. читал известный российский философ, профессор В. Н. Ивановский (1867–1939), по его признанию, «студентам всех отделений Педагогического факультета: и математикам, и естественникам, и словесникам, и историкам». В преподавании он стремился приблизиться «к идеалу более широкого научного образования, скрепляемого в некоторое единое целое научно-философским рассмотрением методологии и истории знания во всех его областях, – к идеалу, дорогу к которому указывает немецкая система “философских факультетов”» [7, с. VII].

В. Н. Ивановский, основываясь на логическом психологизме, критически переосмыслил базирующуюся на «Органоне» Аристотеля средневековую методологию, которая «имела преимущественно дедуктивно-силлогистический характер». Ее ресурсы были ограничены приспособленностью «лишь к отысканию внутренних взаимоотношений между готовыми положениями и аргументами и не могла служить для отыскания новых истин (не вытекавших из старых авторитетов: писания, творений отцов, Аристотеля и др.)» [7, с. 104]. Одним из путей выхода за пределы классической логики стала теория ценностей и типология оценок, которым было отведено значительное место в лекциях и изданной книге [7, с. IV], которую можно рассматривать как исток неклассической логики оценок.

Профессор БГУ С. Я. Вольфсон (1894–1941) с 1921 по 1930 г. читал курс диалектического материализма, проистекающего из диалектической логики [8]. Этой же парадигме следовал и уроженец Беларуси Б. Э. Быховский (1901–1980), выпускник БГУ 1923 г., с 1929 г. – профессор. В течение названного периода в его творчестве проявился излишний идеологический критицизм по отношению к формальной логике со стороны диалектики [9].

Значимым событием в становлении национальной философии и стимулом к дальнейшему развитию логики стало создание в 1947 г. в БГУ кафедры истории философии. В 1950 г. она была преобразована в кафедру истории философии и логики, которую возглавил И. С. Чимбург (1904–1978), занимавший должность ректора университета с 1949 по 1952 г. В период с 1953 по 1973 г. заведующим дан-

¹Бобров Е. А. Историческое введение в логику. 4-е изд. Витебск : Тип. Н. А. Сролиовича и И. М. Манковича, 1916. 102 с.

ной кафедры был доктор философских наук, профессор, член-корреспондент АН БССР (1969), заслуженный деятель науки БССР (1971), участник Великой Отечественной войны И. Н. Лущицкий (1907–1973). С этого момента в названии кафедры были объединены двойственные тенденции формирования белорусского интеллектуализма – историко-философская и логическая. История философии и логика обрели не только статус официальных учебных дисциплин в БГУ, но и свой академический потенциал исследований в контексте европейских и мировых традиций. В это время активно разрабатывалась проблематика, связанная с формированием белорусской национальной философии, становлением логики и методологии научного познания, чему частично способствовали идеологические установки на критицизм буржуазной философии.

Основателем данной исследовательской традиции стал И. Н. Лущицкий. В Институте философии АН СССР 19 февраля 1952 г. он защитил докторскую диссертацию под названием «Передовая общественно-политическая и философская мысль в Белоруссии второй половины XIX века». После этого события по теме диссертации последовали многочисленные публикации². В них исследовалось мировоззрение Ф. Богушевича, А. Г. Гуриновича, К. Калиновского. В 1958 г. И. Н. Лущицкий опубликовал большую монографию «Нарысы па гісторыі грамадска-палітычнай і філасофскай думкі ў Беларусі ў другой палавіне XIX веку» [10]. В ней на основе редких архивных материалов подробно исследованы персоналии, которые впервые были представлены в докторской диссертации и последующих публикациях. В это время И. Н. Лущицкий выступает также соавтором таких фундаментальных трудов в области истории философии народов СССР, как «Очерки по истории философской и общественно-политической мысли народов СССР» (1956), «История философии» (1957), «Философская энциклопедия» (1960–1970).

И. Н. Лущицкий не только страстно исследовал, но и ярко пропагандировал интеллектуальное белорусское наследие в разных жанрах и вариантах. Его выступления пользовались успехом и собирали многочисленную аудиторию в Минске и в других городах СССР, а также за рубежом в ГДР, Югославии, США, Франции, Италии и других странах. Разносторонняя деятельность И. Н. Лущицкого способствова-

ла расширению и укреплению научных связей с учеными социалистических государств и прежде всего с коллективом Йенского университета имени Фридриха Шиллера.

Для новых исследований национальной мысли, помимо активной творческой деятельности, И. Н. Лущицкий собирал вокруг себя учеников-единомышленников. Под его руководством докторские и кандидатские диссертации защитили 43 ученых. Среди них были участники Великой Отечественной войны А. С. Клевченя (1924–2002) и Н. В. Рожин (1926–1993).

В 1959 г. А. С. Клевченя защитил кандидатскую диссертацию «Общественно-политические и философские взгляды Адама Мицкевича» и опубликовал на ее основе монографию [11]. Впоследствии он обратился к идейному наследию Ефросинии Полоцкой, Кирилла Туровского, Климента Смолятича, издал в соавторстве с доцентом кафедры истории философии и логики В. И. Бартоном (1935–2006) первый в Беларуси библиографический указатель по философским наукам³, а в 1970 г. защитил докторскую диссертацию, посвященную вопросам марксистско-ленинской философии в Польше [12]. Ему была доверена кафедра истории философии и логики, которой он руководил с 1974 по 1987 г. (его предшественником был И. Н. Лущицкий).

Н. В. Рожин свое исследование посвятил анализу общественно-политических и философских идей, изложенных в газете «Северо-Западный край», издававшейся в Минске с 1902 по 1905 г. В 1965 г. ученый по материалам данного исследования защитил кандидатскую диссертацию и на ее основе опубликовал монографию⁴. В последующем Н. В. Рожин сконцентрировал свое внимание на изучении взглядов представителей западной философии и защитил докторскую диссертацию [13].

Еще один ученик И. Н. Лущицкого – А. А. Бирало (1932–1974), ушедший в расцвете сил, – в 1971 г. опубликовал монографию «Философская и общественная мысль в Белоруссии и Литве в конце XVII – середине XVIII в.», а в 1979 г. (после смерти ученого) была издана его монография «Философские проблемы в науке эпохи Просвещения в Белоруссии и Литве» [14]. Работы А. А. Бирало стали одними из первых в нашей интеллектуальной культуре, в которых вместе с введением в научный оборот новых источников (преимущественно на польском, литовском и латинском

²Лущицкий И. Н. Великие русские революционеры-демократы и передовая общественно-политическая мысль в Белоруссии (60-е гг. XIX в.) // Большевик Белоруссии. 1952. № 5. С. 54–63; *Ён жа*. Перадавыя грамадскія ідэі ў беларускай вуснай народнай творчасці (XIX ст.) // Польшыя. 1953. № 8. С. 127–139; *Ён жа*. Перадавая грамадская думка ў беларускай ананімнай літаратуры // Там жа. 1954. № 1. С. 135–150; *Ён жа*. Аб светапоглядзе Адама Гурыновіча // Там жа. 1955. № 6. С. 141–151; *Ён жа*. Грамадска-палітычныя і філасофскія ідэі твораў Ф. Багушэвіча // Там жа. № 8. С. 130–145.

³Клевченя А. С. Идейное наследие Кирилла Туровского // Ист. традиции филос. культ. народов СССР и современность. Киев : Наукова думка, 1984. С. 153–160; Клевченя А. С., Бартон В. И. Философская наука Советской Белоруссии, 1945–1981. Библиографический указатель. Минск : Университетское, 1986. 181 с.

⁴Рожин Н. В. Философская, общественно-политическая и эстетическая мысль Белоруссии в 1902–1905 годах (по материалам газеты «Северо-Западный край») : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 09.00.03. Минск, 1965. 23 с. ; *Он же*. Газета «Северо-Западный край»: очерк общественно-политической, философской и эстетической позиции, 1902–1905. Минск : БГУ, 1970. 165 с.

языках) аргументировано выражены национальные приоритеты конкретного периода истории.

Поиском национальных идей в идеологической атмосфере интеллектуальной культуры Беларуси активно занимался последователь научной школы И. Н. Лущицкого М. И. Иосько (1929–1986). В своих статьях и монографии он исследовал творчество наших соотечественников в контексте революционно-демократических и марксистских идей, раскрыл роль «Капитала» К. Маркса в процессе вызревания и подготовки буржуазно-демократической революции в России, повлиявшей на ход национальной истории⁵.

Признанным энциклопедистом в области познания философской и общественно-политической мысли Беларуси, особенно в XIX в., является также представитель научной школы И. Н. Лущицкого В. Ф. Шалькевич (родился в 1941 г.). Кандидатская и докторская диссертации, многочисленные научные публикации, в том числе за рубежом, издание учебных пособий ставят его имя в ряд известных и признанных интеллектуалов национальной мысли. В. Ф. Шалькевич впервые в Беларуси исследовал такие темы, как «Рецепция идей И. Канта в Беларуси», «Полоцкая неосхоластика». В его работах по-новому зазвучали идеи славянских мыслителей⁶.

Несмотря на то что в последней трети XX в. исследования в области истории национальной мыс-

ли в БГУ уступили место западноевропейской философии, традиции, заложенные И. Н. Лущицким, эпизодически прослеживались в рамках диссертаций по отдельным периодам и персоналиям⁷. Исследования в области национальной философии в этот период велись преимущественно в Институте философии НАН Беларуси учеными (С. А. Подокшин, А. С. Майхрович, В. М. Конон, Э. К. Дорошевич и др.), которые сами вошли в анналы национальной философии. Они постоянно сотрудничали с БГУ в научном и педагогическом планах.

С конца 1960-х гг. на кафедре истории философии и логики параллельно с исследованиями в области национальной философии велась целенаправленная работа в сфере логического знания: защищались диссертации по научной специальности «Логика» (В. Ф. Берков (родился в 1936 г.), В. И. Бартон и др.), издавались монографии и учебная литература⁸.

В 2001 г. кафедра истории философии и логики была реорганизована в кафедру философии культуры, где продолжились ее традиции. В данном случае произошла не просто смена названия кафедры, но и переориентация в приоритетах ученых в соответствии с духом времени. Исследование национальной философии продолжилось в рамках кандидатских диссертаций⁹, подготовки пособия «Антология философской мысли Беларуси» [15]. С учетом новых социально-культурных условий и инновационных

⁵Иосько М. И. Николай Судзиловский-Руссель: жизнь, революционная деятельность и мировоззрение. Минск : Изд-во БГУ, 1976. 335 с. ; Он же. К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Белоруссия. Минск : Изд-во БГУ, 1977. 240 с.

⁶Шалькевич В. Ф. Марксистско-ленинская философия в Белоруссии (1946–1955) : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 09.00.03. Минск, 1972. 17 с. ; Ён жа. Філасофская думка ў Беларусі. Мінск : Голас Радзімы, 1976. 84 с. ; Ён жа. Скарына і яго час. Мінск : Голас Радзімы, 1979. 77 с. ; Ён жа. Кастусь Каліноўскі: старонкі біяграфіі. Мінск : Універсітэцкае, 1988. 240 с. ; Он же. Общественно-политическая и философская мысль Беларуси в первой половине XIX века : автореф. дис. ... д-ра филос. наук : 09.00.03. Минск, 1993. 66 с. ; Он же. Скорина и скориниана. Минск : Право и экономика, 2001. 117 с. ; Ён жа. Гісторыя палітычнай і прававой думкі Беларусі. Мінск : Маладзёжнае навуковае супольніцтва, 2002. 248 с. (В 2009 г. в Польше была издана книга В. Ф. Шалькевича «Świat myśli słowiańskiej: z historii filozofii i myśli społeczno-politycznej narodów słowiańskich». В ней анализируются малоисследованные проблемы духовного наследия таких славянских философов белорусской, русской, украинской, польской мысли XVIII–XIX вв., как В. С. Соловьев, Г. К. Ганкевич, В. В. Махальский, К. Калиновский и др.)

⁷Земляков Л. Е. Вопросы марксистской этики в Советской Белоруссии 20-х годов : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 09.00.05. Минск, 1972. 19 с. ; Адуло Т. И. Марксистско-ленинская философия в Белоруссии во второй половине 30-х годов : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 09.00.03. Минск, 1974. 24 с. ; Королев И. А. Социологические идеи и учения в Белоруссии и Литве в конце XVI – первой половине XVII вв. : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 09.00.03. Минск : БГУ, 1978. 19 с. ; Легчилин А. А. Диалектико-материалистическая методология и идейная борьба в естествознании в Советской Белоруссии (20–30-е годы) : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 09.00.03. Минск, 1981. 17 с. ; Карпинский В. В. Мировоззрение Элизы Ожешко : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 09.00.03. Минск, 1989. 20 с.

⁸Берков В. Ф. Логическая сущность вопросов автореф. дис. ... канд. филос. наук : 09.00.07. Минск, 1968. 15 с. ; Бартон В. И. Сравнение как средство познания : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 09.00.07. Минск, 1971. 20 с. ; Логика / под общ. ред. А. Г. Левина. Минск : Изд-во БГУ, 1974. 336 с. ; Сборник упражнений по логике : уч. пособие. 2-е изд. / под ред. А. С. Клевчени. Минск : Изд-во БГУ, 1981. 224 с. ; Дубинин И. И., Гусякова Л. Г. Динамика обыденного сознания. Минск : Университетское, 1985. 135 с. ; Сборник упражнений по логике : для вузов. 3-е изд., перераб. и доп. / под ред. А. С. Клевчени и В. И. Бартона. Минск : Университетское, 1990. 288 с. ; Логика : учеб. пособие / В. Ф. Берков, В. И. Бартон, И. И. Дубинин [и др.] ; под общ. ред. проф. В. Ф. Беркова. Минск : Выш. шк., 1994. 296 с. ; Логика (логические аспекты общения) : учебное пособие / В. Ф. Берков, Я. С. Яскевич, И. И. Дубинин. М. : Наука, 1994. 299 с. ; Логика: Логические основы общения. Хрестоматия / сост. В. Ф. Берков, Я. С. Яскевич, И. И. Дубинин. М. : Наука, 1994. 333 с. ; Логика и риторика. Хрестоматия / сост. В. Ф. Берков, Я. С. Яскевич. Минск : ТетраСистемс, 1997. 624 с. ; Берков В. Ф., Яскевич Я. С., Павлюкевич В. И. Логика. Минск : ТетраСистемс, 1998. 480 с.

⁹Бортник И. А. Праблема талеранцыі ў філасофскай і сацыяльна-палітычнай думцы Вялікага княства Літоўскага і Польшчы XVI–XVII стст. : аўтарэф. дыс. ... канд. філас. навук : 09.00.03. Мінск, 2007. 20 с. ; Падалінская А. А. Рэцэпцыя арыстатэлізму ў філасофскай і грамадска-палітычнай думцы Беларусі эпохі Адраджэння : аўтарэф. дыс. ... канд. філас. навук : 09.00.03. Мінск, 2011. 23 с. ; Смалякоў Д. А. Сацыяльна-філасофскія погляды мысліцеляў Беларусі ў кантэксце рэлігійнай палемікі канца XVI – сярэдзіны XVII стагоддзя : аўтарэф. дыс. ... канд. філас. навук : 09.00.03. Мінск, 2016. 23 с. ; Бархатков А. И. Развитие трансцендентальной философии И. Канта в творчестве С. Маймона : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 09.00.03. Минск, 2015. 21 с. ; Клімовіч Г. І. Рэцэпцыя неатамізму ў каталіцкай думцы Беларусі XX ст. : аўтарэф. дыс. ... канд. філас. навук : 09.00.03. Мінск, 2016. 22 с.

технологий трансформировалась тематика логических исследований и научных разработок в области логики и ее преподавания¹⁰.

Таким образом, представленная историография национального интеллектуализма в БГУ не только раскрывает его академический образ, но и подтверждает филиацию идей европейского интеллектуализма. Это позволяет сделать следующие выводы.

1. Ретроспекция национальной мысли показывает, что становление традиции связано с геополитическими и идеологическими изменениями, что сопоставимо с периодизациями в истории европейской и мировой философии.

2. Филиация идей и их культурный трансфер создают условия для становления национальной белорусской ментальности и философии. Изложенная идеография свидетельствует о том, что идеи не просто заимствовались, а подвергались селекции,

критически дорабатывались с учетом исторического контекста и интегрировались в интеллектуальную национальную культуру. Ретрансляция и переосмысление Другого, чем часто занимались наши соотечественники, так же легитимны, как и оригинал, к которому они обращались. В этом контексте перемещение элемента культуры в чужое пространство ни в коем случае не может быть интерпретировано как потеря смысла.

3. Представленная историография отражает динамику белорусского национального интеллектуализма, позволяющую увидеть не только ретроспективу, но и перспективные направления совершенствования национального самосознания. Здесь важно уловить соответствующее духу времени порождение новых смыслов цивилизационного развития согласно изменяющимся условиям и вызовам времени. Приоритет остается за интеллектуалами БГУ.

Библиографические ссылки

1. Гегель ГВФ. *Лекции по истории философии. Книга первая*. Санкт-Петербург: Наука; 1993. 347 с.
2. Яковенко БВ. Значение и ценность русского философствования. В: Алексеев ПВ, составитель. *На переломе. Философские дискуссии 20-х годов: философия и мировоззрение*. Москва: Политиздат; 1990. с. 106–111.
3. Харлампович КВ. Новая библиографическая находка. Переводная статья кн. А. М. Курбского о силлогизме. *Киевская старина*. 1900;8:211–214.
4. Подокшин СА, Дубровский ВВ, Кашуба МВ, Прокошина ЕС, Сокол СФ, Цукерман АЯ и др. *Памятники философской мысли Белоруссии XVII – первой половины XVIII в.* Минск: Наука и техника; 1991. 318 с.
5. Білевіч Т. Дзеннік, пісаны ў Англіі аб тым, як там вандравалася і жылося. *Спадчына*. 1990;4:88–93.
6. Dowgird A. Wykład przyrodzonych myślenia prawideł, czyli logika teoryczna i praktyczna. W: Dowgird A. *Zdrowy rozsądek i kraina marzeń. Pisma wybrane*. Jadacki J, redaktor. Warszawa: Towarzystwo Naukowe Warszawskie; 2014. s. 81–153.
7. Ивановский ВН. *Методологическое введение в науку и философию. Том 1*. Минск: Белтрестпечатъ; 1923. 236 с.
8. Вольфсон СЯ. *Диалектический материализм: курс лекций, читанных в Белорусском государственном университете*. 7-е издание. Минск: Белорусский государственный университет; 1929. 512 с.
9. Быхоўскі БЭ. Фармальна-метафізічная лёгіка. *Польмя*. 1929;2:104–130.
10. Лушчыцкі ІМ. *Нарысы па гісторыі грамадска-палітычнай і філасофскай думкі ў Беларусі ў другой палавіне XIX веку*. Мінск: Выдавецтва Белдзяржуніверсітэта; 1958. 367 с.
11. Кляўчэня АС. *Грамадска-палітычныя і сацыялагічныя погляды Адама Міцкевіча (да 160-годдзя з дня нараджэння)*. Лушчыцкі ІМ, рэдактар. Мінск: Выдавецтва Белдзяржуніверсітэта; 1959. 79 с.
12. Клевченя АС. *Очерки по истории марксистско-ленинской философии в Польше*. Минск: Издательство БГУ им. Ленина; 1978. 198 с.
13. Рожин НВ. *Проблема объективной достоверности знаний в европейской философии (от Декарта до Л. Витгенштейна)*. Минск: БГУ; 2001. 246 с.
14. Бирало АА. *Философские проблемы в науке эпохи Просвещения в Белоруссии и Литве*. Минск: Издательство БГУ; 1979. 158 с.
15. Лягчылін АА, Дудчык АЮ, Бяляева АВ, Вараб'ёва СВ, Верашчагін ВА, Врублеўская-Токер ТІ, складальнікі; Лягчылін АА, Дудчык АЮ, рэдактары. *Анталогія філасофскай думкі Беларусі: дапаможнік. Том 1*. Мінск: БДУ; 2017. 311 с.

References

1. Gegel' GVF. *Lektsii po istorii filosofii. Kniga pervaya* [Lectures on the history of philosophy. Book one]. Saint Petersburg: Nauka; 1993. 347 p. Russian.
2. Yakovenko BV. [The meaning and value of Russian philosophising]. In: Alekseev PV, compiler. *Na perelome. Filosofskie diskussii 20-kh godov: filosofiya i mirovozzrenie* [At the turning point. Philosophical discussions of the 1920s: Philosophy and worldview]. Moscow: Politizdat; 1990. p. 106–111. Russian.

¹⁰История логики: учебное пособие / В. Ф. Берков, Я. С. Яскевич, С. В. Воробьева и др. Минск : Новое знание, 2001. 170 с. ; Воробьева С. В. Логика и коммуникация : пособие. Минск : БГУ, 2010. 327 с. ; Она же. Логика: теория аргументации и критического мышления : учебно-методическое пособие. Минск : БГУ, 2018. 231 с. ; Врублевская Т. И. Логика и коммуникация: повторение пройденного или новые возможности? // Научно-методическая работа на ФФСН: итоги и перспективы. Минск : БГУ, 2013. С. 13–15 ; Врублевская-Токер Т. И. Трансдисциплинарность как ресурс профессионального образования (в преподавании дисциплин логического цикла) // Междисциплинарность как стратегия образовательного процесса на ФФСН. Минск : БГУ, 2016. С. 12–14 ; Воробьева С. В. Когнитивные предпочтения логики в условиях неопределенности // Философия и социальные науки в современном мире. Минск : БГУ, 2019. С. 38–44.

3. Kharlampovich KV. [New bibliographic find. Translated article of the prince A. M. Kurbsky about syllogism]. *Kievskaya starina*. 1900;8:211–214. Russian.
4. Podokshin SA, Dubrovskii VV, Kashuba MV, Prokoshina ES, Sokol SF, Tsukerman AY, et al. *Pamyatniki filosofskoi mysli Belorussii XVII – pervoi poloviny XVIII v.* [Monuments of the philosophical thought of Belarus in the 17th – first half of the 18th century]. Minsk: Nauka i tekhnika; 1991. 318 p. Russian.
5. Bilevich T. [A diary written in England about how people traveled and lived there]. *Spadchyna*. 1990;4:88–93. Belarusian.
6. Dowgird A. Wykład przyrodzonych myślenia prawideł, czyli logika teoryczna i praktyczna. W: Dowgird A. *Zdrowy rozsądek i kraina marzeń. Pisma wybrane*. Jadacki J, redaktor. Warszawa: Towarzystwo Naukowe Warszawskie; 2014. s. 81–153.
7. Ivanovskii VN. *Metodologicheskoe vvedenie v nauku i filosofiyu. Tom 1* [Methodological introduction to science and philosophy. Volume 1]. Minsk: Beltrestpechat'; 1923. Russian.
8. Vol'fson SYa. *Dialekticheskii materializm: kurs lektsii, chitannykh v Belorusskom gosudarstvennom universitete* [Dialectical materialism: a course of lectures delivered at the Belarusian State University]. 7th edition. Minsk: Belarusian State University; 1929. 512 p. Russian.
9. Byhowski BJe. [Formal-metaphysical logic]. *Polymja*. 1929;2:104–130. Belarusian.
10. Lushchycki IM. *Narysy pa gistoryi gramadska-palitychnaj i filosofskaj dumki w Belarusi w drugoj palavine XIX veku* [Essays on the history of socio-political and philosophical thought in Belarus in the second half of the 19th century]. Minsk: Vydavectva Beldzjarzhuniversitjeta; 1958. 367 p. Belarusian.
11. Kljavchjenja AS. *Gramadska-palitychnyja i sacyjalagichnyja pogljady Adama Mickevicha (da 160-goddzja z dnja naradzjennja)* [Socio-political and sociological views of Adam Mickiewicz (to the 160th anniversary of his birth)]. Lushchycki IM, editor. Minsk: Vydavectva Beldzjarzhuniversitjeta; 1959. 79 p. Belarusian.
12. Klevchenya AS. *Ocherki po istorii marksistsko-leninskoj filosofii v Pol'she* [Essays on the history of Marxist-Leninist philosophy in Poland]. Minsk: Izdatel'stvo BGU im. Lenina; 1978. 198 p. Russian.
13. Rozhin NV. *Problema ob'ektivnoi dostovernosti znanii v evropejskoj filosofii (ot Dekarta do L. Vitgenshteina)* [The problem of objective reliability of knowledge in European philosophy (from Descartes to L. Wittgenstein)]. Minsk: Belarusian State University; 2001. 246 p. Russian.
14. Biralo AA. *Filosofskie problemy v nauke epokhi Prosveshcheniya v Belorussii i Litve* [Philosophical problems in science of the enlightenment in Belarus and Lithuania]. Minsk: Publishing House of the Belarusian State University; 1979. 158 p. Russian.
15. Ljagchylin AA, Dudchik AJu, Bjaljaeva AV, Varab'jova SV, Verashchagin VA, Vrublewskaja-Toker TI, compilers; Ljagchylin AA, Dudchik AJu, editor. *Antalogija filosofskaj dumki Belarusi: dapamozhnik. Tom 1* [Anthology of philosophical thought of Belarus: manual. Volume 1]. Minsk: Belarusian State University; 2017. 311 p. Belarusian.

Статья поступила в редакцию 30.06.2021.
Received by editorial board 30.06.2021.

УДК 001:165.0

**НОРМЫ НАУЧНОЙ РАЦИОНАЛЬНОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ
АКАДЕМИЧЕСКОГО ДИСКУРСА (К 100-ЛЕТИЮ БГУ)****В. С. САЙГАНОВА¹⁾, Е. В. БЕЛЯЦКАЯ¹⁾, Д. А. МОЗАЛЕВСКАЯ¹⁾**¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Рассматриваются основные подходы к изучению норм научной рациональности в контексте перспективных направлений академического дискурса. При его проведении в современном университете необходимо опираться на науку и соблюдать нормы научной рациональности, которые выступают в качестве неотъемлемого компонента академического дискурса. Подчеркивается эвристический потенциал синергетической, пластичной, социокогнитивной и коммуникативной моделей рациональности. Обосновываются ориентиры нового типа рациональности и перспективные направления научного поиска. Новый тип рациональности, расширяя возможности для ее интерпретации через дискурсивные практики, коммуникативные характеристики, академические нормы и правила, открывает себя в современности как субъект-субъектная рациональность. Университет выступает значимым субъектом интеракции в коммуникационном поле современной культуры и является носителем научной рациональности, эксплицируемой в объективных устойчивых характеристиках научной и образовательной деятельности, а также в открытости инновационным размерностям, существующим в настоящее время.

Ключевые слова: академический дискурс; коммуникативный анализ; научная рациональность; нормы научной рациональности; синергетический стиль научного мышления; социокогнитивная парадигма; новый тип рациональности.

**NORMS OF SCIENTIFIC RATIONALITY AND PROSPECTS
OF ACADEMIC DISCOURSE (TO THE 100th ANNIVERSARY
OF BELARUSIAN STATE UNIVERSITY)****V. S. SAIGANOVA^a, E. V. BELYATSKAYA^a, D. A. MOZALEVSKAYA^a**^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Corresponding author: V. S. Saiganova (veros23@yandex.ru)

The article discusses the main approaches to the study of the norms of scientific rationality in the context of promising areas of academic discourse. The academic discourse of the university is impossible without reliance on science and adherence to the norms of scientific rationality. The heuristic potential of synergetic, plastic, sociocognitive and communicative

Образец цитирования:

Сайганова ВС, Беляцкая ЕВ, Мозалевская ДА. Нормы научной рациональности и перспективы академического дискурса (к 100-летию БГУ). *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология.* 2021;3:21–25.

For citation:

Saiganova VS, Belyatskaya EV, Mozalevskaya DA. Norms of scientific rationality and prospects of academic discourse (to the 100th anniversary of Belarusian State University). *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2021;3:21–25. Russian.

Авторы:

Вероника Святославовна Сайганова – кандидат философских наук, доцент; заведующий кафедрой философии культуры факультета философии и социальных наук.

Елизавета Владимировна Беляцкая – магистрант кафедры философии и методологии науки факультета философии и социальных наук. Научный руководитель – кандидат философских наук, доцент В. В. Анохина.

Даниэла Андреевна Мозалевская – магистрант кафедры философии и методологии науки факультета философии и социальных наук. Научный руководитель – кандидат философских наук, доцент Д. Г. Добродородный.

Authors:

Veronika S. Saiganova, PhD (philosophy), docent; head of the department of philosophy of culture, faculty of philosophy and social sciences.

veros23@yandex.ru

Elizaveta V. Belyatskaya, master's degree student at the department of philosophy and methodology of science, faculty of philosophy and social sciences.

beliatskaya@bsu.by

Daniela A. Mozalevskaya, master's degree student at the department of philosophy and methodology of science, faculty of philosophy and social sciences.

14daniela1999@gmail.com

models of rationality is emphasised. The guidelines of a new type of rationality and promising directions of scientific research are substantiated. A new type of rationality opens itself up in modern times as a subject-subjective rationality, expanding the possibilities for interpreting rationality through discursive practices, communicative characteristics, academic norms and rules. The university acts as a significant subject of interaction in the communicative sphere of modern culture and is the bearer of scientific rationality, expressed in objective stable characteristics of scientific and educational activities, as well as in openness to new dimensions and innovations of the modern world.

Keywords: academic discourse; communication analysis; scientific rationality; norms of scientific rationality; synergistic style of scientific thinking; sociocognitive paradigm; new type of rationality.

В 2021 г. исполняется 100 лет со дня создания Белорусского государственного университета. Вся история становления и развития научно-исследовательской и образовательной деятельности данного высшего учебного заведения демонстрирует формирование уникального академического дискурса, характеризующего БГУ как лидирующий университет Республики Беларусь, и закрепляет за ним статус флагмана белорусской науки и образования. В текущем году БГУ, получив высокую оценку по количественным и качественным критериям студенческого и преподавательского состава, научной цитируемости, заключению академических экспертов, работодателей и другим показателям, вошел в 1 % лучших вузов мира в глобальном рейтинге университетов QS. Значимость академического дискурса в современном университете обусловлена взаимной связью между академической культурой и наукой, а также научной рациональностью. Академический дискурс невозможен без опоры на науку и соблюдения норм научной рациональности. По этой причине данные нормы выступают неотъемлемым компонентом академического дискурса, который имеет важное значение в формировании нового типа рациональности.

В философии и методологии науки тема рациональности постоянно претерпевает обновление и обнаруживает свое значение не только в научной, но и в академической практике. В силу сложности и противоречивости статуса научной рациональности, занимающего определенное место в культуре, проблема норм научной рациональности приобретает широкую популярность среди ученых и репрезентирует многочисленные попытки интерпретации смыслового содержания этих норм, а также новые исследовательские ориентиры в понимании их динамики. Таким образом, возникает необходимость в концептуальном осмыслении норм научной рациональности в контексте перспективных направлений академического дискурса.

При анализе научной рациональности современного типа перед исследователями встает задача включить в осмысление рациональности аксиологические, этические, социально-личностные компоненты и отказаться от жестких критериев и нормативов научной деятельности, характерных для классического естествознания. Сегодня социально-гуманитарное знание находится в процессе самопоиска и самоопределения, что связано с амбивалент-

ной зависимостью общества от научно-технических достижений и их последствий. В современных реалиях непредсказуемость природных и социальных процессов становится все более очевидной и нуждается в рациональной интерпретации.

В целях представления результатов научного знания проявившая себя в XX в. критика рациональности, ее основ, критериев и научной составляющей актуализировала вопрос о систематизации норм научной рациональности и социальных, академических институтов, которые могут им соответствовать. Пройдя путь исторического развития, определение научной рациональности приобретало содержательное наполнение и в настоящее время может быть сформулировано как совокупность норм и методов научного исследования, фиксируемая в определенном типе методологической рефлексии или стиле научного мышления [1, с. 14]. Исходя из такого понимания научной рациональности, ее нормы, во-первых, могут выступать в качестве критериев научности, стандартов, канонов, идеалов, императивов или регулятивов научной деятельности, т. е. в виде определенных понятийных конструктов, отражающих специфику данной рациональности в различных ее проявлениях; во-вторых, способны включать определенные санкции, позволяющие специфицировать то или иное знание как научное или ненаучное, рациональное или нерациональное [2, с. 40].

Современный тип рациональности не имеет строгих рамок дисциплинарного знания, в результате чего происходит взаимодействие и обмен между научными областями. По мере развития возможностей познания объектами становятся мега-, макро- и микромиры. В достижении объективного знания, особенно в познавательном процессе, учитывается влияние субъекта, его средств и процедур. В. С. Стёпин подчеркивает важность и целесообразность научного поиска, который должен осуществляться в соответствии с социальными целями, ценностями и идеалами субъекта. Кроме того, рациональность не статична, а динамична, т. е. каждый компонент научной деятельности рассматривается с точки зрения исторической изменчивости развития и во взаимосвязи с другими компонентами [3, с. 121–124]. В этом плане деятельность науки не может быть замкнутой, поэтому в общем поле научно-академического дискурса оказываются дисциплины гуманитарного, естественного, технического профилей.

Такой комплексный подход способствует переходу от частнонаучных социальных институтов к общенаучным, где вопрос ставится не просто о развитии науки, а прежде всего о ее саморазвитии. Таким образом, подчеркивается актуальность синергетического стиля мышления, характеризующегося интегративностью, нелинейностью, бифуркационностью, усилением динамичности. Также этому стилю мышления свойственны тенденции к преодолению разрыва между естественными и гуманитарными знаниями.

В процессе становления в науке данного стиля мышления, формирование которого началось с конца 1980-х гг., появились понятия синергетической, пластичной рациональности, кардинально отличающиеся от классических представлений о рациональности. Таким образом, возникла более подвижная система норм научной рациональности, соразмерная современному состоянию науки, философии и культуры [4, с. 32–34].

Освоение синергетических идей в контексте их использования в нормах научной рациональности позволило пересмотреть многие традиционные представления о целях и приоритетах в развитии науки, культуры и образования как на локальном, так и на глобальном уровнях. Изменились оценки научных достижений, образовательных практик и технологий, академических взаимодействий. Все большее значение приобретают не столько количественные, сколько качественные гуманитарные параметры научно-академической деятельности, которые в соответствии с синергетической рациональностью позволяют достичь эффекта социокультурной привлекательности науки и образования. В этом контексте наличие академических свобод, уровень развития академической культуры, высокое качество образовательного продукта, экологичность образовательных инноваций играют важную роль. Эти и другие академические ценности органично взаимосвязаны с синергетической нелинейной методологией мышления и действия. Научно-академическая среда, с точки зрения синергетики, представляет собой открытую и незамкнутую совокупность спонтанных трансформаций, что предполагает использование гибких и альтернативных решений в управленческой деятельности, основанных на профессиональной компетенции и нелинейной интуиции, использовании информационно-коммуникационных технологий и компьютерного моделирования [4, с. 35–36].

Знания синергетики, социосинергетики и когнитивных наук в сочетании с философской рефлексией позволяют говорить о том, что творческие способности человека составляют ядро научно-академической деятельности. Так, например, создатель теории аутопоэзиса философ Ф. Варела, перенимая синергетический подход для осмысления творчества, отмечает, что такие бифуркационные состояния, как

кризисы в творчестве, неизбежно приводят автора к новому пониманию действительности [5, с. 121].

Однако принятие синергетического типа мышления в качестве основы для нового типа рациональности имеет свои особенности. Синергетическая множественность, плюрализм подходов и практик ведут к тому, что новый тип рациональности может допускать в сферу знания промежуточные результаты познания, истинность которых не установлена [6, с. 330–331]. В связи с этим возникают трудности в определении критериев научности и фиксации норм научной рациональности. Все они нуждаются в пересмотре. Также утверждение синергетики о «творческой и созидательной природе хаоса как неотъемлемого компонента в структуре любой сложной и самоорганизующейся системы» [7, с. 168] является весьма спорным. Адепты синергетического стиля мышления (Г. Хакен, И. Пригожин, А. А. Самарский, С. П. Курдюмов, Е. Н. Князева) подчеркивают, что нестабильность и неустойчивость систем, находящихся в хаотическом состоянии, делает их чрезвычайно чувствительными к управлению. Однако следует критически и взвешенно относиться к экстраполяции синергетической методологии на область социокультурных явлений и процессов. С одной стороны, синергетическая картина мира указывает на важность динамизма и нестабильности, что вполне оправдано, а с другой – она содержит в себе релятивистские и иррациональные установки, радикально поляризует себя и классические версии научного и культурного творчества.

Чтобы избежать релятивистских рисков в понимании научной рациональности, синергетическое видение ее норм можно дополнить их интерпретациями в социокогнитивной и коммуникативной парадигмах.

Представители социокогнитивной парадигмы (В. С. Стёпин, В. Н. Порус, Дж. Холлтон, В. Ньютон-Смит и др.) «признают субъект-объектное рассмотрение научной рациональности, а также необходимость ее выражения определенными нормативами, регулятивами и критериями, которые призваны не только специфицировать научную рациональность в статике, но и репрезентировать ее динамику» [8, с. 48]. Все это исходит из взаимосвязи естественно-научного и гуманитарного знаний, надвосторонности норм научной рациональности, выраженных в фиксируемых характеристиках и регулятивах (объективность и предметность научного исследования, системный характер научного познания, направленность научного познания на генерацию нового знания, истинность полученного знания, доказательность, обоснованность, непротиворечивость и т. д.) [8, с. 48–49].

Коммуникативная парадигма характеризуется совокупностью исследований, в которых внимание сосредоточено на субъект-субъектной природе рациональности, она не рассматривается в нормативном

аспекте. Для ее изучения в контексте коммуникативной традиции выделяются два направления: крайний коммуникативизм (тяготеет к релятивизму и развивается преимущественно в ключе прагматистских концепций Р. Рорти и Х. Патнема) и умеренный коммуникативизм (рассматривается в моделях коммуникативной рациональности – это теория коммуникативного действия Ю. Хабермаса, теория интерсубъективности К. Хюбнера).

Коммуникативный анализ норм научной рациональности осуществляется в основном в рамках социально-гуманитарного знания и содержит следующие компоненты: познание, интуиция, чувственность, субъективность, конвенциональность. Ключевое место в данной парадигме занимают понятия научной коммуникации и научно-академического сообщества. Они сосредоточены не столько на поиске истины, сколько на человеческом измерении знания, производимом с учетом ценностей, социального интереса и жизненного мира исследователей. Коммуникативная рациональность возникает в процессе интеракции (без нее она не существует) и представляет собой творческий и открытый процесс их взаимодействия в общем научно-академическом дискурсе. Для Ю. Хабермаса коммуникативная рациональность – это ориентация субъектов на свободное от принуждения взаимопонимание, возникшее в процессе дискурса, под которым подразумевается тематическое пространство аргументации и рефлексии, произведенных на основе выдвижения и реализации универсальных притязаний на значимость любой коммуникации, характеризующуюся понятностью речи, истинностью знания, правдивостью намерения и правильностью действия, смысл значимости которых состоит в возможности их интерсубъективного признания [9, с. 236–238].

К. Хюбнер пишет о проявлении рациональности через интерсубъективность, под которой он понимает некую историческую общезначимость, обеспечивающую продуктивную интеллектуальную коммуникацию. Автор выделяет пять ее основных форм: семантическую (приемлемость понятий и суждений); эмпирическую (обоснованность высказываний эмпирическими фактами); логическую (обоснованность высказываний логическими выводами); операциональную (воспроизводимость видов деятельности) и нормативную (общее согласие относительно правил и норм поведения) [10, с. 260–267]. Однако следует отметить, что такое отождествление рациональности с интерсубъективностью допустимо лишь в случаях, когда речь не идет о собственно

научной рациональности, поскольку при ее анализе недостаточно только опираться на интуицию интерсубъективности.

Таким образом, в коммуникативной парадигме новый тип рациональности конституируется в процессе самого дискурса в ходе субъект-субъектного взаимодействия и в дальнейшем оказывается свободным от готовых правил, критериев, норм, а тем самым становится открытым для творческого проникновения и новаций.

Сопоставляя социокогнитивную и коммуникативную парадигмы, следует исходить из их взаимодополнительности, которая понимается не только как сочетание взаимно сопряженных по смыслу описаний и объяснений норм научной рациональности, но и как фундаментальный принцип построения современного типа рациональности.

Итак, нормы научной рациональности в контексте академического дискурса нужно рассматривать только в сопряженности синергетической, пластичной, социокогнитивной и коммуникативной моделей рациональности. По отдельности данные модели нельзя считать самодостаточными, так как только в их взаимодополнительности можно обосновать и утвердить в культуре новый тип рациональности, который открывает себя в современном мире как субъект-субъектная рациональность, расширяет возможности для интерпретации рациональности через дискурсивные практики, коммуникативные характеристики, академические нормы и правила.

В сфере научной и образовательной коммуникации, где свое проявление находит академический дискурс, нормы научной рациональности должны предстать в виде открытой, нелинейной самоорганизующейся динамической системы, способной обеспечить возможность проведения академического дискурса с соблюдением правил и норм научной коммуникации, а также гарантировать непрерывное воспроизводство науки в трансформирующемся мире современной культуры. Выступая значимым субъектом интеракции в коммуникационном поле современной культуры, университет как социальный институт в лице научного сообщества является носителем научной рациональности, эксплицируемой в объективных устойчивых характеристиках научной и образовательной деятельности, а также в открытости инновационным размерностям современного мира. БГУ за свое вековое развитие сумел воспроизвести и сохранить творческую научную и образовательную среду для продвижения и реализации перспективных моделей рациональности.

Библиографические ссылки

1. Порус ВН. *Рациональность. Наука. Культура*. Москва: Университет российского инновационного образования; 2002. 121 с.
2. Сайганова ВС. Нормы навуковай рацыянальнасці ў кантэксце сучасных філасофска-метадалагічных даследаванняў. *Вышэйшая школа*. 2006;6:40–44.

3. Стёпин ВС. *Философия науки. Общие проблемы*. Москва: Гардарики; 2006. 384 с.
4. Зеленков АИ. Синергетический стиль мышления и перспективы пластичной рациональности. *Философия и социальные науки*. 2010;1:30–36.
5. Матурана У, Варела Ф. *Древо познания. Биологические корни человеческого понимания*. Данилов ЮА, переводчик. Москва: Прогресс-Традиция; 2001. 224 с.
6. Стёпин ВС. Синергетика в контексте постнеклассической рациональности. В: Малинецкий ГГ, редактор. *Горизонты синергетики: структуры, хаос, режимы с обострением*. Москва: ЛЕНАНД; 2019. с. 319–338.
7. Князева ЕН, Курдюмов СП. *Основания синергетики. Режимы с обострением, самоорганизация, темпомиры*. Санкт-Петербург: Алетейя; 2002. 414 с.
8. Сайганова ВС. Социокогнитивная и коммуникативная парадигмы в интерпретации норм научной рациональности. *Философия и социальные науки*. 2013;3–4:47–51.
9. Хабермас Ю. Теория коммуникативного действия (фрагменты). *Вопросы социальной теории*. 2007;1:229–245.
10. Хюбнер К. *Критика научного разума*. Касавин ИТ, переводчик. Москва: ИФ РАН; 1994. 326 с.

References

1. Porus VN. *Ratsional'nost'. Nauka. Kul'tura* [Rationality. The science. Culture]. Moscow: Universitet rossiiskogo innovatsionnogo obrazovaniya; 2002. 121 p. Russian.
2. Saiganava VS. [The norms of scientific rationality in the context of modern philosophical and methodological research]. *Vyshhejschaja shkola*. 2006;6:40–44. Belarusian.
3. Stepin VS. *Filosofiya nauki. Obschie problemy* [Philosophy of science. Common problems]. Moscow: Gardariki; 2006. 384 p. Russian.
4. Zelenkov AI. Synergetic style of thinking and the prospects of flexible rationality. *Philosophy and Social Sciences*. 2010;1:30–36. Russian.
5. Maturana U, Varela F. *The tree of knowledge. The biological roots of human understanding*. Boilder: Shambhala; 1992. 272 p.
Russian edition: Maturana U, Varela F. *Drevo poznaniya. Biologicheskie korni chelovecheskogo ponimaniya*. Danilov YA, translator. Moscow: Progress-Tradition; 2001. 224 p.
6. Stepin VS. [Synergetics in the context of post-nonclassical rationality]. In: Malinetskii GG, editor. *Gorizonty sinergetiki: struktury, khaos, rezhimy s obostreniem* [Synergetic horizons: structures, chaos, sharpening modes]. Moscow: LENAND; 2019. p. 319–338. Russian.
7. Knyazeva EN, Kurdyumov SP. *Osnovaniya sinergetiki. Rezhimy s obostreniem, samoorganizatsiya, tempomiri* [Foundations of synergetics. Regimes with aggravation, self-organisation, tempo-worlds]. Saint Petersburg: Aleteiya; 2002. 414 p. Russian.
8. Saiganova VS. Interpretations of the norms of scientific rationality: social-cognitive and communicative paradigm. *Philosophy and Social Sciences*. 2013;3–4:47–51. Russian.
9. Habermas J. [Theory of communicative action (fragments)]. *Voprosy sotsial'noi teorii*. 2007;1:229–245. Russian.
10. Hubner K. *Kritik der wissenschaftlichen Vernunft*. München: Verlag Karl Alber; 1978. 341 p.
Russian edition: Hubner K. *Kritika nauchnogo razuma*. Kasavin IT, translator. Moscow: Institute of Philosophy of the Academy of Sciences of Russia; 1994. 326 p.

Статья поступила в редколлегию 28.07.2021.
Received by editorial board 28.07.2021.

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР ЖУРНАЛА «MIESIĘCZNIK POŁOCKI»

А. И. КЛИМОВИЧ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный медицинский университет, пр. Дзержинского, 83, 220116, г. Минск, Беларусь

Впервые в отечественной истории философии исследуется творческое наследие авторов, принадлежавших к направлению полоцкой неосхоластики. Они издавали свои произведения на страницах журнала Полоцкой иезуитской академии «Miesięcznik Połocki». Детально изучены философская проблематика названного журнала и его основные принципы, а также критерии отбора статей для печати. Реконструированы программные установки схоластической философии, которые составляли идеологическую позицию мыслителей и использовались ими для полемики с представителями других философских направлений, в частности, авторов, трудившихся в русле французского и английского Просвещения. В области философских знаний в научный оборот вводятся новые имена мыслителей – профессоров и ученых, работавших в рамках неосхоластической традиции на Беларуси и занимавшихся исследованием философских проблем в Полоцкой иезуитской академии в период с 1818 по 1820 г.

Ключевые слова: неосхоластика; полоцкая неосхоластика; Полоцкая иезуитская академия; аристотелевский томизм; скотизм; картезианство; Просвещение; «Miesięcznik Połocki».

A HISTORIOGRAPHICAL REVIEW OF THE «MIESIĘCZNIK POŁOCKI» JOURNAL

H. I. KLIMOVICH^a

^aBelarusian State Medical University, 83 Dzierżyńska Avenue, Minsk 220116, Belarus

The work for the first time in the Belarusian history of philosophy deals with the creative heritage of authors belonged to the direction of Polotsk neo-scholasticism, which was published on the pages of the Polotsk Jesuit Academy journal «Miesięcznik Połocki». It explores in detail the philosophical problems presented within the journal, the criteria for selecting articles used by the editors, the basic principles that, according to the editors' vision, the study should comply with. There was reconstructed the program settings constituted the ideological position of thinkers which were used by them for polemics with representatives of other philosophical trends, in particular, with authors worked in the framework of the French and English enlightenment. New names of thinkers – professors and scientists engaged in the study of philosophical problems at the Academy in the period 1818–1820 – are introduced into the scientific circulation in the field of philosophical knowledge.

Keywords: neo-scholasticism; Polotsk neo-scholasticism; Polack Jesuit Academy; Aristotelian thomism; scotism; cartesianism; Enlightenment; «Miesięcznik Połocki».

Введение

Долгое время история развития идей неосхоластической философии в проблемном поле белорусской философской традиции оставалась за

пределами научных интересов отечественного гуманитарного сообщества. В последние годы были опубликованы исследования, посвященные рефлекс-

Образец цитирования:

Климович АИ. Историкографический обзор журнала «Miesięcznik Połocki». Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология. 2021;3:26–32.

For citation:

Klimovich AI. A historiographical review of the «Miesięcznik Połocki» journal. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology*. 2021;3:26–32. Russian.

Автор:

Анна Игоревна Климович – кандидат философских наук, доцент; доцент кафедры судебной медицины педиатрического факультета.

Author:

Hanna I. Klimovich, PhD (philosophy), docent; associate professor at the department of forensic medicine, faculty of pediatric.

3117135@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0001-5555-1190>

сии мыслителей, работавших в Полоцкой иезуитской академии [1–3]. Однако в данных работах лишь затрагивается направление академической философии и теологии. Развитие и популяризация идей схоластической философии вне академической среды выпадают из фокуса внимания современных историков философии. Целью настоящей статьи является исправление обозначенного упущения (это первый шаг, сделанный в данном направлении), т. е. реконструкция философских идей, представленных на

страницах журнала «Miesięcznik Połocki», путем решения следующих задач: определить место творческого наследия авторов в философском ландшафте XIX в.; проанализировать принадлежность позиции авторов к определенному ответвлению в рамках схоластической традиции; выявить идейных оппонентов представителей полоцкой неосхоластики.

Методология исследования построена на основе системного анализа, контент-анализа, компаративистского подхода, историко-философского метода.

Результаты и их обсуждение

Исследуемый журнал является уникальным культурным феноменом. Анализ его исторического контекста нашел свое отражение в многочисленных работах как белорусских, так и зарубежных ученых. В качестве примера можно привести работы Д. А. Кондакова [4], Р. Даровского [5], Г. Лихоцкой [6], Е. П. Денисенко [7]. «Miesięcznik Połocki» представляет интерес в философском аспекте, поскольку относится к разряду так называемых толстых литературно-художественных журналов. Е. П. Денисенко, исследуя историю его существования, отмечает, что он был первым журналом такого рода на территории современной Беларуси [7, с. 151]. В подобных изданиях наряду с литературно-художественными произведениями обсуждались философские проблемы, общественные и политические вопросы, рассчитанные, как отмечают исследователи, на образованную публику [8, с. 48].

На страницах журнала авторы не придерживались принципов строгой систематизации, характерных для работ схоластов в русле академической философии и теологии. Исследования, как правило, были посвящены какой-то конкретной философской теме, в частности проблемам толерантности, вечности мира, критериев и видов доказательств и др.

Уже в предисловии первого номера журнала авторы выстраивали связь с греческой и римской философскими традициями, в качестве девиза издания они взяли слова Горация «Мои забота и учение в том, что истинно и востребовано, и весь я в этом пребываю»¹ [9, с. 2]. Традиция обращения к наследию Античности в начале любого исследования может рассматриваться в качестве своеобразной черты очерков, издаваемых в журнале Полоцкой иезуитской академии. Основным же принципом выступает идея Сенеки, заимствованная из его нравственных писем к Луцилию: «Говори это другим, чтобы, говоря так, услышать и самому; пиши, чтобы самому читать, когда пишешь»². Основными артикулированными критериями, которыми авторы должны были руководствоваться при написании статей, являлись

следующие: объективность, логический подход и соответствие научным исследованиям. Под объективностью понималось обязательное использование справедливых и беспристрастных оценок. Логический подход рассматривался как наличие трезвых суждений по теме, соответствие научным исследованиям означало необходимость брать во внимание последние достижения тех или иных наук. Предполагалось, что содержание журнала будут составлять исследования по литературе, гуманитарным и морально-философским наукам [9, с. 3]. Здесь издатели сразу же выразительно отказывались от отождествления себя как лишь с философией Аристотеля и его последователями, так и лишь с идеями новой неклассической традиции. Главным условием опубликования философских работ являлась их полезность для читателя [9, с. 5].

В философской проблематике, представленной на страницах журнала, могут быть выделены три магистральные темы, занимавшие представителей Полоцкой иезуитской академии: вопросы методологии истории и философии; философские изыскания авторов журнала; полемика с современными философскими идеями и учениями.

В работах Ф. К. Стаховского, Ж. Розавена и Я. Рутана рассматриваются вопросы исторической и философской методологии. Ф. К. Стаховский изучал философию и теологию в Полоцкой иезуитской академии, некоторое время занимал должность профессора немецкого языка в Санкт-Петербурге, затем – риторики в Полоцке, впоследствии был профессором Краковского университета [6, с. 650]. В журнале «Miesięcznik Połocki» он публиковал свои труды под псевдонимом F. X. S. [6, с. 657]. В работе «Разбор произведения Станислава Соколовского *Partitiones Ecclesiasticae*» ученый затрагивает философскую проблематику в связи с одним из наиболее существенных вопросов пересечения философии и теологии – проблемы источников доказательства существования Абсолюта и его единства. Здесь указывается на необходимость понимания разницы

¹Здесь и далее перевод наш. – А. К.

²Сенека. Нравственные письма к Луцилию. Письмо LXXXIX [Электронный ресурс]. URL: <http://ancientrome.ru/antlittr/t.htm?a=1346570089> (дата обращения: 10.02.2021).

между философским, юридическим видами доказательств и доказательством, используемым поведением [10, s. 46].

Анализ проблемы создания или вечного существования мира в различных философских учениях представлен в статье «Геродот и Диодор Сицилийский: можем ли мы доверять...» Ж. Розавена [11], доктора теологии [12, s. 88]. На момент издания журнала (1819–1820) он занимал должность декана факультета теологии [12, s. 119] и публиковал работы под псевдонимом J. R. S. [6, s. 656]. В статье также затрагиваются вопросы философии истории, в частности проблематика исторического доказательства. Подобного рода идеи косвенно представлены и в статье «Замечания о замечаниях о столетних людях» Я. Рутана [13], работавшего под псевдонимом J. F. R. [6, s. 657]. Исторический факт здесь рассматривается сквозь призму сравнения теологической и научной позиций, основанием которой является традиционная для схоластической мысли проблема соотношения веры и разума. Критике подвергаются идеи Д. Дидро, Вольтера и Ж. Д’Аламбера.

К аспекту философских изысканий авторов журнала может быть отнесена статья неизвестного автора «Союз современной философии и религии» [14]. В работе рассматривается проблема взаимоподчинения философии и религии. Сохранение баланса, по мысли автора, возможно при отказе от созданной в это время системы метафизики, принципа логоцентризма и натурализма, критики в адрес людей религиозного мировоззрения, идей эволюции [14, s. 60–61]. В данном очерке четко прослеживаются основные критические направления полемики, по отношению к которым религиозная философия была вынуждена выстраивать апологетическую стратегию, – это системы материалистической метафизики, проблематизирующие догматику католических программных установок.

Над вопросами соотношения теологических и философских идей в рамках онтологической тематики работал С. Петрович – профессор физики и высшей математики Полоцкой иезуитской академии [12, s. 80], в 1819–1820-х гг. – профессор моральной теологии и Святого Писания [12, s. 119]. Свои произведения он публиковал под псевдонимом P. P. S. [6, s. 656]. Автор заочно полемизировал с К. Ф. Гуфеландом, лейб-медиком прусского короля, представителем эклектического направления в философии, с целью более точно определить понятие сверхъестественного. К. Ф. Гуфеланд ставил перед собой три вопроса: «Что понимается под сверхъестественным?», «Как далеко простираются границы природного?», «Что такое природное право?». С. Петрович обращался к синонимичности концептов сверхъестественного и неправдоподобного в рефлексии К. Ф. Гуфеланда и при этом подчеркивал, что последний слишком узко и просто трактует понятие

сверхъестественного и не оставляет в нем места как для теологии, так и для самого понятия Абсолюта [15, s. 256]. Отмечается, что вопросы, которые задавал себе К. Ф. Гуфеланд, должны быть переформулированы следующим образом: «Действует ли Бог в мире опосредованно или непосредственно?», «Имеет ли Бог власть над законами природы?».

Данную дискуссию С. Петрович продолжает в своей статье «О сверхъестественных явлениях – исследование второе» [16]. В ней представлено исследование границ природы и разумного познания. Автор выступает против требования К. Ф. Гуфеланда ничем не ограничивать здравый разум и доверять его результатам. В подтверждение сказанному С. Петрович выдвигает следующие контраргументы: данные разума часто противоречивы и со временем имеют свойство меняться, что, в свою очередь, приводит к скептицизму, явление может рассматриваться разумом как истинное, а потом – при новых обстоятельствах – как ложное [16, s. 76–77].

С. Петрович в противоположность К. Ф. Гуфеланду, а также упоминаемому в работе П. Бейлю предложил в рамках объективного идеализма своеобразную картезианскую концепцию. Суть ее заключается в том, что единственное, что не позволяет усомниться в наличии объективной реальности, – собственное существование, которое через ряд контингентных индивидуальностей также позволяет убедиться в бытии необходимого [16, s. 78–79].

Социально-политическая проблематика также представляла интерес для авторов журнала «Miesięcznik Połocki». С. Петрович в работе «Исследование о причинах преследования христиан в Японском царстве» затрагивает вопросы политической философии, в частности, он останавливается на сущностной характеристике тирании [17, s. 206], связанной с отсутствием толерантности к чуждым ей верованиям и мировоззрению, религиозной нетерпимостью и непониманием культурных особенностей других религий. Однако за рамками исследования остаются причины возникновения данного явления.

В трактате профессора русской литературы Ю. Залесского «О необходимости применения римского права», прочитанном на академическом заседании 16 сентября 1818 г. [18] человек рассмотрен как социальное существо [12, s. 86]. Согласно позиции автора цель естественного права – показать общественную судьбу человечества, так как индивидуального бытия для человека недостаточно. Следствием социального положения человека является политическая система и необходимость существования права. Именно они позволяют сохранять необходимый баланс в обществе, который легко может быть нарушен греховной натурой отдельного человека [18, s. 87].

На основе имеющихся публикаций можно сформировать также представление об этической по-

зиции авторов журнала, среди которых были преподаватели и студенты. К. Ванькович – студент, изучавший философию [12, s. 141], в очерке «Исследование о самоубийстве» провел сравнительный анализ взглядов древнегреческих и французских философов XVIII в. относительно проблемы добровольного ухода из жизни [19, s. 172]. Для аргументации против последних использовались концепты контингентного и необходимого бытия, где человеческая жизнь рассматривается в качестве несамостоятельного, заимствованного и ограниченного необходимостью материального существования [19, s. 176]. Данная проблема анализировалась в контексте теодицеи и естественного права [19, s. 180, 184].

И. Ивицкий – профессор риторики и латинской литературы Полоцкой иезуитской академии [12, с. 73] (издавал свои труды под псевдонимом I. I. [6, s. 656]) – в работе «Исследование, доказывающее, что люди с морально испорченными принципами не могут быть хорошими писателями» [20] также рассматривал проблему этики. В данном произведении автор искал ответы на следующие вопросы: «Может ли разум претендовать на господство, если воля человека подверглась пагубному воздействию?», «Имеет ли право в данном случае человек изучать историю, философию или литературу, учитывая, что задача этих наук заключается не только в просвещении разума, но и наставлении сердца?». По мнению И. Ивицкого, исследовать названные науки может лишь высоконравственный человек, в котором будут соединены четыре сущностных элемента: красноречие, философское размышление, разум и воля [20, s. 280]. Таким образом, у аморального человека имеется нарушение воли и, следовательно, его творчество ведет к упадку каждого из этих видов деятельности. Так, в частности, произошло с философией, что и привело к ее современному состоянию [20, s. 288]. В концепции И. Ивицкого явно прослеживается принадлежность к концепции индетерминизма, восходящей к учению И. Д. Скота.

В сфере философских интересов авторов находится понятие толерантности. Его анализу посвящена статья Ф. К. Стаховского «О толерантности» [21]. Полемизируя с А. Бентковским о идеях, выдвинутых в его работе «История польской литературы», автор приводит оригинальную классификацию видов толерантности, выделяя политическую толерантность, под которой подразумевает, что правительство не должно мешать свободному вероисповеданию, кроме случаев атеизма [21, s. 20]. Церковная (теологическая) толерантность допускает спасение не только в рамках своей религии [21, s. 21], философская толерантность для автора является спорным вопросом и имеет отрицательное ценностное значение, поскольку подразумевает равнодушное отношение к любой религии [21, s. 22]. Ф. К. Стаховский отмечает, что такое состояние безразличия изначально невозможно, поскольку и в пределах физического

существования, и в рамках морального, политического, научного познания (в том числе в искусстве) у любого человека имеются четкие представления о зле и добре [21, s. 24].

Определенный интерес представляет обзор философских выступлений, проводившихся в Полоцкой иезуитской академии. Информацию об основных темах и идеях этих заседаний можно получить из обзоров, представленных также в журнале «Miesięcznik Połocki» [22–25].

Один из студентов факультета теологии 14 ноября 1817 г. защищал работу по теме монотеизма. В качестве идейных оппонентов он рассматривал атеистов, язычников, представителей манихейства и современной ему каббалистики. Центральной темой его выступления являлась критика идеи Вольтера о проблематичности реального существования Моисея. Скорее всего, выступающий имел в виду стихотворение Вольтера «Послание автору книги “О трех обманщиках”» [22, s. 70].

Позже 30 ноября 1817 г. слово было предоставлено еще одному студенту, изучавшему философию. Он защищал свою работу, которая была посвящена критике трудов философов XVIII в. В качестве объекта выбраны идеи скептиков, представителей Просвещения, особое внимание автор уделит скептицизму И. Канта и его понятиям ноумена и феномена. Выступающий возражал против утверждения немецкого классика о невозможности объективного познания предмета и, исходя из принципа внутренней самоочевидности, характерного для разума, пытался опровергнуть данную идею [22, s. 78].

П. Войдак – студент, также изучавший философию, выступил 9 февраля 1818 г. [12, s. 140]. В центре его исследования находилась проблема свидетельства людей как исторического доказательства, которое при определенных обстоятельствах (авторитет свидетеля, источник и т. д.) может быть приравнено к математическим и метафизическим доказательствам. Автор определял, что в качестве основания суждения должно стоять понятие самоочевидной истины (об этом уже было сказано в защите 30 ноября 1817 г.). В области этики (сейчас данная проблема является предметом анализа философии права) он рассматривал естественное право, данное Богом и возможное к познанию человеческим разумом [23, s. 152–153].

А. Тихоновский – студент академии, также исследовавший философию, – 13 февраля 1818 г. зачитал тезисы против основных идей атеизма [12, s. 141]. Главным объектом критики выступающего явились следующие установки: идея эволюции видов; идея вечности материи, что, согласно взгляду студента, противоречит ее внутреннему свойству – инертности [23, s. 153].

Полуторачасовое выступление оратора (остался неизвестен) состоялось 16 марта 1818 г. Автор затронул проблемы вечности или сотворенности мира,

врожденности некоторых понятий в человеческом разуме, а также в философии права – вопросы соотношения гражданского и естественного права [24].

Профессор риторики в Полоцке и Мстиславле, профессор математики и философии в Витебске Ю. Сурин 30 марта 1818 г. на секции метафизики зачитал доклад о проблеме понимания природы и законов ее развития. Ученого волновала социально-

политическая тематика: границы личной свободы в рамках существования общества. Ю. Сурин, рассматривая «естественное состояние» как недостижимую утопию [25, s. 304], выступал против концепции общественного договора Ж.-Ж. Руссо, а также, будучи верным принципу провиденциализма, – против концепции истории Макиавелли, а именно роли случая в истории.

Заключение

В творчестве исследуемых авторов – Ф. К. Стаховского, С. Петровича, Ю. Залесского, К. Ваньковича, И. Ивицкого, П. Войдака, А. Тихоновского, Ю. Сурина – четко прослеживается тенденция тяготения к классической схоластической традиции. Отсутствует свойственная для религиозных мыслителей того времени тенденция обращения к *philosophia recentiorum*³ в целях заимствования и обогащения идей схоластической философии. Жесткой критике подвергались философские идеи представителей Просвещения. Особенно часто данная тенденция встречалась в отношении французских авторов XVIII в. Идеями противниками мыслителей, работавших и учившихся в стенах Полоцкой иезуитской академии, выступали Ж. Д’Аламбер, Ж.-Ж. Руссо, Вольтер, К. А. Гельвеций. Единственный автор, в определенной степени придерживающийся линии современной философии, – Ф. К. Стаховский.

При изучении онтологической, этической и социально-политической тематики используются идеи как аристотелевско-томистского, так и скотистского философских направлений. Основные проблемы, которые исследовали авторы, были следующими: концепт врожденных идей, возможность познания необходимого через контингентное, статус метафи-

зического и исторического доказательства в сравнении с доказательствами точных наук. В социально-политическом аспекте актуальными выступали идеи существования естественного права, его принципов и границ. Определенный интерес для авторов представляла проблема толерантности, а также продолжающаяся и в современности дискуссия о праве человека на собственную жизнь и смерть.

Характерная черта журнала «Miesięcznik polski» состоит также в том, что он использовался в качестве площадки для полемики с философскими идеями авторов, чьи работы были опубликованы на страницах других изданий подобного рода: «Русский инвалид», «Pamiętnik Lwowski», «Pamiętnik Magnetyczny Wileński», «Dziennik Wileński».

В результате проведенного исследования выявлено, что представленные в нем авторы находились в рамках схоластической традиции и использовали ее программные установки в процессе написания своих работ. Уникальность Полоцкой иезуитской академии, по сути, заключается в том, что в тяжелые для религиозной философии времена ей удалось стать оплотом идей данного направления и в дальнейшем содействовать в движении европейской неосхоластики.

Библиографические ссылки

1. Серабракоў З. Філязофія Акадэміі езуітаў у Полацку [Интернет]. 2005 [працытавана 10 лютага 2021 г.]. Даступна па: http://www.epolotsk.com/page.php_id=251.html.
2. Шалькевіч ВФ. Полацкая неасхаластыка. В: Адуло ТА, редактор. *Мировоззренческие и философско-методологические основания развития современного общества: Беларусь, регион, мир. Материалы Международной научной конференции; 5–6 ноября 2008 г.; Минск, Беларусь*. Минск: Право и экономика; 2008. с. 524–525.
3. Легчилин АА, Климович АИ. Идеи неосхоластики в белорусском историко-культурном пространстве. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология*. 2017;2:4–11.
4. Кондаков ДА. События 1812–1814 годов в стихотворениях полоцких иезуитов: поэтика и политика. *Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А. Гуманитарные науки*. 2012;10:2–8.
5. Darowski R. *Filozofia jezuitów na ziemiach dawnej Rzeczypospolitej w XIX wieku. Próba syntezy – Słownik autorów i wykładów – Antologia tekstów*. Kraków: Wydawnictwo WAM; 2013. 390 s.
6. Lichocka H. *Miesięcznik Połocki (1818–1820). Kontekst historyczny i bibliografia zawartości*. Stasiewicz-Jasiukowa I, redaktor. *Wkład jezuitów do nauki i kultury w Rzeczypospolitej Obojga Narodów i pod zaborami*. Kraków: Wydawnictwo WAM; 2004. s. 631–666.
7. Денисенко ЕП. Журнал Полоцкой иезуитской академии «Miesięcznik Połocki», его роль в развитии образования в Беларуси. В: Бугашев СИ, Минин АС, редакторы. *Гуманитарные науки в современном вузе: вчера, сегодня, завтра. Материалы Международной научной конференции; 12 декабря 2019 г.; Санкт-Петербург, Россия*. Санкт-Петербург: СПбГУПТД; 2019. с. 151–159.
8. Головин ЮА. Российский толстый литературно-художественный журнал как социальный феномен. *Вестник Московского государственного университета культуры и искусств*. 2010;2:47–52.

³В переводе с латинского – современная философия.

9. Przemowa. *Miesięcznik Połocki*. 1818;1:1–7.
10. Stachowski FK. Rozbiór dziełka Stanisława Sokołowskiego pod napisem *Partitiones Ecclesiasticae*. *Miesięcznik Połocki*. 1818;1:43–53.
11. Rozaven J. Herodot i Diodor Sycylijski czy są godni wiary w tym co mówią o dawności monarchii egipskiej; i czy ich powaga większa jest od Mojżesza, jeśli w tym prawodawcy Żydów uważać zechcemy tylko dziejopisa, nie zaś pisarza natchnionego od Boga. Rozprawa napisana z powodu artykułu: Rzut oka na Egipt, umieszczonego w «Pamiętniku Lwowskim». *Miesięcznik Połocki*. 1818;2:219–255.
12. Giżycki J. *Materyały do dziejów Akademii Połockiej i szkół od niej zależnych*. Kraków: Drukarna W. L. Anczyca i Spółki; 1905. 228 s.
13. Roothaan JF. Uwagi nad uwagami o ludziach stuletnich, umieszczonymi w nrze 123 Ruskiego Inwalida. *Miesięcznik Połocki*. 1818;3:153–171.
14. Przymierze między dzisiejszą filozofią i religią. *Miesięcznik Połocki*. 1818;1:58–62.
15. Piotrowicz S. Rozprawa o skutkach nadprzyrodzonych, z powodu artykułu C. W. Hufelanda, umieszczonego w «Pamiętniku Magnetycznym Wileńskim» (n. VIII, s. 344) pod pytaniem: Co jest nadprzyrodzonego? Co jest przeciwne zdrowemu rozsądkowi? *Miesięcznik Połocki*. 1818;1:244–274.
16. Piotrowicz S. O skutkach nadprzyrodzonych rozprawa druga, z powodu artykułu C. W. Hufelanda, umieszczonego w «Pamiętniku Magnetycznym Wileńskim» (n. VIII, s. 344) pod pytaniami: Co jest nadprzyrodzonego? Co jest przeciwne zdrowemu rozumowi? *Miesięcznik Połocki*. 1818;2:75–117.
17. Piotrowicz S. Rozprawa o przyczynach prześladowania chrześcijan w Cesarstwie Japońskim. *Miesięcznik Połocki*. 1818;3:201–216.
18. Zaleski J. Rozprawa o potrzebie umiejętności prawa rzymskiego dla prawodawców, czytana na posiedzeniu akademickim 1818, dnia 16 września. *Miesięcznik Połocki*. 1818;3:86–105.
19. Wańkowicz K. Rozprawa o samobójstwie napisana przez ucznia filozofii w Akademii Połockiej. *Miesięcznik Połocki*. 1818;2:172–188.
20. Iwicki I. Rozprawa, w której się dowodzi, iż ludzie zepsutych obyczajów we względzie nauk moralnych dobrymi pisarzami być nie mogą. *Miesięcznik Połocki*. 1818;3:274–296.
21. Stachowski FK. O tolerancji. *Miesięcznik Połocki*. 1820;4:18–44.
22. Uwiadomienie o popisach akademików. *Miesięcznik Połocki*. 1818;1:70–78.
23. Uwiadomienie o popisach akademików. *Miesięcznik Połocki*. 1818;1:148–154.
24. Uwiadomienie o popisach akademików. *Miesięcznik Połocki*. 1818;1:221–226.
25. Uwiadomienie o popisach akademików. *Miesięcznik Połocki*. 1818;1:301–308.

References

1. Serabrakow Z. Filjazoŭfija Akadzemii ezuitaw u Polacku [Internet]. 2005 [cited 2021 February 10]. Available from: http://www.epolotsk.com/page.php_id=251.html. Belarusian.
2. Shal'kevich VF. [Polotsk neo-scholasticism]. In: Adulo TA, editor. *Mirovozzrencheskie i filozofsko-metodologicheskie osnovaniya razvitiya sovremennogo obshchestva: Belarus', region, mir. Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii; 5–6 noyabrya 2008 g.; Minsk, Belarus'* [Worldview and philosophical and methodological foundations of the development of modern society: Belarus, region, world. Materials of the International scientific conference; 2008 November 5–6; Minsk, Belarus]. Minsk: Pravo i ekonomika; 2008. p. 524–525. Belarusian.
3. Liahchylin AA, Klimovich HI. Neo-scholastic ideas on Belarusian historical and cultural space. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology*. 2017;2:4–11. Belarusian.
4. Kondakov DA. 1812–1814 events in Polotsk jesuites' poems: Poetics and politics. *Vestnik Polotskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya A. Gumanitarnye nauki*. 2012;10:2–8. Russian.
5. Darowski R. *Filozofia jezuitów na ziemiach dawnej Rzeczypospolitej w XIX wieku. Próba syntezy – Słownik autorów i wykładów – Antologia tekstów*. Kraków: Wydawnictwo WAM; 2013. 390 s.
6. Lichocka H. *Miesięcznik Połocki (1818–1820). Kontekst historyczny i bibliografia zawartości*. Stasiewicz-Jasiukowa I, redaktor. *Wkład jezuitów do nauki i kultury w Rzeczypospolitej Obojga Narodów i pod zaborami*. Kraków: Wydawnictwo WAM; 2004. s. 631–666.
7. Denisenko EP. [Journal of the Polotsk Jesuit Academy «Miesięcznik Połocki», its role in the development of education in Belarus]. In: Bugashev SI, Minin AS, editors. *Gumanitarnye nauki v sovremennom vuze: vchera, segodnya, zavtra: materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii; 12 dekabrya 2019 g.; Sankt-Peterburg, Rossiya* [Humanities in a modern university: yesterday, today, tomorrow: materials of an International scientific conference; 2019 December 12; Saint Petersburg, Russia]. Saint Petersburg: Saint-Petersburg state university of industrial technologies and design; 2019. s. 151–159. Russian.
8. Golovin YuA. Russian thick literary and art magazine as a social phenomenon. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv*. 2010;2:47–52. Russian.
9. Przemowa. *Miesięcznik Połocki*. 1818;1:1–7.
10. Stachowski FK. Rozbiór dziełka Stanisława Sokołowskiego pod napisem *Partitiones Ecclesiasticae*. *Miesięcznik Połocki*. 1818;1:43–53.
11. Rozaven J. Herodot i Diodor Sycylijski czy są godni wiary w tym co mówią o dawności monarchii egipskiej; i czy ich powaga większa jest od Mojżesza, jeśli w tym prawodawcy Żydów uważać zechcemy tylko dziejopisa, nie zaś pisarza natchnionego od Boga. Rozprawa napisana z powodu artykułu: Rzut oka na Egipt, umieszczonego w «Pamiętniku Lwowskim». *Miesięcznik Połocki*. 1818;2:219–255.
12. Giżycki J. *Materyały do dziejów Akademii Połockiej i szkół od niej zależnych*. Kraków: Drukarna W. L. Anczyca i Spółki; 1905. 228 s.
13. Roothaan JF. Uwagi nad uwagami o ludziach stuletnich, umieszczonymi w nrze 123 Ruskiego Inwalida. *Miesięcznik Połocki*. 1818;3:153–171.

14. Przymierze między dzisiejszą filozofią i religią. *Miesięcznik Połocki*. 1818;1:58–62.
15. Piotrowicz S. Rozprawa o skutkach nadprzyrodzonych, z powodu artykułu C. W. Hufelanda, umieszczonego w «Pamiętniku Magnetycznym Wileńskim» (n. VIII, s. 344) pod pytaniem: Co jest nadprzyrodzonego? Co jest przeciwne zdrowemu rozsądkowi? *Miesięcznik Połocki*. 1818;1:244–274.
16. Piotrowicz S. O skutkach nadprzyrodzonych rozprawa druga, z powodu artykułu C. W. Hufelanda, umieszczonego w «Pamiętniku Magnetycznym Wileńskim» (n. VIII, s. 344) pod pytaniami: Co jest nadprzyrodzonego? Co jest przeciwne zdrowemu rozumowi? *Miesięcznik Połocki*. 1818;2:75–117.
17. Piotrowicz S. Rozprawa o przyczynach prześladowania chrześcijan w Cesarstwie Japońskim. *Miesięcznik Połocki*. 1818;3:201–216.
18. Zaleski J. Rozprawa o potrzebie umiejętności prawa rzymskiego dla prawodawców, czytana na posiedzeniu akademickim 1818, dnia 16 września. *Miesięcznik Połocki*. 1818;3:86–105.
19. Wańkowicz K. Rozprawa o samobójstwie napisana przez ucznia filozofii w Akademii Połockiej. *Miesięcznik Połocki*. 1818;2:172–188.
20. Iwicki I. Rozprawa, w której się dowodzi, iż ludzie zepsutych obyczajów we względzie nauk moralnych dobrymi pisarzami być nie mogą. *Miesięcznik Połocki*. 1818;3:274–296.
21. Stachowski FK. O tolerancji. *Miesięcznik Połocki*. 1820;4:18–44.
22. Uwiadomienie o popisach akademików. *Miesięcznik Połocki*. 1818;1:70–78.
23. Uwiadomienie o popisach akademików. *Miesięcznik Połocki*. 1818;1:148–154.
24. Uwiadomienie o popisach akademików. *Miesięcznik Połocki*. 1818;1:221–226.
25. Uwiadomienie o popisach akademików. *Miesięcznik Połocki*. 1818;1:301–308.

Статья поступила в редколлегию 19.03.2021.
Received by editorial board 19.03.2021.

УДК 101+316.4:316.32

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ СТАТУС ФИЛОСОФИИ В ЭПОХУ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО ТРАНЗИТА

А. И. ЗЕЛЕНКОВ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Рассматриваются возможные проекции роли и функций философии в культуре современного радикально изменяющегося мира. При этом философия интерпретируется не как единая и функционально монистичная система категорий и универсалий культуры, а как внутренне дифференцированная совокупность базисных концептов и их операциональных модификаций в трех основных ипостасях: философии в публичном пространстве социума, философии в формах профессионально-академического дискурса и общения, философии как образовательного проекта.

Ключевые слова: философия; функции философии; дискурс транзитивности; социальный кризис; цивилизационный транзит; философия в культуре посткоронавирусного мира.

SOCIOCULTURAL STATUS OF PHILOSOPHY IN THE EPOCH OF CIVILISATIONAL TRANSIT

A. I. ZELENKOV^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Possible modifications of the role and functions of philosophy in the culture of the modern and radically changing world are considered. In this case, philosophy is interpreted not as a single and functionally monistic system of categories and universals of culture, but as an internally differentiated set of basic concepts and their operational applications in the three main

Образец цитирования:

Зеленков АИ. Социокультурный статус философии в эпоху цивилизационного транзита. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология.* 2021;3:33–40.

For citation:

Zelenkov AI. Sociocultural status of philosophy in the epoch of civilisational transit. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2021;3:33–40. Russian.

Автор:

Анатолій Ізотович Зеленков – доктор философских наук, профессор; профессор кафедры философии и методологии науки факультета философии и социальных наук.

Author:

Anatoliy I. Zelenkov, doctor of science (philosophy), full professor; professor at the department of philosophy and methodology of science, faculty of philosophy and social sciences.

zelenkov-antl@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0002-1209-9840>

hypostases of philosophy: philosophy in the public space of society, philosophy in the forms of professional and academic discourse and communication, philosophy as an educational project.

Keywords: philosophy; functions of philosophy; discourse of transitivity; social crisis; civilisational transit; philosophy in the culture of post-coronavirus world.

Современный этап социодинамики в качестве одной из отличительных своих особенностей демонстрирует перманентное нарастание нестабильности и кризисных явлений в развитии важнейших подсистем социума. Характер и масштаб этих кардинальных трансформаций дают основания квалифицировать их как существенные признаки цивилизационного транзита. Экономические и политические потрясения, охватывающие не только отдельные страны, но и целые регионы и континенты, утрата общественного доверия к традиционным политическим институтам и, наконец, пандемия коронавируса – все это стало неотвратимой реальностью современной повестки дня. Поэтому вполне понятно и объяснимо, что проблематика кризиса, дискурс транзитивности и нестабильности становятся одной из определяющих особенностей текущей культурной ситуации. Однако при этом нельзя сказать, что такой очевидный акцент на кризисных явлениях и деформациях социодинамики – нечто принципиально новое, ранее неизвестный культурный феномен. На протяжении нескольких последних столетий европейские философы и ученые предсказали неизбежное возникновение подобных катаклизмов в том случае, если человечество, вступив в эпоху перманентного умножения своей техногенной мощи, забудет о самоценности природы и погрузится в хаотичную гонку за комфортом собственного бытия и потребительским изобилием.

В ряду таких пессимистических пророков можно назвать Т. Мальтуса, П. Тейяра де Шардена, П. А. Сорокина, А. Печчеи и многих других, кто, опираясь на вековые гуманистические традиции мировой культуры и передовую научную мысль, обоснованно раскрывал ущербность данной цивилизационной стратегии.

Важно отметить, что в этом ряду приоритет всегда принадлежал философам, в идеях и концепциях которых необходимость адекватной и социально перспективной системы ценностей, способной ограждать человечество от иллюзий бездумного и неограниченного прогресса, обретала убедительную форму и мировоззренческое оправдание. И здесь нельзя не согласиться с авторитетным мнением К. Ясперса, который вполне обоснованно утверждал, что именно философия в силу своей уникальной культурной миссии способна не только адекватно осмыслить феномен кризиса и кризисного сознания, но и подарить человечеству надежду на оптимистическую перспективу. «Воля к самопониманию с универсально-исторических позиций... – писал он, – является, быть может, выражением... непоколебимого стрем-

ления к философствованию, которое в поисках своей основы взирает на будущее, не пророчествуя, но веря, не приводя в уныние, но ободряя» [1, с. 241].

В философии тема кризиса культуры и пессимистических перспектив человечества уже более 200 лет остается одной из востребованных и доминирующих. С. Кьеркегор, Ф. Ницше, А. Шопенгауэр, Г. Зиммель, Э. Гуссерль, М. Хайдеггер, А. Камю, Х. Ортега-и-Гассет и многие другие уделяли особое внимание анализу кризисного мироощущения как смыслоопределяющего феномена в культуре, провозгласившей закат и «поминки» эпохи Просвещения. При этом принципиально важно подчеркнуть одно существенное обстоятельство: проблематика кризиса и апокалипсиса становится актуальной и широко востребованной именно тогда, когда разум уступает место чувственности и воле. Философия все чаще апеллирует не к просвещенной элите, хранящей профессиональную верность традиции, а к человеку массы, находящемуся во власти аффектов, страстей и безотчетного чувства страха. Именно страх и трепет, как пророчествовал С. Кьеркегор, становятся неизбывными спутниками бытия массового человека. Откликаясь на этот запрос времени, философия и культура начинают активно эксплуатировать данные темы и все более осознанно обрывать статус и форму богемной субкультуры. На смену идеалам долга, чести и профессиональной ответственности приходят ценности сиюминутных удовольствий, повседневности и карнавала. Наступает время пессимистических пророчеств, апологии страха и нигилизма.

Из практически необозримого перечня пессимистических пророчеств, принадлежащих перу известных мыслителей и философов, можно привести мнение лишь трех знаменитых авторов. Так, Э. Гуссерль отмечает: «Поскольку вера в абсолютный разум, придающий смысл миру, рухнула, постольку рухнула и вера в смысл истории, в смысл человечества, его свободу, понимаемую как возможность человечества обрести разумный смысл своего индивидуального и общечеловеческого бытия» [2, с. 556]. Он полагает, что из этого трагического для европейской культурной традиции состояния и «кризиса европейского существования» возможны два выхода: «закат Европы в отчуждении ее рационального жизненного смысла, ненависть к духу и впадение в варварство или же возрождение Европы в духе философии благодаря окончательно преодолевающему натурализм героизму разума» [2, с. 666].

Тема заката Европы становится своеобразным рефреном и для другого немецкого мыслителя

О. Шпенглера. «Закат Запада, – пишет он, – феномен прежде всего ограниченный в пространстве и времени, как и соответствующий ему закат античности, оказывается, по всей очевидности, философской темой, которая, будучи понята в своей значимости, заключает в себе все великие вопросы бытия» [3, с. 128–129].

Завершить эту небольшую подборку высказываний, фиксирующих неизбежность кризиса и распада культурных форм классической европейской традиции, вполне уместно обращением к известным идеям испанского философа Х. Ортега-и-Гассета о торжестве массового человека и восстании масс как симптоматических феноменах европейской истории эпохи модерна. «Мы живем под варварским гнетом масс», – пишет он [4, с. 48]. Почему же данное утверждение автора обретает явный пессимистический смысл и придает его социальным прогнозам оттенок если и не эсхатологического пророчества, то по меньшей мере очевидного интеллектуального скептицизма? Ответ на этот значимый вопрос сформулирован Х. Ортега-и-Гассетом вполне однозначно и осмысленно: «...Европа осталась без морального руководства» [4, с. 225]. «Исчез дух традиционности. Нам уже не нужны нормы, правила и образцы. Прошлое ни в чем не может помочь нам... <...> Наряду с уверенностью в себе мы ощущаем неуверенность в своем предназначении. Наряду с гордостью за свои силы мы чувствуем перед ними же страх» [4, с. 64–65]. Нравственная и философская позиция автора представлена здесь вполне прозрачно и убедительно. И, действительно, если сон разума рождает чудовищ, то забвение традиции чревато не только утратой прошлого, но и потерей будущего. Осознание возможности такой культурной мутации в новейшей европейской истории придает размышлениям испанского философа статус не просто очередного пессимистического прогноза, а мудрого предупреждения и морального назидания.

Многочисленные события первых десятилетий XXI в. не только подтвердили обоснованность этих пессимистических прогнозов, но и придали им оттенок очевидной эсхатологичности, демонстрируя реальную деформацию устоявшихся веками норм и принципов человеческого общения, взаимодействия общества с природой и культурой. Неудивительно, что тема анализа и осмысления столь очевидных и грандиозных по своему масштабу и социокультурным последствиям изменений становится одной из доминирующих в науке, культуре и философии эпохи постсовременности. Можно привести множество примеров футурологических произведений, выполненных в самых разных творческих жанрах, в которых метаморфозы и парадоксы современной социодинамики являются предметом пристального интереса и глубокого анализа. В этом обилии предсказаний и прогнозов, как всегда, фи-

лософия во всем богатстве своего жанрового разнообразия занимает не просто заметное, а часто преобладающее место. Данное обстоятельство понятно и объяснимо, поскольку философская рефлексия всегда стремилась выходить за пределы наличного бытия и не только осмыслять и объяснять прошлое, но и прозревать будущее.

Прогностическая функция философии обычно была характерной для наиболее развитых и востребованных обществом систем философского знания. Любые профессионально фундированные философские построения в сфере онтологии и гносеологии, этики и антропологии, социальной философии и логико-методологических исследований так или иначе имманентно предполагали построение прогностических моделей, ориентированных на концептуализацию возможного будущего конкретно заданных социальных систем. При этом, как правило, такие прогностические модели базировались на предельно общих философских концептах и абстрактных допущениях.

Степень и уровень методологической инструментальности философской прогностики могут быть существенно повышены, если трактовать философию не как единую и функционально монистичную систему абстрактных понятий и обобщений, а как внутренне дифференцированную совокупность базисных концептов и их социально детерминированных приложений. В этом случае представляется перспективным выделить три различные ипостаси философии как уникального феномена культуры.

1. Философия в публичном пространстве социума. Здесь речь идет о том, насколько нужна и востребована философия как рационально-критическая форма рефлексии о делах общества и власти в определенном типе социума, его культуре, образовании, политических практиках и формах массовой коммуникации.

2. Философия в формах профессионально-академического дискурса и общения. Это гораздо более сложное и тонкое понимание ее природы и функций, которое опирается на богатейший опыт развития как самой философии, так и науки, религии, искусства.

3. Философия как фундаментальный компонент гуманитарного образования, комплексной системы воспитания и социализации личности.

Один из основных механизмов цивилизационной динамики, метафорически обозначенный А. Тойнби как «механизм вызова и ответа», в современных реалиях подтверждает свою безусловную актуальность. Действительно, современная цивилизация столкнулась с глобальным вызовом, обнаружив свою очевидную хрупкость и уязвимость. Конечно, следуя логике исторического развития, ответ на этот вызов будет найден, вопрос в том, каков он будет по своему содержанию и цивилизационным последствиям. Можно только предположить, что едва ли мир останется

прежним в его современной геополитической и социально-экономической конфигурации. Весьма вероятно, что и многие ценности культуры постмодерна претерпят радикальные трансформации либо вообще уйдут в прошлое. Очевидно, этот вызов коснется и философии. Во всех своих базисных ипостасях она должна измениться и обрести новые формы своей конститутивности и диалога с обществом.

Ясно, что в публичном пространстве социума голос философии должен звучать сегодня гораздо более зримо, активно и конструктивно. Такова логика момента, предрекающая кардинальную ценностную революцию, поскольку признаки эпохи «переоценки всех ценностей» обнаруживают себя с безусловной очевидностью. Неслучайно Генеральный секретарь ООН А. Гутерриш назвал эту эпоху временем четырех всадников апокалипсиса. К ним он отнес высочайшую «геостратегическую напряженность», климатический кризис, растущее глобальное недоверие и «темную» сторону цифрового мира.

Во многих современных философских работах, посвященных футурологической проблематике, наблюдается акцентированный интерес именно к этим проблемам, которые находятся в эпицентре общественного внимания и публичной сферы. При этом в данных произведениях, как правило, используются не только аутентичные для философской классики языковые познавательные средства и методы мышления, но и огромный арсенал литературно-художественных форм отражения настоящего и будущего мироустройства. Так, в работах ведущих представителей неомарксистской философии (Т. Адорно, М. Хоркхаймер, Г. Маркузе и др.) можно найти симптоматичные квалификации XXI в. как эпохи «Великого отказа» от ценностей, традиций и достижений классической европейской культуры. Известный американский философ, политолог и футуролог Ф. Фукуяма также определяет наше время как эпоху «Великого разрыва». Он отмечает, что начиная со второй половины XX в. «в США – так же как и в других экономически развитых странах – постепенно был осуществлен переход к тому, что получило название “информационное общество”, “век информации” или “постиндустриальная эра”» [5, с. 11]. По его мнению, «эти перемены носили драматический характер, все они имели место во многих странах, находящихся примерно на одинаковом уровне развития, и происходили примерно в один и тот же период истории. Они и создали Великий разрыв в социальных ценностях, преобладавших в обществе индустриального века...» [5, с. 13–14]. Этот феномен Великого разрыва, согласно Ф. Фукуяме, свидетельствует о неизбежных грядущих испытаниях, с которыми современная западная цивилизация неотвратимо столкнется уже в обозримом будущем. «Великий разрыв, – пишет он, – характеризуется растущим уровнем преступности и социальной дезорганизации,

упадка семьи и родственных отношений как источников социальной сплоченности и снижающимся уровнем доверия» [5, с. 89]. Такое общество, «ориентированное на то, чтобы постоянно действовать наперекор нормам и правилам во имя роста индивидуальной свободы выбора, окажется все более и более дезорганизованным, атомизированным, изолированным и неспособным выполнять общие цели и задачи» [5, с. 28].

Столь же напряженный и пессимистичный оттенок выводов и предсказаний грядущих социальных изменений характерен и для Э. Тоффлера, одного из самых известных и популярных американских философов и футурологов. Достаточно привести названия основных и важнейших его книг («Шок будущего», «Метаморфозы власти», «Третья волна»), чтобы понять критическую, а порой очевидно настороженную, если не сказать пессимистичную, тональность его предсказаний возможного будущего человечества.

Формы и методы профессионально-академического философского дискурса также должны претерпеть существенные изменения. Диалог философии и науки традиционно будет сохранен, но в его содержании появятся новые темы и акценты, связанные с высокими технологиями, их возможностями и рисками. Однако приоритетом философских исследований должны стать не только наука и технология, но и культура в целом, прежде всего, ее социально-антропологические проекции. Судьба культуры, а значит, и судьба человека в одномерном мире инструментального разума и искусственного интеллекта – вот те сакраментальные темы, которые требуют кардинального переосмысления как языка и категориального аппарата философии, так и ее институциональной структуры.

И здесь снова уместно обратиться к творчеству Э. Тоффлера. В одной из последних своих работ «Революционное богатство» он пишет: «Революционные изменения, которые мы рассматриваем на страницах этой книги, представляют собой радикальный переворот, сравнимый с промышленной революцией, но существенно ее превосходящий, – тысячи внешне не связанных между собой изменений формируют новую экономическую систему, сопровождаемую как минимум возникновением новых стилей жизни или новой цивилизации, которую можно назвать современностью» [6, с. 7].

Уровень и характер тех изменений, в водоворот которых брошено современное человечество, настолько глобален, что, по мнению Э. Тоффлера, они приводят к радикальным переменам в нашем использовании времени, пространства, знания. Иными словами, самые фундаментальные константы цивилизации обнаруживают свою релятивную природу и становятся объектом невиданной ранее трансформации. Неудивительно, что «список потен-

циальных опасностей XXI века становится бесконечным» [6, с. 43]. В их числе глобальная экономическая катастрофа наподобие депрессии 1930-х гг.; террористические атаки с применением ядерного оружия, вируса сибирской язвы и хлорина; кибератаки на важнейшие коммерческие и правительственные компьютерные системы; катастрофическая нехватка воды от Мехико и Ирака до Южной Африки; вооруженные конфликты между соперничающими НПО; новые болезни на наноуровне; распространение методов контроля сознания; конец частной жизни; растущий религиозный фанатизм и насилие; клонирование человека. И это не считая землетрясений, цунами, бесконтрольной вырубки лесов и глобального потепления [6, с. 543–544]. Конечно же, все вышеперечисленное вызывает беспокойство и способствует распространению пессимистических и апокалиптических настроений и прогнозов. Определенную дань этим настроениям отдает и Э. Тоффлер, поэтому неслучайным в его книге выглядит следующий пассаж: «Революционные события, с которыми мы сталкиваемся сегодня, не идут ни в какое сравнение ни с обвалом на бирже или сменой режима, ни с возникновением новейших технологий, ни даже с войнами или расколом наций» [6, с. 6].

Но все же основной пафос его очередного бестселлера «Революционное богатство» далек от апологии пессимистического мировосприятия. Конечно, «быть пессимистом есть от чего», – пишет он. Но «пессимизм – это простейший способ притвориться мудрым» [6, с. 543]. Как правило, его конструктивный потенциал более чем ограничен, а то эмоциональное потрясение сознания, которое обычно вызывают пессимистические пророчества, чаще всего остается достоянием искусства и художественной традиции. Моральные сентенции римского стоицизма, поэзия лорда Байрона и Г. Гейне, музыка Р. Вагнера, философия А. Шопенгауэра и многие другие великие произведения мировой культуры убедительно подтверждают этот значимый вывод. Поэтому свой анализ эпохи постсовременности и тех тенденций ее трансформации, которые ведут к цивилизации третьей волны, Э. Тоффлер старается завершить относительно оптимистическим прогнозом. Все происходящее сегодня, заключает он, свидетельствует о том, «что наши дети будут жить в удивительном мире, коренным образом отличающемся от нашего, где будут свои преимущества, опасности и вызовы, с которыми им придется иметь дело. Нельзя сказать, что этот зарождающийся мир будет исключительно “хорошим” или “плохим”, изменится само определение этих понятий» [6, с. 551]. В любом случае, как считает Э. Тоффлер, если вторая волна привела к экономоцентризму с характерной для него идеей о вторичности культуры, религии, искусства, то революционное богатство третьей волны призвано восстановить приоритет знания и рефлексивных формообразований культуры. Экономика будет поставлена на место как органическая часть

всеобъемлющей социальной системы, в которой снова на передний план выйдут культурная идентичность, религия и мораль [6, с. 558–559].

Итак, очевидно, что современный мир вступил в фазу невиданной ранее турбулентности и нестабильности. Изменения приобретают повсеместный и тотальный характер, их масштаб и интенсивность соответствуют радикальным и революционным формам социальных преобразований. Но это вовсе не исключает поиска и обоснования тех средств и механизмов социального управления, которые позволили бы реализовать проект институционального усмирения глобализации. «Глобализация должна становиться все менее спонтанной и хаотичной и все более скоординированной и управляемой» [7, с. 160]. Многополюсный мир не может позволить себе развиваться в формах стихийного нескоординированного процесса, который неизбежно приведет к кумулятивному эффекту накопления социоприродных аномалий, последовательно умножая степень социальной энтропии. Многие по-прежнему считают, что решение этой глобальной задачи возможно лишь на пути создания нового институционального порядка с помощью наднациональных структур, международных организаций и транснациональных корпораций. Иными словами, проблема должна решаться на основании принципов неолиберальной стратегии глобализации с характерными для нее ограничениями возможностей и компетенций национальных государств и передачей ряда их полномочий наднациональным и региональным структурам и группировкам. Однако события последних лет, погрузившие мир в пучину коронавирусной пандемии и беспрецедентных социальных катаклизмов, существенно скорректировали эту установку. Универсализация мировых хозяйственно-экономических связей, глобальная туристическая инфраструктура, все нарастающая интенсивность миграционных потоков и мультикультурной коммуникации в один момент натолкнулись на закрытые границы, самоизоляцию и политику агрессивного протекционизма.

Следует отметить, что и немногим ранее глобализационный постулат о неизбежном и неуклонном сокращении функций и компетенций национальных государств вызывал неоднозначную реакцию и подвергался критике со стороны различных социальных сил и исследователей современной социодинамики. В качестве весьма показательного примера такой оппозиционной точки зрения на роль национального государства в управлении процессами экономического, политического и культурного развития и регулирования их в условиях интенсификации глобальных взаимосвязей и взаимозависимостей можно привести позицию Ф. Фукуямы. Еще в 2004 г. выходит его очередная книга под весьма симптоматичным названием «Сильное государство. Управление и мировой порядок в XXI веке». В русском переводе она была издана в 2010 г. В этой книге Ф. Фукуяма в противовес многочисленным адептам глобального

миропорядка заявляет, что «способность усиливать или создавать ранее полностью неучитываемые возможности государства и государственных институтов неожиданно стала главным вопросом глобальной повестки дня и, по-видимому, главным условием безопасности в важнейших частях мира» [8, с. 8]. Он отмечает, что не только для отдельных обществ, но и для мирового сообщества в целом уничтожение национальных государств – это прелюдия не к утопии, а к катастрофе. Те, кто выступает за «сумерки государственности», являясь либо поборником свободного рынка, либо приверженцем идеи многосторонних договоров, должны объяснить, что именно заменит силу суверенных национальных государств в современном мире. «За неимением ясного ответа на данный вопрос нам остается только вернуться к суверенному национальному государству и снова попытаться понять, как сделать его сильным и успешным» [8, с. 198–199].

Характерно, что эти идеи, изложенные Ф. Фукуямой еще в самом начале XXI в., обретают сегодня особую актуальность и звучат уже не только в жанре академических сентенций, но и в форме публицистических призывов и политических требований. Показательной в этом отношении является совсем недавно опубликованная в нью-йоркском издательстве *W. W. Norton and Company* новая книга популярного американского политолога Ф. Закария «Десять уроков для пост-пандемического мира» [9]. В ней он заявляет, что «уродливая пандемия» разрушила устои привычного миропорядка и открыла путь в новый мир. Неолиберализм прошлых десятилетий уходит в историю и должен уступить место «радикальным реформам». В число безусловных приоритетов COVID-19 возвел проблему безопасности. Отныне она становится важнейшей задачей правительства, и успешное ее решение предполагает немислимый еще совсем недавно рост компетенций и ответственности национальных государств. Потрясенное массовое сознание, пишет Ф. Закария, требует обеспечить безопасность каждого гражданина государства, и при этом неважно, какое правительство – малое или большое, демократическое или авторитарное – будет реализовывать выполнение указанной задачи. Конечно, данный тезис американского политолога несет на себе отпечаток определенной социальной конъюнктуры и, безусловно, эмоционально ангажирован, но в нем отражается и реальный драматизм современной социальной ситуации, тех вызовов и угроз, которые столь явно и наглядно обнажил високосный 2020 г.

Существенные изменения должны произойти в философии в ее третьей ипостаси, когда она рассматривается как образовательный проект. По меньшей мере два магистральных тренда претендуют здесь на статус приоритетных.

Во-первых, это проблема цивилизационной роли образования как социального института. Насколько в современных условиях оно способно выпол-

нить функции своеобразного инновационного локомотива и обеспечить возможности системной модернизации транзитивных обществ? Этот вопрос приобретает статус одного из центральных и определяющих, когда речь заходит о необходимости выбора постиндустриальной перспективы для развивающихся социумов. Неслучайно безусловный авторитет в концепции постиндустриализма Д. Белл в качестве осевого принципа постиндустриального общества обозначает системную генерацию теоретического знания, а ведущим его социальным институтом называет университет. «Главным при принятии решений и управлении переменами стало доминирование теоретического знания, преваширование теории над эмпиризмом и кодификация знаний в абстрактные своды символов...» – отмечает Д. Белл [10, с. 25]. Исходя из такого допущения, далее он определенно констатирует: «В постиндустриальном обществе важнейшим институтом выступает университет...» [10, с. 159].

Иными словами, образование, прежде всего университетское, рассматривается в качестве доминирующей социальной технологии, которая призвана обеспечить обществу устойчивый прогресс и перспективу интеграции современного человечества в цивилизацию третьей волны. Однако насколько такая перспектива коррелирует с реалиями обществ позднего модерна? В ответах на этот вопрос не просматривается сколько-нибудь определенного консенсуса, преобладает ситуация перманентной дискуссии и впечатляющего плюрализма. И все же наиболее распространенной является критическая точка зрения, согласно которой современные системы образования в большинстве своем не соответствуют вызовам постсовременности и социокультурным требованиям постиндустриальной цивилизации. Весьма симптоматичной в этом отношении является позиция Э. Тоффлера, который утверждает, что школа по-прежнему остается в тисках фабричной модели образования, отвечающей потребностям массового производства, массовой культуры, массового спорта, массовых развлечений. Ключевыми словами этой модели являются линейность, конформизм, стандартизация [6, с. 514–515].

Для экономики знаний и постиндустриальных социумов необходимо радикально реформировать существующие системы образования и ориентировать их на воспитание и профессиональную подготовку творческих личностей. Соответственно, и вся организационная и технологическая инфраструктура образования должна быть перестроена с учетом доминанты такого инновационного и креативного тренда.

В принципе, этот тезис явно не новый, и уже не раз он был озвучен на самых разных уровнях обсуждения перспектив развития современного образования. При этом в публицистических и популярных его версиях, как правило, подчеркивается необходи-

мость формировать в процессе образования творчески мыслящих и индивидуально ориентированных учащихся, которые будут способны генерировать нестандартные решения любых возникающих проблем. Соответственно, и процесс образования должен быть построен на принципах максимальной индивидуализации и учета личностных и креативных способностей каждого учащегося.

Конечно, никто не будет спорить с утверждением о том, что избыточная регламентация и бюрократическая стандартизация образовательного процесса в принципе исключают возможность создания подлинно современной и социально перспективной системы образования. Столь же несомненным является тезис о приоритетности формирования у учащихся в процессе обучения навыков творческого мышления и критической рефлексии. Однако при этом центральным остается вопрос адекватных технологий образования, которые на деле, а не в формах абстрактных деклараций будут способны воплотить в реальность подобные инновационные проекты. И здесь не обойтись без органичной взаимообусловленности новаций и традиций, без учета формирования конкретных и предметно заданных знаний и компетенций, их системной и репрезентативной конфигурации в рамках выбранной профессии. А это означает, что превратить процесс обучения в спонтанную игровую деятельность, эмоционально окрашенную в позитивные тона саморазвития, едва ли возможно. Процесс обучения всегда был и останется очевидной формой самопреодоления, нелегким и настойчивым трудом, требующим самодисциплины, энтузиазма и ответственности. Эта исконная для образовательной деятельности диалектика творчества и системного освоения традиции, овладения не только креативными методиками мышления, но и канонем определенной области знания весьма отчетливо может быть обнаружена в исторической эволюции классического университета и роли философии в конституировании его социокультурного статуса.

Во-вторых, образованию предстоит найти адекватный ответ на современный тренд, состоящий в универсализации онлайн-обучения с использованием разнообразных компьютерных платформ и ресурсов глобальной паутины. Казалось бы, здесь у философии нет выбора, кроме как интегрироваться в этот тренд и адаптировать классические формы трансляции философских знаний к современным технореалиям. Приверженцев такой стратегии сегодня очень много. В качестве весьма симптоматичного примера можно привести авторитетное мнение старшего вице-президента компании *Coursera* Л. Бельски. В своем недавнем интервью журналу *Harvard Business Review* она заявила, что перспектива образования в самом ближайшем будущем потребует осознать неизбежность доминанты конкретных навыков и компетенций перед теоретическими фундаментальными знаниями. В результате три тен-

денции определяют это будущее: фронтальное развитие онлайн-образования, создание индивидуальных программ обучения на основе использования искусственного интеллекта и интегральных академических экосистем, активное взаимодействие образования и бизнеса. Нетрудно заметить, что такая перспектива развития образования во многом напоминает американскую образовательную модель, в которой философия занимает весьма скромное и отнюдь не доминирующее положение.

Конечно, в данном вопросе нет единой и преобладающей точки зрения. Скорее наоборот, вынужденное в условиях пандемии активное использование онлайн-технологий на всех уровнях образовательной деятельности еще более обострило споры и дискуссии по этой проблеме. Не только гуманитарное, но и гораздо более адаптированное к современным компьютерным технологиям естественно-научное образование демонстрирует очевидные их границы и недостатки.

Таким образом, социокультурный статус философии в эпоху цивилизационного транзита во многом будет определяться как имманентными для самой философии закономерностями и механизмами ее развития, теми традициями, которые конституируют пространство философского дискурса, так и конфигурацией будущего мироустройства, его экономическими, политическими и культурными приоритетами и доминирующими ценностями.

Сможет ли философия, которая на протяжении более 2,5 тыс. лет является неотъемлемым компонентом цивилизации, сохранить свой прежний статус в этом будущем обществе риска? На данный вопрос нет однозначного ответа. Неслучайно популярный и широко цитируемый в последнее время профессор исторического факультета Еврейского университета в Иерусалиме Ю. Н. Харари в своей недавней публикации в издании *The Guardian* от 20 апреля 2020 г. под названием «Изменит ли коронавирус наше отношение к смерти? Скорее наоборот» заявляет, что по окончании кризиса логично ожидать не значительного увеличения финансирования философских факультетов и, соответственно, популяризации метафизических размышлений о природе смерти, а активной поддержки медицинского образования и системы здравоохранения в целях реального продления человеческой жизни [11]. Правда, затем он несколько корректирует эту точку зрения, призывая к более взвешенным и сбалансированным оценкам роли не только науки и медицины, но и философско-религиозной традиции в понимании сущности столь сложных и многомерных вопросов.

Следовательно, в ситуации культурного и цивилизационного транзита философия призвана решить исконно амбивалентную задачу – остаться атрибутом культуры любой суверенной нации и в то же время обрести новую форму своего существования, соразмерную вызовам времени.

Библиографические ссылки

1. Ясперс К. *Смысл и назначение истории*. Левина МИ, Гайденок ПП, составители; Левина МИ, переводчик. 2-е издание. Москва: Республика; 1994. 527 с. (Мыслители XX века).
2. Гуссерль Э. *Логические исследования. Картезианские размышления. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. Кризис европейского человечества и философия. Философия как строгая наука*. Минск: Харвест; 2000. 752 с. (Классическая философская мысль). Совместно с издательством «АСТ».
3. Шпенглер О. *Закат Европы: очерки морфологии мировой истории. Том 1. Гештальт и действительность*. Свасьян КА, переводчик. Москва: Мысль; 1993. 667 с.
4. Ортега-и-Гассет Х. «Дегуманизация искусства» и другие работы. Эссе о литературе и искусстве. Тертерян И, Матяш Н, составители; Васильева С, Симонов В, Тертерян И, Кротовская Н, Снеткова Н, Трауберг Н и др., переводчики. Москва: Радуга; 1991. 639 с. (Антология литературно-эстетической мысли).
5. Фукуяма Ф. *Великий разрыв*. Александрова АВ, редактор. Москва: АСТ; 2008. 480 с. (Philosophy).
6. Тоффлер Э, Тоффлер Х. *Революционное богатство. Как оно будет создано и как изменит нашу жизнь*. Александрова А, редактор; Султанова М, Цыркун Н, переводчики. Москва: АСТ; 2008. 569 с. (Philosophy). Совместно с издательством «Профиздат».
7. Колодко ГВ. *Мир в движении*. Чайников ЮВ, переводчик. Москва: Магистр; 2011. 575 с.
8. Фукуяма Ф. *Сильное государство: управление и мировой порядок в XXI веке*. Колесников ОЭ, Кротовская НГ, Кулагина-Ярцева ВС, переводчики. Москва: АСТ; 2010. 224 с. (Philosophy). Совместно с издательством «ВКТ».
9. Zakaria F. *Ten lessons for a post-pandemic world*. New York: W. W. Norton & Company; 2020. 320 p.
10. Белл Д. *Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования*. Иноземцев ВЛ, переводчик. Москва: Academia; 1999. 783 с.
11. Harari YN. Will coronavirus change our attitudes to death? Quite the opposite. *The Guardian* [Internet]. 2020 April 20 [cited 2021 March 18]. Available from: <https://www.theguardian.com/books/2020/apr/20/youval-noah-harari-will-coronavirus-change-our-attitudes-to-death-quite-the-opposite>.

References

1. Jaspers K. *Smysl i naznachenie istorii* [The meaning and purpose of history]. Levina MI, Gaidenko PP, compilers; Levina MI, translator. 2nd edition. Moscow: Respublika; 1994. 527 p. (Mysliteli XX veka). Russian.
2. Husserl E. *Logicheskie issledovaniya. Kartezianskie razmyshleniya. Krizis evropeiskikh nauk i transtsendental'naya fenomenologiya. Krizis evropeiskogo chelovechestva i filosofiya. Filosofiya kak strogaya nauka* [Logical research. Cartesian reflections. The crisis of European sciences and transcendental phenomenology. The crisis of European humanity and philosophy. Philosophy as a rigorous science]. Minsk: Harvest; 2000. 752 p. (Klassicheskaya filosofskaya mysl'). Co-published by the «AST». Russian.
3. Spengler O. *Zakat Evropy: ocherki morfologii mirovoi istorii. Tom 1. Geshtal't i deistvitel'nost'* [The decline of Europe: essays on the morphology of world history. Volume 1. Gestalt and reality]. Svas'yan KA, translator. Moscow: Mysl'; 1993. 667 p. Russian.
4. Ortega y Gasset J. «*The dehumanization of art*» and other essays on art, culture and literature. Princeton: Princeton University Press; 1968. 204 p. Russian edition: Ortega y Gasset J. «*Degumanizatsiya iskusstva*» i drugie raboty. *Esse o literature i iskusstve*. Terteryan I, Matyash N, compilers; Vasil'eva S, Simonov V, Terteryan I, Krotovskaya N, Snetkova N, Trauberg N, et al., translators. Moscow: Raduga; 1991. 639 p. (Antologiya literaturno-esteticheskoi mysli).
5. Fukuyama F. *Velikii razryv* [The great rupture]. Aleksandrova AV, editor. Moscow: AST; 2008. 480 p. Russian.
6. Toffler E, Toffler H. *Revolutionary wealth: how it will be created and how it will change our lives* paperback. Redfern: Currency; 2007. 512 p. Russian edition: Toffler E, Toffler H. *Revolutsionnoe bogatstvo. Kak ono budet sozdano i kak izmenit nashu zhizn'*. Aleksandrova A, editor; Sultanova M, Tsyrkun N, translators. Moscow: AST; 2008. 569 p. Co-published by the «Profizdat».
7. Kolodko GV. *Wedrujacy swiat*. Warsaw: Proszynski; 2011. 440 p. Russian edition: Kolodko GV. *Mir v dvizhenii*. Chainikov YuV, translator. Moscow: Magistr; 2011. 575 p.
8. Fukuyama F. *State building: governance and world order in the 21st century*. New York: Cornell University Press; 2004. 160 p. Russian edition: Fukuyama F. *Sil'noe gosudarstvo: upravlenie i mirovoi poryadok v XXI veke*. Kolesnikov OE, Krotovskaya NG, Kulagina-Yartseva VS, translators. Moscow: AST; 2010. 224 p. Co-published by the «VKT».
9. Zakaria F. *Ten lessons for a post-pandemic world*. New York: W. W. Norton & Company; 2020. 320 p.
10. Bell D. *The coming of post-industrial society: a venture in social forecasting*. New York: Basic Books; 1976. 616 p. Russian edition: Bell D. *Gryadushchee postindustrial'noe obshchestvo. Opyt sotsial'nogo prognozirovaniya*. Inozemtsev VL, translator. Moscow: Academia; 1999. 783 p.
11. Harari YN. Will coronavirus change our attitudes to death? Quite the opposite. *The Guardian* [Internet]. 2020 April 20 [cited 2021 March 18]. Available from: <https://www.theguardian.com/books/2020/apr/20/youval-noah-harari-will-coronavirus-change-our-attitudes-to-death-quite-the-opposite>.

Статья поступила в редакцию 07.07.2021.
Received by editorial board 07.07.2021.

ПРОЕКТ ФИЛОСОФИИ ИНТЕРНЕТА

Л. РОПОЛЬИ¹⁾¹⁾ Университет им. Лоранда Этвёша, ул. Питера Пазмани, 1/С, 1117, г. Будапешт, Венгрия

Обосновывается необходимость в создании философии интернета и выдвигается ее «аристотелевская» версия. Представлен обзор последних тенденций в исследованиях, предлагающих понять природу интернета в духе аристотелевской философии, т. е. представить интернет как интернет (как совокупность всех его составляющих, единое целое). Для этого исследуемое понятие рассматривается в четырех легко различимых и явно взаимосвязанных аспектах: как система технологий, как элемент коммуникации, как культурная среда и как независимый организм. Основываясь на этих исследованиях, автор приходит к выводу, что интернет – это среда нового человеческого существования, созданная представителем поздней современности. Это построенный на более ранних вариантах (природных и социальных) способ существования, заметно отличающийся от них. Мы называем эту новую форму существования веб-жизнью. С использованием двух поучительных культурно-исторических аналогий (реформация знаний и формирование веб-жизни) представлены несколько фундаментальных характеристик веб-жизни.

Ключевые слова: философия; интернет; исследования интернета; веб-жизнь; Аристотель; человеческое существование.

PROPOSAL FOR A PHILOSOPHY OF THE INTERNET¹L. ROPOLYI^a^aEötvös Loránd University, 1/C Pázmány Péter Street, Budapest 1117, Hungary

The paper argues for the necessity of building up a philosophy of the Internet and proposes a version of it, an «Aristotelian» philosophy of the Internet. First, an overview of the recent trends in the Internet research is presented. This train of thoughts leads to a proposal of understanding the nature of the Internet in the spirit of the Aristotelian philosophy i. e., to conceive the Internet as the Internet, as a totality of its all aspects, as a whole entity. For this purpose, the Internet is explained in four (easily distinguishable, but obviously connected) contexts: we regard it as a system of technology, as an element of communication, as a cultural medium and as an independent organism. Based on these investigations we conclude that the Internet is the medium of a new mode of human existence created by late modern man; a mode that is built on earlier (i. e., natural, and social) spheres of existence and yet it is markedly different from them. We call this newly formed existence web-life. Finally using two enlightening cultural-historical analogies (the reformation of knowledge and the formation of web-life) several fundamental characteristics of the web-life is presented.

Keywords: philosophy; Internet; Internet research; web-life; Aristotle; human existence.

¹⁾This paper is a slightly modified and updated version of the previously published paper. See: Ropolyi L. Toward a philosophy of the Internet // APA Newsletter on Philosophy and Computers. 2018. No. 17(2). P. 40–49.

Образец цитирования:

Ропольи Л. Проект философии интернета. Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология. 2021;3:41–52 (на англ.).

For citation:

Ropolyi L. Proposal for a philosophy of the Internet. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology*. 2021;3:41–52.

Автор:

Ласло Ропольи – кандидат философских наук; почетный лектор.

Author:

László Ropolyi, PhD (philosophy); emeritus lecturer. ropolyi@caesar.elte.hu

Introduction

The appearance and the extended use of the Internet can probably be considered as the most significant development of the 20th century. However, this becomes evident if and only if the Internet is not simply conceived as a network of interconnected computers or a new communication tool, but as a new, highly complex artificial being with a mostly unknown nature. An unavoidable task of our age is to use, shape, and, in general, discover it – and to interpret our praxis, to study and understand the Internet, including all the things, relations, and processes contributing to its nature and use.

Studying the question what the Internet is and its history – apparently – provides a praxis-oriented answer². Based on the social and cultural demands of the 1960s, networks of interconnected computers were built up, and for the 1980s a worldwide network of computers, the *net*, emerged and became widely used. From the 1990s the network of web pages, the world wide *web*, has been built on the net. Using the possibilities provided by the coexisting net and web, *social networks* (such as Facebook) have been created since the 2000s. Nowadays, networking of connected physical vehicles, the emergence of the Internet of things seems to be an essential new development.

Besides these networks there is a regularly renewed activity to form *sharing networks* to share contents (files, material and intellectual property, products, knowledge, services, events, human abilities, etc.) using, e. g., streaming or peer-to-peer technologies. In this way, currently, from a practical point of view, the Internet can essentially be identified as a complex being formed from five kinds of intertwined coexisting networks: the net, the web, the social networks, the IoT, and the sharing networks.

Methodological considerations – trends in Internet research

Confronting these intellectual challenges, research on the Internet had already been initiated practically at the time of the emergence of the Internet. In the beginning, most research was performed in the context of informatics, computer sciences, (social) cybernetics, information sciences and information society, but from the 1990s a more specific research field, «Internet re-

Furthermore, as it is easy to see, especially in the case of social and sharing networks, the Internet cannot be identified and its development cannot be understood independently from the *historical-societal and cultural* environment, in which it is launched and used. Identifying shaping influences of certain social and cultural relationships on the formation of the Internet makes it easier for us to consider and identify the opposite relationships – i. e., to study the social and cultural impacts of Internet use. In other words, accepting the idea of the social construction of the Internet as a technology can help us understand the social and cultural consequences of its use³. Thus, it seems to be useful to employ a social and cultural context in the examination of the nature of the Internet.

Taking into consideration the praxis of *Internet use*, its two important characteristics come into sight. First, it is obvious enough that the mode of the Internet use changes very quickly and in an almost unpredictable way. The reasons for this course of events can be associated with the second characteristic of the Internet use: Internet users are typically not just passive acceptors of the rules of use prescribed by the constructors of a given Internet praxis, but they are active agents⁴. In fact, in the case of the Internet, the constructor and user roles typically interlock with each other.

In this way, in order to identify the very nature of the Internet and its characteristics, we have to understand the emergence and formation of a complex of several intertwined coexisting and interacting networks shaped by experts and active users in the changing social and cultural environments of the late modern age. Over and above, we have to disclose and consider the social and cultural impacts of this complex being, and to study the meaning of the construction of the Internet and that of the ubiquity of its human use.

search», started to form, incorporating additional ideas and methodologies from communication, media, social, and human sciences. From the 2000s, Internet research can be considered as an almost established new (trans-, inter-, or multidisciplinary) research field⁵.

It is not surprising at all that the new discipline faced serious methodological difficulties. Besides its trans-, in-

²A Short history of the Internet [Electronic resource]. URL: <https://www.internetsociety.org/internet/history-internet/> (date of access: 25.04.2021); Hobbes' Internet timeline 25 [Electronic resource]. URL: <https://www.zakon.org/robert/internet/timeline/> (date of access: 25.04.2021); Living Internet [Electronic resource]. URL: <https://www.livingInternet.com/> (date of access: 25.04.2021).

³The social construction of technology proposed in [1; 2] is a widely accepted view in the philosophy and sociology of technology, and in the science and technology studies).

⁴Some relevant views can be found, e. g., in the literature of the so-called user research. See, for example, N. Oudshoorn and I. Pinch [3], or R. Lamb and R. Kling [4]; or in a more concrete, Internet-related context see A. Feenberg and N. Friesen [5].

⁵As an illustration: during the last 15–20 years, numerous research communities, institutes, departments, journals, book series, and regular conferences were established. *The Association of Internet Researchers* was founded in 1999 and currently its mailing list has more than 5000 subscribers. Beside its regular conferences, the activity of the *International Association for Computing and Philosophy*, the meetings of the *ICTs and Society Network*, and the *Conference series on Cultural Attitudes towards Technology and Communication* [6] can be considered as popular research platforms on the topic.

ter-, or multidisciplinary ambitions, Internet research is also shaped by the following additional circumstances:

1. The *historical, social, and cultural* context of the emergence and deployment of the Internet. Elaboration of the basic principles of Internet construction and the realisation of these plans fundamentally take place in the late modern or postmodern age, in the second half of the 20th century, in a parallel trajectory with becoming widespread and achieving a cultural dominance of the postmodern values and ideology⁶. Postmodern ideology is not shaped by (modern) sciences; it has a rather technological, more precisely, *techno-scientific*, background and preference. This way it is easier to understand postmodern constructions in a technological or a techno-scientific context.

2. The «omnipresence» or *ubiquity* of the Internet. Our experiences in connection with the Internet are extremely diverse in quality and infinitely extended in quantity. The fact that the Internet can be found in and has an impact on the whole human practice is a source of many methodological difficulties: findings of any meaningful abstractions about the Internet, identification of real causal relationships, recognition of the borders of beings in an extended continuum, interpretation of the social and cultural effects of the Internet, etc., are extremely difficult. The Internet as a research object is a highly complex organisation of numerous problematically identifiable complex entities⁷.

3. A further difficulty is the essential *simultaneity* of the processes and their analyses, which means that the hard problems of participant observation will necessarily be present in the research procedure.

In response to these ambitions and difficulties, four different approaches to Internet research have emerged in the last two decades.

Modern scientific approach. In this kind of research, the main deal is accepting the validity of an established (modern) scientific *discipline* to apply its methodology on the Internet and Internet use. An aspect of the Internet or Internet use is considered as a subject matter of the given science⁸. In this way the Internet or Internet use can – at best – be described from computational, information technological, sociological, psychological, historical, anthropological, cognitive, etc., points of view. This is a very popular praxis; however, such research is necessarily insensitive to the characteristics of the subject matter outside of their disciplinary fields due to the conceptual apparatus and the methodology of the selected scientific discipline, in this case to the specificity of the Internet and Internet use. Outcomes of these studies can be considered as specific (Internet re-

lated) disciplinary statements of which the significance on the specificity of the Internet is not obvious at all.

When researchers in these disciplines consider one or another thing as an interesting aspect of the Internet, their choice is more or less evident, i. e., it is a pragmatic presupposition on the Internet. In this way it is almost impossible to see the significance of the given aspect of the Internet (and the given disciplinary approach) in the understanding of the Internet. Without careful philosophical analysis on the nature of the Internet, it is not trivial at all how relevant sociology, psychology, informatics, anthropology, or any other classical scientific discipline relates to its description.

Additionally, in this methodology the inter-, trans-, or multidisciplinary aspect of Internet research is fulfilled in an indirect way: the big set of traditional scientific descriptions of the Internet includes items from many different, but usually unrelated, disciplines. Taking into account some considerations of the philosophy of science, coexisting disciplines and their joint application to the fundamental conditions of the Internet can perhaps produce much more coherent outcomes.

Postmodern studies approach elaborates and applies a pluralist postmodern methodology of the so-called *studies*. Studies include concrete, but case by case potentially different mixtures of disciplinary concepts and methodologies that are being applied to describe the selected topic. Application of studies (e. g., Internet studies, cultural studies, social studies, etc.) methodology results in the creation of a huge number of relevant but separated and necessarily unrelated facts. Most research published in studies are well informed on the specificities of the Internet, so the selected methodological versions in the different studies can fit well to a specific characteristic of the Internet or Internet use, but the methodological plurality of the different studies prevents reaching any generalised, universally valid knowledge of the Internet. Nowadays most Internet research is performed in this style. Collection of studies [12; 13] and articles in online and offline journals devoted to Internet research (First Monday, Journal of Computer-Mediated Communication, Internet Research, Information, Communication and Society, New Media & Society, etc.) can be considered as illustrative examples.

Internet science approach to the Internet and (or) Internet use. Among researchers of the Internet there is a lack of consensus regarding how to best describe the Internet theoretically, i. e., whether it is a (scientific) *theory* or rather a *philosophy* of the Internet that is needed. Scientific theories on the Internet presuppose that it is an independent entity of our world and seek

⁶Within the framework of a social constructivist view on technology, this is the obvious reason that the Internet is imbued with and many aspects of its nature determined by postmodern values [7].

⁷It is a really significant circumstance that such outstanding experts of complexity as statistical physicists or network scientists regularly contribute to the «theory» of the Internet, e. g., A. L. Barabási [8; 9], R. Pastor-Satorras and A. Vespignani [10], etc.

⁸Researches published on Internet related topics in the journals of traditional disciplines can be considered as typical candidates of this research category [11].

for its specific theoretical understanding and description. Because of the complexity of the Internet, it is not surprising that comparing these theories to the classical scientific theories have a definite trans-, inter-, or multidisciplinary character. They usually combine the methodological and conceptual apparatus of social-scientific (sociology, psychology, political theory, law, political economy, anthropology, etc.), scientific, mathematical, and engineering (theory of networks, theory of information, computing, etc.) disciplines to create a proper «Internet scientific» conceptual framework and methodology. Some of these theories really fit into a recent scientific standard providing universally valid knowledge in the form of justifiable or refutable statements, with empirical background and philosophical foundations. Their empirical background frequently includes the above mentioned disciplinary or studies-origin facts, and their philosophical foundations vary case by case.

Although attempts to craft an Internet theory has been observable from a relatively early phase of the formation of the Internet [14] the whole history of theorising the Internet is very short, so it is not surprising that there is no universally accepted theory. Based on their different theoretical or philosophical presuppositions on the fundamental specificity of the Internet, recently P. Tsatsou identified three characteristic groups of theories [15]. In these groups of theories, the specificities of the Internet are determined by its technologically constructed social embeddedness, or the specific political economy of its functioning, or the formation of specific networks. In this way the Internet is a social entity, which is fundamentally technologically constructed, or a social entity which necessarily participates in the reproduction of social being, or a particularly organised mode of social being (see [5; 8; 9; 16–22], International Journal of Internet Science, etc.).

The diversity of these typical theoretical approaches casts light on the shortage of Internet science: there is no consensus about the fundamental specificities of the Internet. In other words, the philosophical foundations of Internet science, the foundational principles on the nature of the Internet are essentially diverse ones – and in many cases they are naive, unconsciously accepted, non-reflective, uncertain, or vague presuppositions. Philosophical considerations on the nature of the Internet and on the effective principles of Internet science can usefully contribute to overcoming these difficulties.

This situation is practically the same as we have (or had) in cases of any kind of sciences: the subject matter and the foundational principles of a scientific discipline are coming from philosophical considerations. As

an illustration we can recall the determining role of natural philosophy in the formation of natural sciences, or the role of philosophy of science in the self-consciousness functioning of any developed scientific disciplines.

However, scientific theories of the Internet face additional difficulties if they want to reflect on the (pluralistic) postmodern characteristics of the Internet, on the quick and radical changes in Internet use, on the extreme complexity of this being, and on the necessary presence of participant observation. Recently, there is a better chance of producing acceptable treatments of these difficulties in philosophies than in sciences.

Philosophy of the Internet approach. Like the Internet science, philosophy of the Internet also provides a theoretical description of the Internet, but it is a completely different theoretical construction – at least if we do not identify philosophy with a kind of linguistic-logic attraction, but we see it traditionally as the conceptual reconstruction of our whole world set up by critical thinking.

As Aristotle declared in his work «Metaphysics», there are two kinds of theoretical methodologies: the scientific disciplines describe beings from a selected aspect of them, but philosophy describes beings as beings, as a whole, considering them from all of their existing aspects. In this tradition, focusing on a given being, discovering and disclosing all of its interrelations of everything else, and in this way, characterising the being from all of its aspects, the philosopher builds up a complete world in which the given being exists. Philosophical understanding is proceeding on the parallel constructions of the being as being and the whole world⁹. An ontology created in this way is essentially different from the ontologies constructed in computer sciences. Currently, this Aristotelian style of making philosophy is not really fashionable, and, in fact, not so easy to perform, but it seems to be not impossible and perhaps even necessary if one wants to understand a new kind of being of our recent world, as the Internet is.

So, the crucial distinction between sciences and philosophy makes clear the different possibilities of science and philosophy in the theoretical description of the Internet¹⁰. Considering further the science-philosophy relationships, it becomes obvious that there is no science without philosophy. Historically, (European) philosophy emerged several hundred years before science did; science does not exist without (or prior to) philosophy. Of course, this is absolutely true in case of any concrete disciplines: emerging scientific disciplines are based on and spring out from philosophical (e.g., natural-philosophical) considerations and they include, incorporate, and develop these contents further. What is a natural object? What is a living organism? What is a constitu-

⁹On this Aristotelian philosophical methodology and its relation to the Platonic one G. W. F. Hegel presented some important ideas in his work «History of philosophy».

¹⁰According to my experiences, the communities of the International Association of Computing and Philosophy, and the International Centre for Theoretical Sciences and Society Network are the most sensible public to the philosophical considerations.

tion? And how can we identify and describe their nature and characteristics? Any scientific understanding presupposes such conceptual constructions. However, these procedures sometimes remain hidden, and the given scientific activity runs in an unconscious manner. These situations provide possibilities for the philosophy of science to clarify the real cognitive structures.

Following these intellectual traditions, if we want to construct an Internet science, we need some kind of philosophical understanding of the Internet prior to the scientific one. What is the Internet? What are its most fundamental specificities and characteristics? What are the interrelationships between the Internet and all the other beings of our world? Only the philosophical analyses can provide an understanding of *the Internet as the Internet*, a theoretical description of its very nature, as a totality of its all aspects, as a whole entity.

These are the reasons that I have proposed for building a philosophy of the Internet prior to the scientific theory of it [7; 23; 24]. First of all, taking into account the huge amount of its aspects, appearances, modes of use, etc., we should have to understand the nature of the Internet and to suggest useful concepts, valid principles, and operable practices for its description. I have proposed to construct a philosophy of the Internet in an analog manner as the *philosophy of nature* (or natural philosophy) was created before (natural) sciences.

However, besides this possibility, there are additional possibilities to contribute to the philosophy of the Internet. Realising the crucial social and cultural impacts of Internet use, philosophers have started to consider the influence of Internet use on philosophy [25–30]. Typically, they focus on a particular aspect or side of the Internet or Internet use and put it into a philosophical context. In this way (doing research on the philosophical problems of the Internet) one can identify the philosophical consequences of some kind of specificity of the Internet or can disclose something on the nature of the specificity of the Internet. This is the philosophy of the Internet making in an analog manner as we used to make research in the *philosophy of science* or philosophy of language, or philosophy of technology, etc.

In the case of the natural philosophical type of the philosophy of the Internet, we should have to create a complete philosophy in order to propose an under-

standing of the Internet in our world, and an understanding of our world which includes the Internet. In case of the philosophy of science type of the philosophy of the Internet, we should have to apply, improve, or modify an existing philosophy in a sense in order to propose an understanding of a philosophical problem of the Internet, and an understanding of a philosophical problem created by the existence and use of the Internet. The latter type of philosophy is closer to Internet science, while the former approach is closer to a real philosophy of the Internet.

As I see it, the so-called philosophy of the Web (Philoweb) initiative is a representative of the philosophical problems of the Internet type of research [25; 28]. The typical analyses in their papers focus on a particular aspect of the Internet (or the web) or focus on particular philosophical approaches (e. g., semantics, ontology) and try to conclude several consequences in these contexts.

Another important work in a similar philosophical methodology is provided by L. Floridi [29; 30]. His philosophical works, for example, describe the changing meanings of several classical philosophical concepts (like reality) because of the extended Internet use and vice versa: Internet use is taking place in a non-traditional reality.

Some additional philosophical approaches focus on more specific disciplines: (computer mediated communication [31], ethics [32] or specific problems (e. g., embodiment [33], critical theory of technology [5]).

Summing up, the philosophy of the Internet can be considered as a new field of culture, a recent version of philosophising with the ambitions to build philosophies in the era of the emergence and deployment of the Internet and Internet use and taking these new circumstances seriously. It necessarily has different realisations, with different ideologies, values, emphases, cognitive structures, languages, accepted traditions, etc. There are at least two metaphilosophical attitudes toward this new cultural entity:

- creating an original version of philosophy, taking into consideration all of the experiences in the era;
- modifying existing philosophical concepts, systems, approaches, and meanings in order to understand the emerging problems of the Internet era.

Specificities of an «Aristotelian» philosophy of the Internet

In the last 10–15 years, I have developed a natural philosophical type of the philosophy of the Internet which I call «Aristotelian» *philosophy of the Internet*. As an illustration of the above mentioned ambitions, now I will try to sum up its main ideas.

This philosophy of the Internet has Aristotelian characteristics in the following sense:

1. It is clear from the history of (natural) sciences that natural philosophy has a priority to any kind of natural sciences. The most successful natural philoso-

phy (or philosophy of nature) was created by Aristotle. In his thinking, a «division of labour» between philosophy and sciences was clearly declared: understanding the being as being, or understanding an aspect of a being. Historically and logically, in the first step we can «philosophically» understand a given being and its most essential characteristics, and in a second step, based on this knowledge, we can create a science for their further understanding. In case of the Internet, first we try to understand its nature and its most

fundamental characteristics «philosophically», and in the second step, an Internet science can be created based on this knowledge.

2. In the Aristotelian view, beings (and the world as well) have a complex nature and for their understanding we have to find a complex methodology. His crucial tool for this purpose was his causal «theory»: everything has four interrelated, but clearly separated, causes: the material, the formal, the efficient, and the final cause. Applying this version of causality, the complex nature of any beings (and the world) can be disclosed. In the case of the Internet (as a highly complex network of complex networks) this is a very important possibility for a deeper understanding. Of course, the concrete causal contexts will be different (and more concrete) related to the original Aristotelian ones, so we will use the technological, the communication, the cultural, and the organisational contexts to describe the highly complex nature of the Internet.

3. There are several additional, but perhaps less crucial, Aristotelian components in my philosophy of the Internet. Aristotle made a sharp distinction between natural and artificial beings (especially in his work «Physics»). Based on this distinction the fundamental role of technologies (as creators of the artificial spheres of beings) in the human world is really crucial, so I tried to find a technological (or techno-scientific) implementation for all of the aspects of the Internet. Moreover, in the solution of several classical philosophical problems, I followed the Aristotelian traditions e. g., my interpretation of virtuality (which is an important task in this philosophy of the Internet) is based on the Aristotelian ontology [34].

It is clear at first glance that the Internet is an artificial being created mainly from other artificial beings. This means that its philosophical understanding is ne-

cessarily based on the philosophical understanding of other beings, so it has necessarily a kind of «metaphilosophical» characteristic¹¹. The general view of the Aristotelian causality (in the abovementioned way) can be considered as a metaphilosophical tool, which presupposes to understand and use philosophies of technology, philosophies of communication, philosophies of culture, and philosophies of organisation for producing a complex philosophy of the Internet. Additionally, it is useful to study and use the philosophical views on information, reality and virtuality, community, system and network, modern and postmodern, knowledge, human nature, spheres of human being, etc., in the process of constructing the philosophy of the Internet.

As is clear from the statements above, this philosophy of the Internet is not just about an abstract description of the Internet, since it is included in and coexists with natural, human, social, and cultural entities in a complex human world. According to our research strategy, first, we examine the complex *nature* of the Internet, and then we analyse the social and cultural *impacts* of its use. The two topics are, of course, closely related. The interpretability of social and cultural effects, to be discussed in the second step, requires a kind of understanding of its nature in which social and cultural effects are conceivable at all. In certain cases, this involves trying to make use of connections which are uncommon in the task of interpreting the Internet. Thus, for example, we engage in discussions of philosophy, philosophy of technology, communication theory, epistemology, cognitive science, and social and cultural history instead of directly discussing the Internet in itself.

Taking into consideration the social and cultural factors which *define* or *shape* the nature of the Internet obviously helps identify those social and cultural *effects that occur* in the course of Internet use.

On the nature of the Internet

In the «natural philosophical type» or the «Aristotelian» philosophy of the Internet, the main task is to understand the nature of the Internet and some of its essential characteristics. Below, a short outline of the components of this philosophy is presented in the form of theses (for a more detailed discussion of the philosophical issues involved, see [7; 24]).

In the «Aristotelian» philosophy of the Internet, we conceive of the Internet in *four* (easily distinguishable, but obviously connected) *contexts*: we regard it as a system of *technology*, as an element of *communication*, as a *cultural* medium, and as an independent *organism*.

Technological context. I propose that we conceive of technology as a specific form or aspect of human agency, the realisation of human control over a technological situation. In consequence of the deployment

of this human agency, the course and the outcome of the situation seem no longer governed by natural constraints but by specific human goals. Human control of technological situations yields artificial beings as outcomes. With the use of technology, man can create and maintain artificial entities and, as a matter of fact, an artificial world: its own «not naturally given» world and she or he shapes her or his own nature through her or his own activity. Every technology is value-laden – i. e., technologies are not neutral; they unavoidably express, realise, and distribute their built-in values during usage. The Internet obviously is a technological product, and at the same time it is a consciously created technological system, so, like other technologies, the Internet also serves human control over given situations.

¹¹Notice that the collection of papers on Philoweb was first published by A. Monnin and H. Halpin [26] in the journal «Metaphilosophy». These papers are practically the same ones which are included into the book of H. Halpin and A. Monnin [27].

However, the Internet is a specific system of technology; it is an *information* technological system. It works with information rather than with macroscopic physical entities. As I see it, there is no information without use of signs, so information is a product of a kind of representational technology. In other words, information is created through interpretation, so a certain kind of hermeneutical practice is a decisive component of information technologies. In consequence, information (and all kinds of information products) is virtual by nature. Though it seems *as if* it was real, its reality has a certain limited, finite degree [34].

The information technological system of the Internet – in fact, we can talk about a particular type of system, that is, network – consists of computers which are interconnected and operated in a way which secures the freedom of information of the individuals connected to the network: the control over information about themselves and their own world in space, time, and context.

Thus, from a technological point of view, the Internet is an *artificially created* and maintained *virtual sphere*, for the operation of which the functioning of the computers connected into the network and the concrete practices of people's interpretations are equally indispensable.

Communication context. For the characterisation of the Internet as an element of communication, we can understand communication as a certain type of technology, the goal of which is to create and maintain communities. Consequently, the technologies of communication used on the Internet are those technologies with the help of which particular – virtual, open, extended, online, etc. – communities can be built. The individual relationships to the communities that can be built, and the nature of the communities can be completely controlled through technologies of the Internet (e-mail, chat, lists, blogs, podcast, social networks, etc.). Communication through the Internet has a network nature (it is realised in a distributive system); it uses different types of media, but it is a technology which follows a basically visual logic.

Thus, as regards communication, the Internet is the *network* of consciously created and maintained extended plural *communities*, for the functioning of which the harmonised functioning of computers connected to the network as well as the individual's control over his own communicative situations are needed.

Cultural context. From a cultural point of view, the Internet is a medium which can accommodate, present, and preserve the wholeness of human culture – both as regards quality and quantity. It can both represent a whole cultural universe and different, infinitely varied cultural universes (worlds).

Culture is the system of values present in coexisting communities; it is *«the world of» communities*. Culture is the technology of world creation. Culture shapes and also expresses the characteristic contents of a given social system. Each social system can be described

as the coexistence of human communities and the cultures they develop and follow. So, society is communities plus cultures.

The individual is determined by her or his participation in communities and cultures, as well as her or his contribution to them.

The Internet accommodates the values of the late modern age, or the «end» of modernity. That is, it houses late modern worlds. Late modern culture contains modern values as well, but it refuses their exclusivity and it favours a plural, postmodern system of values. The way of producing culture is essentially transformed: the dichotomy of experts creating traditional culture and the laymen consuming it are replaced by the «democratic nature» of cyber culture: each individual produces and consumes at the same time.

Thus, from a cultural point of view, the Internet is a network of virtual human communities, artificially created by man unsatisfied by the world of modernity; it is a network in which a postmodern system of values based on the individual freedom and independence of cyberculture prevails.

Organism context. From an organisational point of view, the Internet is a relatively independent organism, which develops according to the conditions of its existence and the requirements of the age. It is a (super)organism created by the continuous activity of people, the existence, identity, and integrity of which is unquestionable; systems, networks, and worlds penetrating each other are interwoven in it. It has its own, unpredictable evolution: it develops according to the evolutionary logic of creation and human being, wishing to control its functioning, is both a part and a creator of the organism.

The indispensable vehicles are *the net*, built of physically connected computers, *the web*, stretching upon the links which connect the content of the websites into a virtual network, *the human communities* virtually present on the websites organised into social networks, the interlinked human things as well as the infinite variations of individual and social *cultural entities and cultural universes* penetrating each other.

The worldwide organism of the Internet is imbued with values: its existence and functioning constantly creates and sustains a particular system of values: the network of postmodern values. The non-hierarchically organised value sphere of *virtuality, plurality, fragmentation*, included *modernity, individuality, and opposition to power*, interconnected through weak bonds, it penetrates all activity on the Internet – moreover, it does so independently of our intentions, through mechanisms built into the functioning of the organism.

Thus, from the organisational point of view, the Internet is a superorganism made of systems, networks, and cultural universes. Its development is shaped by the desire of late modern man to «create a home» entering into the network of virtual connections impregnated with the postmodern values of cyberculture. For human

beings, the Internet is a new – more homely – sphere of existence; it is the exclusive vehicle of web-life. Web-life is created through the transformation of traditional communities of society and the cultures prevailing in the communities. So, web-life is «online» communities plus cybercultures.

To sum up, the Internet is the medium of a new form of existence created by late modern man, a form that is built on earlier (natural and social) spheres of existence, and yet it is markedly different from them. We call this newly formed existence *web-life*, and our goal is to understand its characteristics.

Social and cultural impact of Internet use

Based on this understanding of the Internet, the social and cultural consequences of the Internet use can be disclosed and characterised as crucial characteristics of the web-life. The following two analog historical-cultural situations (analogies can provide a useful orientation within a highly complex and fundamentally unknown situation) can be tackled in the hope of obtaining a deeper understanding of the impact of the Internet use on our age.

The reformation of knowledge. For the study of the mostly unknown relations of web-life, it seems to be useful to examine the nature of *knowledge*, which was transformed as a consequence of Internet use, its social status, and some consequences of the changes.

Inhabitants of the 15th and 16th centuries and of our age have to face similar challenges: citizens of the Middle Ages and modern web citizens or netizens participate in analog processes. The crisis of religious faith unfolded in the late Middle Ages and in our age, the crisis of rational knowledge can be observed. In those times, after the crisis – with the effective support of reformation movements – we could experience the rise of rational thinking and the new, scientific worldview; in our times, 500 years later, this scientific worldview itself is eventually in a crisis.

The reformation of religious faith was a development which evolved from the crisis of religious faith. The *reformation of knowledge* is a series of changes originating from the crisis of rational knowledge.

The processes unfolding in the contemporary social and human system of relationships show a lot of similarities with the changes of the status of religious belief in the Middle Ages. Five hundred years ago the religious worldview lost its earlier stability; people's trust in the contemporary religious institutional system, and the official experts of faith wavered. At the same time, it is also obvious that people did not necessarily reject the truths of God, but their embeddedness in society, and their tendency to legitimise political power; they condemned the system of conditions of the creation and use of truths of faith. Reformation movements of the age appeared as a response to the crisis of faith, as a consequence of which religious faith became pluralised to a significant degree. Reformed faith breaks with the medieval concept of faith, which can be characterised as an abstract emotional state and it fights for the acceptance of the personal versions of the relationship to God. But, of course, its «suggestions to solve the crisis» do not lead out from the world of faith.

The scenes of the *reformation of religious faith* were religious institutions (churches, monasteries, the Bible, etc.). Nowadays, the *reformation of knowledge* is being generated in the institutional system of science: research centres, universities, libraries, and publishers.

In both cases, the (religious and academic) institutional system and the expert bodies (the structure of the church and the schools and especially universities, research centers, libraries, and publishers, as well as priests and researchers, teachers, and editors) lose their decisive role in matters of faith as well as science. The reformation of faith, ignoring the influence of ecclesiastical institutions, aims for developing an immediate relationship between the individual and God. The reformation of knowledge creates an immediate relationship between the individual and scientific knowledge.

It is well known that book printing played an important role in the reformation of faith. Books are tools which are in accordance with the system of values of the world undergoing modernisation. They made it possible to experience and reform faith in a personal manner as a result of the fact that the modern book was capable of accommodating the system of values of the Middle Ages (but the typical usage of the book as a modern tool is not this but rather the creation and study of modern narratives in a seemingly infinite number of variations).

In a similar way Internet use plays an important role in the reformation of knowledge. The Internet developed and became widely prevalent simultaneously with the spreading of the postmodern point of view. It seems that the crisis of modernity created a «tool» that fits with its system of values. It grows strong partly because of this accordance; what is more, people develop it further. However, at the same time, this tool, the Internet, seems to be useful for pursuing forms of activities which are built on the postmodern world but transcend it and also for the search for the way out of the crisis (postmodern thinking was itself created and strengthened by the – more or less conscious – reflection about the circumstances of the crisis, as the eminent version of the philosophy of the crisis).

On the Internet, ideas can be presented and studied in a direct way, in essence, independently of the influence of the academic institutional system. There are no critics and referees on websites; everyone is responsible for his own ideas. The reformers diagnose the transformation of the whole human culture because of the Internet use: the possibility of an immediate relationship between the individual and knowledge is gradual-

ly forcing back the power of the institutional system of abstract knowledge (universities, academies, research centres, hospitals, libraries, publishers) and its official experts (qualified scientists, teachers, doctors, editors). The following question emerges today: how can we get liberated from the power of the decontextualised, abstract rationality that rules life? In the emancipation process that leads out of the crisis of our days, the reformation of knowledge is happening, using the possibilities offered by the Internet. We can observe the birth of the yet again liberated man on the Internet, who, liberated from the medieval rule of abstract emotion, now also wants to rid himself of the yoke of modernist abstract reason. But her or his personality, system of values, and thinking are still unknown and essentially enigmatic for us.

The reformation of faith played a vital role in the development process of the modern individual: harmonising divine predestination with free will secured the possibility of religious faith, making the development of masses of individuals in a religious framework possible and desirable.

However, the modern individual that developed this way, losing his embeddedness in a traditional, hierarchical world, finds her or himself in an environment which is alien, even hostile to her or him. As a consequence of such fear and desire for security, the pursuit of absolute power becomes her or his second nature; the modern individual is selfish.

Human being, participating in the reformation of knowledge (after the events that happened hundreds of years before) is forced again into yet another process of individuation. Operating her or his personal relationship to knowledge, a postmodern individual is in the process of becoming. The postmodern personality, liberated from the rule of the institutional system of modern knowledge, finds her or himself in an uncertain situation: individuals can decide in the question of truth, but cannot rely on anything for his decisions.

As a result of the widespread use of the Internet, in a few decades these processes have now become part of everyday life. One of the defining recognitions of the last decade is that the netizen's own cultural praxis has effectively become detached from the traditional cultural production networks. Traditional opinion-leaders representing a shared reality, shared truths and shared values have really lost their dominant influence: the netizen has become the constructor of her or his own world, reality, truths. With this step, of course, she or he exposed her or himself to the vampires of her or his own ignorance, credulity, subculture, isolation, manipulability, and exploitability. In this way, fake news, misinformation, conspiracy theories emerge unstopably – simply put, we have entered an era of *post-truth*, the age of post-truth, in which the only truth about reality is completely absent. It is illustrated in [35–37].

This leads to a very uncertain situation from an epistemological point of view. How can we tackle this problem? Back then, the modern individual eventually asked the help of reason and found solutions, e. g., the principle of rational egoism or the idea of the social contract. But what can the postmodern personality do? Should she or he follow perhaps some sort of post-selfish attitude? But what could be the content of this? Could it be perhaps some kind of plural or virtual egoism? The postmodern personality got rid of the rule of abstract reason, but it still seems that she or he has not yet found a more recent human capacity, the help of which she or he could use in order to resolve his or her epistemological uncertainty.

To find a solution to these problems, it seems possible to extend the analogy of the reformation of knowledge. As a result of the reformation movements of the 16th century, the attitude of the Catholic Church changed in many respects with the need to coexist with changes. One of the components of this post-Reformation process is the emergence of the religious moral views and the associated practice of probabilism that had been developing during the 17th century. Probabilism, the idea that people should decide for themselves whether opinions about something (e. g., the validity of moral teachings) are probable or not, should not insist on the (inaccessible or untraceable) absolute truth, but should accept or follow all probable opinions (an interesting analysis is available in the S. Tutino's works [38; 39]).

The believer who is forced to take a stand under conditions of probabilism (about moral questions) and who turns away from the religious institutions survives by making individual and pluralistic decisions, just as the netizen who is forced to take a stand under conditions of post-truth (on questions of truth and reality) and who turns away from cultural opinion-leaders and institutions.

The overcoming of probabilism and the passing of the era of probabilism were made possible primarily by the development of the scientific concept of probability, the theory of probability, and the unfolding of the statistical worldview [40]. Similarly, addressing today's problems of post-truth is probably not achieved by denying post-truth, not by rejecting the netizen's relationship to reality, but by integrating realities based on the netizen's experience into a new, alternative world order. In other words, we have to live with the post-truth, we can accept, for example, that interpretations of reality are generated in individuals, and the task of the community is to somehow evaluate, measure and use their reality for the worldview of shared reality organised from individual realities. In the post-world thus created in the contexts of post-truths, reality is constructed, relative, measurable, but it exists. Reality that is not absolute but has a finite measure, can be called virtuality –

thus the post-reality that transcends the post-truth era is the realisation of the worldview of virtuality [34].

From a wider historical perspective, we can see that people in different ages tried to understand their environment and themselves and to continue living by relying on abstract human capacities that succeeded each other. People in primeval societies based their magical explanation of the world on the human will – and we managed to survive. After the will, the senses were in the mythical centre of ancient culture – and the normal childhood of humankind passed, too. Medieval religious worldview was built by taking into consideration the dominance of emotions – and this ended, too, at some point. In the age of the glorious reason, it was the scientific worldview that served the reign of man (rarely woman) – until now.

Today, the trust in scientific worldview seems to be teetering; the age of the Internet has come. However, the problem is that we cannot draw on yet another human capacity since we have already tried them all, at least once. But have we? Do we still have hidden resources? Or can we say goodbye, once and for all, to the usual abstractions, and a new phase of the evolution of humankind is waiting for us, which is happening in the realm of the concrete?

Formation of web-life. In order to study the mostly unknown context of web-life, it seems to be useful to examine the nature of *human existence*, transformed through Internet use and the consequences of the changes. Social scientists like M. Castells, B. Wellman and C. Haythornthwait, or C. Fuchs often characterise the consequences of Internet use as pure *social* changes, including all kinds of changes into social ones, and disregard the significance of more comprehensive changes. We would focus on the latter one.

While using the Internet, all determining factors and identity-forming relations change, which had a role in the evolution of humankind from the animal kingdom and in the process of the development of society. We can identify tool use, language, consciousness, thought, as well as social relationships as the most decisive changes in the process of becoming human and in the formation of web-life that has developed as a result of Internet use.

The simultaneous transformations of animal tool and language use, animal consciousness and thought, as well as social relationships and the series of interwoven changes led to the evolution of humans and to the development of culture and society. Nowadays, the robust changes in the same areas are also simultaneous. They point in one direction, intensifying each other, and induce an interconnected series of changes. The quantity of the changes affecting the circumstances of human existence results yet again in the qualitative transformation of the circumstances of existence: this is the process of the *development of web-life*.

The material circumstances of tool making and tool use lose their significance and the emphasis is now on the most essential part of the process: interpretation.

A crucial part of tool making is the interpretation of an entity in a different context, as different from the given (such as natural entities), and in this «technological situation» its identification as a tool. During Internet usage, individual interpretations play a central role in the process of creating and processing information on different levels and in the information technologies that are becoming dominant. At the same time, the material processes that provide the conditions of interpretation are, to a large extent, taken care of by machines. Hermeneutics takes the central role of energetics in the necessary human activity of reproducing human relations.

The human double- (and later multiple-) representation strategy developed from the simpler strategies of the representation characteristic of how wildlife led to language, consciousness, thought, and culture. Double representation (we can regard an entity both as itself and something else at the same time) is a basic procedure in all these processes – including tool making – and an indispensable condition of their occurrence. The use of the Internet radically transforms the circumstances of interpretation. On the one hand, it creates a new medium of representation in which (as in some sort of global mind) the whole world of man is represented repeatedly. On the other hand, after the ages of orality and literacy, it makes possible basically for all people to produce and use in an intended way the visual representation of their own world as well. Virtuality and visuality are determining characteristics of representation. We are living in the process of the transformation of language, speech, reading and writing, memory and thought.

Traditional human culture is created through the re-interpretation of the relations «given by nature». It materialises through their perpetual transformation and it becomes a decisive factor in the prevailing social relations. The cybercultural practices of the citizens of the web are now directed at the reevaluation of social relations, and as a result of their activities a cyber-, web- or Internet-cultural system of relations is formed, which is the decisive factor in the circumstances of web-life.

The basically naturally given communities of animal partnership were replaced by the human structure of communities, which was practically organised as a consequence of the tool-use-based indirect, and language-use-based direct communicative acts. However, the control over communicative situations can be monopolised by various agents; as a result, it is burdened with countless constraints. The nature of the communities that come into existence under these circumstances can become independent from the aspirations of the participants: various forms of alienation and inequality can be generated and reproduced in the communities. The citizen of the web who engages in communication reinterprets and transforms communicative situations; above all, she or he changes power relations in favour of the individual: the citizen of the web can have full powers over her or his own communicative situations.

Conclusion

Philosophy of the Internet discloses that human existence is being transformed. Its structure, many thousand years old, seems to be changing. Built on the natural and the social spheres of being a third form of existence is emerging: web-life. Human being is now the citizen of three worlds, and her or his nature is being shaped by these three domains, i. e., by the relations of natural, social, and web-life. Our main concern is the study of web-life, which has developed as the result of Internet use. From the position of the above proposed philosophy of the Internet (besides illuminative cultural-historical analogies) the following cultural-philosophical topics seem to have fundamental significance in the understanding of the characteristics of web-life:

1. Reality is relativised and pluralised. Instead of a given, single, absolute reality, a constructed, plural, and measurable reality, i. e., virtuality can be considered as a characteristic mode of existence. The Aristotelian dualistic ontological system, which distinguishes between actual and potential being, be complemented with a third mode of being which is virtuality. In the virtual mode of being, actuality and potentiality are inseparably intertwined. As compared to reality, virtuality is reality with a measure, a reality which has no absolute character, but which has a relative nature. All beings produced by representational technologies are necessarily virtual. Both social being and web-life have a virtual and open character.

2. The knowledge presented and conveyed through the Internet valorises the forms of knowledge which are characteristically situation-dependent, technological, and postmodern. The whole modern system of knowledge becomes reevaluated and, to a large extent, virtualised; the relationship to knowledge, reality, and truth takes a personal, concrete, open, and plural shape. The significance of the institutional system of science is diminished. Instead of scientific knowledge technological

or technoscientific knowledge and the technologies of interpreting knowledge are in the forefront.

3. Besides culture that is created by the communities of society, individual cyberculture plays a more and more important role. The traditional separation of the producers and consumers of culture becomes more and more limited in this process. Supported effectively by information technologies, billions of the worlds of the citizens of web-life join the products of the professional creators of culture. Cyberspace is populated by the infinite number of simultaneous variations of our individual virtual worlds. Aesthetic culture gains ground at the expense of scientific culture, and imagination becomes the human capacity that determines cultural activities.

4. Personality becomes postmodern, that is, it becomes fully realised as an individual, virtually extremely extended, and acquires a playful character with ethereal features. A more vulnerable post-selfish web citizen is developed, compelled by a chaotic dynamics. Web citizens are mostly engaged in network tasks, that is, in building and maintaining their personalities and communities.

5. Besides the natural and the social spheres, a sphere of web-life is built up. Now humans become the citizen of three worlds. The human essence moves towards web-life. The freedom of access to the separate spheres and the relationship of the spheres of existence are gradually transformed in a yet unforeseeable manner. Characteristics of web-life are shaped by continuous and necessarily hard ideological, cultural, political, legal, ethical, and economical conflicts with those of the traditional social sphere.

6. Web-life as a form of existence is the realm of concrete existence. Stepping into web-life, the «real history» of mankind begins yet again; the transition from social existence to web-life existence leads from a realm of life based on abstract human capacities to a realm of life built on concrete capacities.

References

1. Pinch TJ, Bijker WE. The social construction of facts and artefacts: or how the sociology of science and the sociology of technology might benefit each other. *Social Studies of Science*. 1984;14(3):399–441. DOI: 10.1177/030631284014003004.
2. Bijker WE, Hughes TP, Pinch T, editors. *The social construction of technological systems. New directions in the sociology and history of technology*. Cambridge: The MIT Press; 1987. 470 p.
3. Oudshoorn N, Pinch T, editors. *How users matter. The co-construction of users and technologies*. Cambridge: The MIT Press; 2003. 352 p.
4. Lamb R, Kling R. Reconceptualising users as social actors in information systems research. *MIS Quarterly*. 2003; 27(2):197–236. DOI: 10.2307/30036529.
5. Feenberg A, Friesen N, editors. *(Re)inventing the Internet. Critical case studies*. Rotterdam: Sense Publishers; 2011. 135 p.
6. Ess C. What's «culture» got to do with it? A (personal) review of CATaC (Cultural Attitudes towards Technology and Communication), 1998–2014. In: Goggin G, McLelland M, editors. *Routledge companion to global Internet histories*. New York: Routledge; 2017. p. 34–48.
7. Ropolyi L. *Az Internet természete. Internetfilozófiai értekezés*. Budapest: Typotex; 2006. 413 p.
8. Barabási A-L. *Linked: the new science of networks*. Cambridge: Perseus Books; 2002. 280 p.
9. Barabási A-L. *Network science*. Cambridge: Cambridge University Press [Internet]; 2016 [cited 2020 December 20]. Available from: <http://networksciencebook.com>.
10. Pastor-Satorras R, Vespignani A. *Evolution and structure of the Internet. A statistical physics approach*. Cambridge: Cambridge University Press; 2004. 267 p. DOI: 10.1017/CBO9780511610905.

11. Tai-Quan Peng, Lun Zhang, Zhi-Jin Zhong, Jonathan JH Zhu. Mapping the landscape of Internet studies: text mining of social science journal articles 2000–2009. *New Media & Society*. 2012;15(5):644–664. DOI: 10.1177/1461444812462846.
12. Hunsinger J, Klastrup L, Allen M, editors. *International handbook of Internet research*. Dordrecht: Springer; 2010. 1066 p.
13. Consalvo M, Ess C, editors. *The handbook of Internet studies*. Malden: Wiley Blackwell; 2013. 516 p.
14. Reips U-D, Bosnjak M, editors. *Dimensions of Internet science*. Lengerich: Pabst Science Publishers; 2001. 359 p.
15. Tsatsou P. *Internet studies: past, present and future directions*. Farnham: Ashgate; 2014. 286 p.
16. Castells M. *The rise of the network society*. Oxford: Blackwell; 2000. 656 p.
17. Castells M. *The Internet galaxy: reflections on the Internet, business, and society*. New York: Oxford University Press; 2001. 292 p. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780199255771.001.0001.
18. Haythornthwaite C, Wellman B. *The Internet in everyday life*. Oxford: Blackwell; 2002. 588 p. DOI: 10.1002/9780470774298.index.
19. Bakardjieva M. *Internet society. The Internet in everyday life*. London: Sage; 2005. 232 p. DOI: 10.4135/9781446215616.
20. Lessig L. *Code version 2.0*. New York: Basic Books; 2006. 432 p.
21. Fuchs C. *Internet and society. Social theory in the information age*. London: Routledge; 2008. 408 p.
22. Fuchs C. *Digital labour and Karl Marx*. New York: Routledge; 2014. 424 p.
23. Ropolyi L. Shaping the philosophy of the Internet. In: Kaneva S, editor. *Philosophy bridging civilizations and cultures*. Sofia: IPhR – BAS; 2007. p. 329–334.
24. Ropolyi L. *Philosophy of the Internet. A discourse on the nature of the Internet*. Budapest: Eötvös Loránd University [Internet]; 2013 [cited 2021 April 25]. 204 p. Available from: https://regi.tankonyvtar.hu/en/tartalom/tamop412A/2011-0073_philosophy_of_the_internet/index.html.
25. Halpin H. Philosophical engineering: towards a philosophy of the web. *APA Newsletter on Philosophy and Computers*. 2008;7(2):5–11.
26. Monnin A, Halpin H. Toward a philosophy of the web. Foundations and open problems. *Metaphilosophy*. 2012;43(4): 361–379. DOI: 10.1111/j.1467-9973.2012.01764.x.
27. Monnin A, Halpin H. Toward a philosophy of the web. Foundations and open problems. In: Monnin A, Halpin H, editors. *Philosophical engineering. Toward a philosophy of the web*. Chichester: Wiley Blackwell; 2014. p. 1–20. DOI: 10.1002/9781118700143.ch1.
28. Monnin A, Halpin H, editors. *Philosophical engineering. Toward a philosophy of the web*. Chichester: Wiley Blackwell; 2014. 204 p. DOI: 10.1002/9781118700143.
29. Floridi L. *The fourth revolution. How the infosphere is reshaping human reality*. Oxford: Oxford University Press; 2014. 264 p.
30. Floridi L, editor. *The onlife manifesto. Being human in a hyperconnected era*. New York: Springer; 2015. 264 p. DOI: 10.1007/978-3-319-04093-6.
31. Ess C, editor. *Philosophical perspectives on computer-mediated communication*. Albany: State University of New York Press; 1996. 328 p.
32. Ess C. *Digital media ethics*. Cambridge: Polity Press; 2013. 280 p.
33. Dreyfus HL. *On the Internet*. London: Routledge; 2009. 192 p.
34. Ropolyi L. Virtuality and reality – toward a representation ontology. *Philosophies*. 2016;1(1):40–54. DOI: 10.3390/philosophies1010040.
35. Ball J. *Post-truth. How bullshit conquered the world*. Hull: Biteback Publishing; 2017. 320 p.
36. McIntyre LC. *Post-truth*. Cambridge: MIT Press; 2018. 240 p.
37. Fuller S. What can philosophy teach us about the post-truth condition. In: Peters MA, Rider S, Hyvönen M, Besley T, editors. *Post-truth, fake news. Viral modernity and higher education*. Singapore: Springer Nature; 2018. p. 13–26. DOI: 10.1007/978-981-10-8013-5_2.
38. Tutino S. *Shadows of doubt. Language and truth in post-reformation Catholic culture*. Oxford: Oxford University Press; 2014. 304 p. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780199324989.001.0001.
39. Tutino S. *Uncertainty in post-reformation Catholicism. A history of probabilism*. Oxford: Oxford University Press; 2018. 564 p.
40. Meyns C. Leibniz and the ethics of probability. In: Strickland L, Weckend J, Vynckier E, editors. *Tercentenary essays on the philosophy and science of G. W. Leibniz*. London: Palgrave Macmillan; 2016. p. 229–253.

Received by editorial board 29.04.2021.

ВОЗМОЖНЫЕ ПУТИ РАЗРЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕНАСЕЛЕННОСТИ ПЛАНЕТЫ

А. А. ГОЛОВАЧ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный экономический университет,
пр. Партизанский, 26, 220070, г. Минск, Беларусь

Предложена историко-философская перспектива появления демографической проблемы перенаселенности планеты. Представлен социально-философский анализ данной проблемы, а также названы ее последствия, которые можно ожидать в случае неконтролируемого роста численности населения на Земле. Сделан вывод о необходимости применения онтологического перспективного подхода, в полной мере учитывающего процессы старения населения и сокращения численности рабочей силы, а также связанные с ними расходы. Установлены препятствия (социальные, религиозные, миграционные, политические), которые могут возникнуть на пути сокращения численности населения в государстве.

Ключевые слова: глобальные проблемы; перенаселенность; демографический взрыв; прогнозирование; демографический кризис.

POSSIBLE WAYS TO SOLVE THE PROBLEM OF OVERPOPULATION OF THE PLANET

A. A. GOLOVACH^a

^aBelarus State Economic University, 26 Partyzanski Avenue, Minsk 220070, Belarus

The historical and philosophical perspective of the emergence of the demographic problem of overpopulation as a global one is proposed. The article presents a socio-philosophical analysis of the problem of overpopulation and its consequences in the case of uncontrolled growth on the planet Earth. It is concluded that there is a need for an ontological perspective approach that fully takes into account the impact of the processes of population aging and the reduction of the labour force, as well as the costs associated with them. The obstacles that may be in the way of reducing the population in the state are identified: social, religious, migration, and political differences.

Keywords: global problems; overpopulation; demographic explosion; forecasting; demographic crisis.

Введение

Человечество в процессе своего развития сталкивается не только с появлением новых проблем, но и с необходимостью решения старых. В современном обществе проблема перенаселенности планеты является одной из актуальных. Социальная фи-

лософия в числе главных демографических проблем рассматривает угрозу демографического кризиса (в частности, угрозу перенаселенности), сопровождающегося невозможностью обеспечить человечество необходимыми ресурсами.

Образец цитирования:

Головач АА. Возможные пути разрешения проблемы перенаселенности планеты. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология.* 2021;3:53–59.

For citation:

Golovach AA. Possible ways to solve the problem of overpopulation of the planet. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2021;3:53–59. Russian.

Автор:

Алла Анатольевна Головач – кандидат философских наук, доцент; заведующий кафедрой философии.

Author:

Alla A. Golovach, PhD (philosophy), docent; head of the department of philosophy.
alla_minsk@tut.by

Темой народонаселения, демографии, перенаселенности интересовались Конфуций, Аристотель, Платон, Т. Мор, Ф. Аквинский, Н. Макиавелли, Т. Кампанелла, Т. Мен, С. Фортрей, Ж.-Ж. Руссо, А. Смит, Т. Мальтус, К. Маркс, Ж. Кондорсе, У. Годвин, Дж. Форрестер, Д. Медоус, члены «Римского клуба»¹, а также российские и белорусские ученые С. П. Капица, В. И. Вернадский, П. А. Водопьянов, В. С. Крисаченко, Я. С. Яскевич и др.

В настоящее время количество жителей планеты приближается к 8 млрд человек, при этом прирост населения происходит неравномерно. Так, в наименее развитых странах он составляет около 95 % от числа жителей всего мира, а в развитых – примерно 2 %. Страны, имеющие более развитую экономику, медицину, образование и условия для комфортного проживания человека, испытывают на данный момент демографический кризис, а в менее разви-

тых странах происходит обратный процесс. Исходя из этого увеличивается нагрузка на окружающую среду, человечество испытывает дефицит продовольствия и нехватку различных ресурсов.

За последние 100 лет в результате невиданного демографического роста население нашей планеты увеличилось более чем в 6 раз. В теоретическом плане исследование демографических законов и механизмов социального и естественного демографического производства объединяет социологию, экономику, философию, юриспруденцию, культурологию, антропологию, историю, медицину и другие науки. Еще в Античности Платон и Аристотель вскрыли ряд демографических вопросов, в которых заложены основные аспекты проблем, связанных с перенаселенностью планеты [1, с. 17].

Цель данной статьи – выявить возможные пути разрешения проблемы перенаселенности планеты.

Материалы и методы исследования

Проблема взаимосвязи цивилизованного развития общества и численности его населения имеет глубокие историко-философские корни.

Конфуций одним из первых задавался вопросом об оптимальной численности населения. По его мнению, ее увеличение затрудняет управление государством. Древнеиндийские мыслители тоже рассуждали о численности и приросте населения, но они, наоборот, считали, что малая численность населения – это бедствие для государства [2, с. 24].

В эпоху Античности древние государства допускали существование ограничений численности свободных граждан. Платон и Аристотель проблему перенаселения Греции рассматривали как острейшую социальную проблему, которая находится в прямой зависимости от обеспеченности государства земельными ресурсами.

В X–XVI вв. прирост населения происходил крайне неравномерно: высокой была и смертность, и рождаемость. В Европе в XVI в. проживало уже около 100 млн человек, в начале 2-го тысячелетия – только 40 млн человек [3]. Просветители Ж.-Ж. Руссо, Т. Мор говорили о том, что жителей планеты должно быть столько, сколько их сможет прокормить земля [2, с. 35].

В XVIII в. численность мирового населения достигла 1 млрд человек. Такой резкий скачок в увеличении количества жителей можно объяснить снижением смертности, что явилось результатом развития материального базиса общества, улучшением санитарных условий, развитием медицины.

На рубеже XVIII–XIX вв. в философско-общественной мысли установился экономический подход к оценке соотношения роста численности на-

селения и развития общества. А. Смит, Д. Рикардо, К. Маркс рассматривали население с экономической точки зрения. А. Смит считал, что чем больше людей, тем больше их доходы – тем шире рынок сбыта [4, с. 63].

Французский философ Ж. Кондорсе в работе «Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума» говорил о проблеме перенаселенности, которая ожидает человечество в будущем. Он указывал на то, что нужно разумно ограничивать рождаемость. Также он считал развод допустимым явлением и не возражал против гражданского брака.

Проблема возможного перенаселения Земли была поднята Т. Мальтусом. За два столетия (XIX–XX вв.) его имя стало нарицательным, а его труду «Опыт о законе народонаселения» отводится не меньшая роль, чем работам «Математические начала натуральной философии» И. Ньютона и «Происхождение видов» Ч. Дарвина. Главным постулатом теории Т. Мальтуса является следующая закономерность: «Население, если не мешать его свободному воспроизводству, удваивается каждые 25 лет, иначе говоря – в геометрической прогрессии. В то же время объемы ресурсов, необходимых для поддержания жизни, растут лишь в прогрессии арифметической» [5, с. 23].

Т. Мальтус считал, что изначально самой человеческой природой объясняется стремление людей безоглядно плодить себе подобных. Также автору принадлежит ставшая знаменитой фраза: «Не производить на свет детей, которых они не будут в состоянии прокормить» [5, с. 28]. Он утверждал, что не надо оказывать помощь бедным слоям населения, так как благодаря такой помощи люди попадают в замкнутый круг: при улучшении условий жизни

¹Международная организация, которая занимается исследованием глобальных проблем современности и долгосрочными перспективами развития человечества.

увеличивается рождаемость, таким образом, возрастает количество потребителей материальных ресурсов, что в итоге приводит к еще большей бедности. Решить проблему сдерживания роста населения Т. Мальтус предлагал двумя способами: естественным и искусственным. При первом способе количество населения регулируется посредством войн, эпидемий, голода и пр.

Поскольку уменьшение популяции людей за счет увеличения их смертности считалось бы антигуманным способом, то Т. Мальтус предложил сделать это благодаря воздержанию и даже аскетизму.

При этом ученый никогда не питал иллюзии на счет того, что искусственным способом человечеству когда-нибудь удастся сократить или хотя бы стабилизировать свою численность. Он наоборот предсказывал, что из-за грехов и пороков человечество обречено на полное вымирание.

Итак, к началу XVIII в. была обозначена и спрогнозирована проблема перенаселенности планеты. Со временем человечество все больше стало осознавать ее важность, поэтому многие исследователи стали изучать причины ее возникновения и искать пути решений.

Учение о народонаселении было составной частью философских, социологических и экономических теорий К. Маркса, М. Вебера, Й. Шумпетера, П. Эрлиха, Дж. Форрестера, Ф. Осборна, Д. Медоуса и членов «Римского клуба».

Между увеличением численности населения и перенаселенностью нельзя ставить знак равенства, поскольку не всегда из первого следует второе. В живой природе функционирует не только механизм размножения, но и противоположная ему система регулировки численности популяции (существует для соблюдения баланса ее количественного состава и кормовой базы).

Демографический взрыв всегда является следствием увеличения количества пространства и еды, необходимых для определенного вида живых существ, и не создает чрезмерную нагрузку, которая сказывается на природных ресурсах, а в случае их недостатка сменяется повышенной смертностью. Таким образом, механизмы размножения и регулировки численности населения естественным путем поддерживают баланс и обеспечивают быстрое выравнивание ситуации.

Человечество в процессе своего развития стремилось обеспечить себя достаточным количеством ресурсов, уменьшить зависимость от природных факторов и повысить уровень жизни, тем самым оно нарушило баланс в природе. Определить, существует ли на планете перенаселенность, можно по влиянию на человеческую жизнь его последствий: дефицита ресурсов, падения уровня жизни, загрязнения окружающей среды.

Демографический кризис, в результате которого возникает перенаселенность планеты, характери-

зуется чрезмерным количеством живущих сегодня людей, которые при современном уровне развития технологий не могут быть обеспечены ресурсами (при этом возобновляемые ресурсы остаются неисчерпаемыми).

В истории человечества формально можно выделить два больших периода демографического развития. Первый из них соответствовал так называемой аграрной цивилизации и продолжался примерно до второй половины XVII в. Он отличался сравнительно низким увеличением численности населения. В условиях первобытного общества даже при наличии полигамии (многобрачия) естественный прирост был незначителен, так как рождаемость и смертность, находясь на высоком уровне, взаимно уравновешивались.

В течение последних трех тысячелетий численность жителей земного шара заметно изменилась, что ознаменовало переход ко второму периоду демографического развития. При этом в 1960-х гг. темпы прироста населения планеты оказались очень высокими.

В это время возникло понятие «демографический взрыв» (от термина «демографический переход», предложенного Ф. Нустьяном в 1945 г.) – резкое увеличение прироста населения. Появились мрачные прогнозы скорого перенаселения планеты, основанные прежде всего на данных о результатах резкого снижения доли смертности во всех возрастных группах.

При этом во многих слаборазвитых странах рождаемость не изменилась, либо она снизилась, но отнюдь не в такой степени, как смертность. В первую очередь это касается деревень в развивающихся странах, где по ряду причин сохраняется высокая рождаемость. С давних пор люди считают процесс рождения естественным, они с трудом воспринимают пропаганду перехода к сознательному планированию семьи. Также нельзя забывать о консервативной позиции в отношении рождаемости практически всех религий мира: индуизма, христианства, ислама, иудаизма, буддизма.

Несмотря на увеличение населения планеты в геометрической прогрессии, было замечено его сокращение в определенные периоды исторического развития. Первый из них включает переход от Античности до исчезновения древнеримской цивилизации, когда возросла зависимость человека от природных факторов, ухудшилось качество медицины и уровень жизни. Второй и третий периоды демографического провала относятся к XIV и XVII вв. соответственно. В это время Европа была охвачена эпидемиями чумы. Уже тогда высокая плотность населения способствовала тому, что урон от пандемии был колоссальным [6].

Для всех форм, живущих на Земле, основным неблагоприятным фактором угрозы их существованию является перенаселенность, которая может драматически сказаться на судьбе людей и всей планеты

в целом, поскольку из-за неудержимого роста населения все экосистемы могут быть разрушены, и 5 млрд человек окажутся в положении медленно умирающих от голода и жажды [7, с. 123].

Во второй половине XX в. на фоне исторической динамики прирост численности населения в мире выглядит небывалым: население Земли на протяжении 10 тысячелетий достигло 1 млрд человек (случилось в начале XIX в.), затем в течение 124 лет оно удвоилось, а за неполный XX в. утроилось и достигло численности 6 млрд человек. В 2011 г. родился 7-миллиардный житель. По прогнозу ООН, к 2050 г. численность Земли превысит 9 млрд человек. Это произойдет за счет населения развивающихся стран Азии и Африки [4, с. 65].

К теме рисков и ресурсов обращался российский ученый и естествоиспытатель В. И. Вернадский. Он считал, что скачкообразный рост населения планеты в XX в. требует от человека максимально бережного и экономного отношения к ее природным богатствам, поиска новых источников энергии и ресурсов [8].

Российский ученый С. П. Капица также исследовал проблемы перенаселения Земли и его последствия. Математические расчеты и идеи ученого показывают, что к 2025 г. численность населения планеты может резко возрасти. Тогда человечество столкнется с рядом проблем в здравоохранении, продовольствии, образовании, экологии. Только лишь потенциал разума человечества может помочь решить демографические проблемы как на индивидуальном уровне, так и на социальном, который выражен в общественном сознании, в культуре [9], что в будущем позволит сделать оптимистичные демографические прогнозы, а также стабилизировать численность населения Земли.

Демографические изменения оказывают глубокое воздействие на мировую экономику, однако не так, как это ожидалось ранее. Всего 50 лет назад некоторые наблюдатели говорили о перенаселенности планеты и предсказывали, что в скором будущем человечество исчерпает мировые ресурсы, а это, в свою очередь, приведет к массовому голоду, краху мировой экономики и другим бедствиям.

Однако сценарий конца света не стал реальностью. Напротив, впервые в современной истории ожидается, что к концу этого столетия рост населения планеты практически прекратится, что в значительной степени можно объяснить снижением уровня рождаемости в мире.

Таким образом, необходимо применять перспективный подход, в полной мере учитывающий процессы старения населения и сокращение численности рабочей силы, а также связанные с ними расходы. Важнейшее значение имеет своевременная корректировка в области здравоохранения. Также пристальное внимание следует обратить на начисление государственных пенсий и долгосрочный уход за пожилыми людьми.

Потенциальное негативное воздействие депопуляции на производительность и темпы роста диктует обязательное проведение структурных реформ и внедрение инноваций. Ключевое значение имеют гибкость рынка труда, стратегии по обеспечению высоких темпов роста производительности (в том числе использование возможностей автоматизации производства, робототехники и искусственного интеллекта), а также более гибкий подход к проблемам, связанным со старением населения и выходом работников на пенсию.

В системе надзора и контроля нужно учитывать потенциальные очаги нестабильности, поскольку в результате демографических тенденций банки и другие финансовые учреждения сталкиваются с существенными изменениями делового климата [10, с. 20].

С целью предупредить естественный способ урегулирования роста населения (в случае если он произойдет, последствия будут катастрофическими) самое гуманное, что необходимо сделать, – это искусственно уменьшить рождаемость. Вопрос состоит в сложности и скорости его реализации.

Итак, если человечество не ограничит рождаемость, то природа посредством смертности сократит численность жителей планеты. Это может произойти в скором будущем, причем пик кризиса (по разным приблизительным оценкам) ожидается в ближайшие 50–100 лет. Значит, человечество в реализации этой идеи соревнуется со временем. Однако на пути внедрения искусственного уменьшения рождаемости существует ряд препятствий:

1. Социальные проблемы. В большинстве стран общество еще не готово к тому, чтобы было введено прямое ограничение на рождаемость.

2. Религиозные запреты. В настоящее время к этой реформе любое вероисповедание относится негативно.

3. Опыт ограничения рождаемости в Китае. Там было введено ограничение на рождаемость путем штрафов. Реформа «одна семья – один ребенок» не дала отрицательной демографической динамики, а только снизила темпы роста и привела к старению населения. В конце 2015 г. был снят запрет на рождение второго ребенка.

4. Миграция людей из перенаселенных районов в менее населенные. Рост населения будет продолжаться до тех пор, пока все доступные для миграции регионы не будут перенаселены.

5. Политическая и экономическая конкуренция между странами. Она приводит к тому, что политика ограничения рождаемости создает ослабление демографического потенциала государств. Только повсеместное применение этой политики принесет положительный результат, иначе образовавшийся «демографический вакуум» будут заполнять мигранты из стран, отказавшихся от таких реформ или не выполняющих их должным образом.

Например, огромный поток мигрантов (беженцев) из стран Ближнего Востока перебирается в Европейский союз. Большинство из них оказались в Европе по экономическим причинам. Потратив несколько тысяч долларов на дорогу, они не скрывают своего желания добраться до наиболее благополучных стран: Дании, Норвегии, Великобритании, Германии.

Не все аспекты этого процесса ясны, но уже сейчас можно сказать, что главная причина миграции объясняется не только войной, но и ухудшающейся экономической обстановкой в Сирии, Ираке и Афганистане, которая совпала с политическим решением открыть границы для беженцев.

6. Неестественные темпы снижения смертности в развивающихся странах. Прежде чем достичь низкого уровня смертности, развитым странам (Норвегии, Дании, Канаде, Германии и т. д.) понадобилось около 200 лет.

За все время кропотливой работы эти страны год за годом открывали новые вакцины от болезней, постепенно улучшали условия труда, совершенствовали экономику, государственное управление, орудия труда. Развивающиеся страны могут пользоваться созданными до них достижениями человечества, не тратить столь много времени для их самостоятельной разработки и вследствие этого в кратчайшие сроки достичь уровня смертности намного меньшего, чем уровень рождаемости.

Для перехода к развитому уровню промышленного развития, которому будет свойственен низкий уровень рождаемости, получившийся в результате пересмотра ценностей и условий жизни, потребуется очень много времени. По этой причине страны, легко и быстро шагнувшие вперед в промышленном плане и снизившие в короткие сроки уровень смертности, далеко не скоро перейдут в разряд развитых стран, что таит в себе угрозу еще большего увеличения численности населения на Земле.

Решить эти проблемы можно непопулярным социальным способом – прямым ограничением рождаемости. Для этого необходимо ввести налоги, сумма которых будет зависеть от количества детей в семье. В связи с этим главная проблема состоит в том, что основная часть населения не осознает реальной ситуации, происходящей вокруг.

Еще сложнее будет понять, что не существует философско-экономического решения, а время – это ограниченный ресурс. В общественном и промыш-

ленном плане увеличивается разрыв между развитыми и развивающимися странами. Нарастает явление массовой экономической миграции из перенаселенных экономически неразвитых и дебилизированных регионов в более благополучные в данном направлении страны.

В свою очередь, по причине сильных культурных, этнических и религиозных различий ассимиляция идет либо слишком медленными темпами, либо вообще отсутствует и приводит к расшатыванию экономической, демографической и политической ситуации уже в развитых странах.

Увеличение количества локальных конфликтов может вызвать лавинный эффект миграции населения, в том числе и радикальных элементов, с последующим возникновением новых столкновений. Однополярный мир создал систему, основанную на социальных зонах, а страны, входившие в эти зоны, называют странами первого, второго или третьего мира.

В зависимости от экономического и интеллектуального потенциала населения происходит фактически территориальное разделение общества. Миграция элит лишь усиливает этот разрыв. Текущая тенденция к многополярности, основанной на региональных державах, в перспективе должна сгладить мировое социальное расслоение, развить класс местных элит, но пока наблюдается жесткая борьба стран не только за статус региональной державы (Иран, Турция и Саудовская Аравия), но и за сферы влияния на государства, находящиеся на границах будущих экономических зон (Украина, Сербия, Черногория). В результате успешного окончания этого процесса могут образоваться нескольких политико-экономических зон, каждая из которых для поддержания своих интересов будет вести грамотную демографическую политику в целях предотвращения кризиса, однако крайне негативный сценарий может привести к мировой войне [11].

Следует отметить, что Республика Беларусь на фоне углубляющейся проблемы перенаселенности планеты также относится к странам, испытывающим депопуляцию. При этом недостаточно высокий уровень экономического развития не позволяет привлекать в страну мигрантов, в особенности высококвалифицированных специалистов. Таким образом, имеет место комплексная социально-экономическая проблема, от решения которой зависит будущее нашей страны [11, с. 129].

Заключение

Демографические изменения оказывают глубокое воздействие на развитие человеческой цивилизации. Философам, экономистам и другим ученым еще предстоит оценить потребность в разрешении проблемы перенаселенности планеты. Для конструирования социально-демографического механизма

контроля перенаселенности, изменений в институте брака и семьи, процессов старения, численности рабочей силы необходимо применять онтологический перспективный подход.

Современная демографическая ситуация требует от человечества явных изменений. Если для решения

проблемы перенаселенности планеты не использовать новое социально-философское осмысление, то все сложнее станет справедливо распределять имеющиеся ресурсы между поколениями, что может создать серьезные последствия для систем социального обеспечения и государственных программ денежных трансфертов.

Онтологические основания социальных и демографических кризисов предполагают системное изучение тенденций и проблем, существующих в обществе, которое признается целостной взаимосвязанной и взаимообусловленной системой. Дан-

ные призмы присутствуют во всех сферах социального бытия [12, с. 348].

Важным является также то, что и философы, и экономисты видят риски материального и морального кризиса человечества, обусловленные ростом численности населения планеты. В результате проведенного онтологического анализа философам при изучении проблемы перенаселенности планеты предстоит обнаружить и предложить ученым-экономистам исследовать оптимальные интерпретации, объяснения, научные и практические перспективы решения данной глобальной проблемы.

Библиографические ссылки

1. Злотников АГ. *Демографические идеи и концепции*. Минск: Право и экономика; 2014. 388 с. (Гуманитарные науки).
2. Коростелёв ГМ, Краев ВС. *Буржуазные концепции народонаселения: критический анализ*. Москва: Финансы и статистика; 1981. 160 с.
3. Ливи Баччи М. *Демографическая история Европы*. Миролюбовая А, переводчик. Санкт-Петербург: Александрия; 2010. 304 с. (Становление Европы).
4. Михеева АР. Философские взгляды на демографический фактор развития общества. *Идеи и идеалы*. 2014;2(4): 61–68. DOI: 10.17212/2075-0862-2014-4.2-61-68.
5. Мальтус ТР. *Опыт о законе народонаселения. Том 4*. Вернер ИА, переводчик. Петрозаводск: Петроком; 1993. 139 с. (Шедевры мировой экономической мысли).
6. Калинин ДВ. Увеличение численности населения Земли как фактор развития цивилизации: проблема перенаселения. GosReg [Интернет]. 2016 [процитировано 25 декабря 2020 г.];3. Доступно по: http://gosreg.amchs.ru/pdf/files/17number/articles17/Kalinin_17.pdf.
7. Петляков ВВ. Перенаселение Земли – глобальная социально-экономическая проблема. *Вестник Института мировых цивилизаций*. 2018;4:121–125.
8. Вернадский ВИ. *Научная мысль как планетное явление*. Яншина ФТ, составитель; Золотова НБ, редактор. Москва: Наука; 1994. 271 с.
9. Капица СП. *Парадоксы роста: законы развития человечества*. Москва: Альпина нон-фикшн; 2010. 192 с.
10. Ги Хи Хон. Япония служит для всего мира лабораторией по изучению мер экономической политики в условиях старения и сокращения населения. Экономика депопуляции. *Финансы и развитие*. 2020;57(1):20–23.
11. Шахотько ЛП. Комплексная оценка демографической ситуации в Республике Беларусь с позиции обеспечения устойчивого экономического роста. *Социология*. 2007;3:129–134.
12. Бородуля АА. Онтологические основания социальных кризисов. *Научные труды Республиканского института высшей школы*. 2019;18:344–352.

References

1. Zlotnikov AG. *Demograficheskie idei i koncepcii* [Demographic ideas and concepts]. Minsk: Pravo i ekonomika; 2014. 388 p. (Gumanitarnye nauki). Russian.
2. Korostelyov GM, Kraev VS. *Burzhuznyye kontseptsii narodonaseleniya: kriticheskii analiz* [Bourgeois concepts of population: a critical analysis]. Moscow: Finansy i statistika; 1981. 160 p. Russian.
3. Livi Bacci M. *La popolazione nella storia d'Europa*. Roma: Laterza; 1998. 308 p. Russian edition: Livi Bachchi M. *Demograficheskaya istoriya Evropy*. Mirolyubovaya A, translator. Saint Petersburg: Alexandria; 2010. 304 p. (Stanovlenie Evropy).
4. Mikheeva AR. [Philosophical views on the demographic factor in the development of society]. *Idei i idealy*. 2014;2(4): 61–68. Russian. DOI: 10.17212/2075-0862-2014-4.2-61-68.
5. Mal'tus TR. *Opyt o zakone narodonaseleniya. Tom 4* [Experience about the law of population. Volume 4]. Verner IA, translator. Petrozavodsk: Petrokom; 1993. 139 p. (Shedevry mirovoi ekonomicheskoi mysli). Russian.
6. Kalinin DV. The increase in world population as a factor of civilisation development: the problem of overpopulation. *GosReg* [Internet]. 2016 [cited 2020 December 25];3. Available from: http://gosreg.amchs.ru/pdf/files/17number/articles17/Kalinin_17.pdf. Russian.
7. Petlyakov VV. [Overpopulation of the Earth is a global socio-economic problem]. *Vestnik Instituta mirovykh tsivilizatsii*. 2018;4:121–125. Russian.
8. Vernadskii VI. *Nauchnaya mysl' kak planetnoe yavlenie* [Scientific thought as a planetary phenomenon]. Yanshina FT, compiler; Zolotova NB, editor. Moscow: Nauka; 1994. 271 p. Russian.
9. Kapitsa SP. *Paradoksy rosta: zakony razvitiya chelovechestva* [Growth paradoxes: the laws of human development]. Moscow: Al'pina non-fikshn; 2010. 192 p. Russian.

10. Gi Xi Xon. [Japan serves as a laboratory for the world to study economic policies in the face of an aging and shrinking population. Economics of depopulation]. *Finansy i razvitie*. 2020;57(1):20–23. Russian.
11. Shakhot'ko LP. [Comprehensive assessment of the demographic situation in the Republic of Belarus from the standpoint of ensuring sustainable economic growth]. *Sociology*. 2007;3:129–134. Russian.
12. Borodulya AA. Ontological foundations of social crises. *Nauchnye trudy Respublikanskogo instituta vysshei shkoly*. 2019;18:344–352. Russian.

Статья поступила в редколлегию 20.03.2021.
Received by editorial board 20.03.2021.

УДК 101.1:316(075.8)

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ И ГУМАНИТАРНЫЕ РИСКИ

Л. Г. ТИТАРЕНКО¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Рассмотрен критический подход к цифровой цивилизации как ступени технократической рационализации общества, разработанный философами франкфуртской школы и позднее развитый другими авторами левого толка. Проанализированы типичные представления о цифровой трансформации в научной литературе, показаны некоторые последствия цифровизации, влияние которых на общественную жизнь недооценивается. На примере эмпирических данных опроса белорусского студенчества раскрыты потенциальные риски цифровизации для молодого поколения. Научная значимость исследования состоит в демонстрации технократической основы нынешней цифровой модернизации, которая требует проведения углубленного научного анализа противоречивых взаимосвязей между широким использованием цифровых инноваций молодыми людьми и уровнем осознания ими рисков в сфере гуманитарной безопасности.

Ключевые слова: цифровая трансформация; диалектические противоречия цифровизации; инновационное развитие; студенческая молодежь; гуманитарные риски.

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке Государственной программы научных исследований на 2021–2025 годы в рамках (задание 4.08.3).

DIGITAL TRANSFORMATION AND HUMANITARIAN RISKS

L. G. TITARENKO^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The purpose of the article is to consider digital transformation as a dialectically contradictory process that not only contributes to the growth of economic efficiency and facilitates the daily life of people, but also produces humanitarian risks.

Образец цитирования:

Титаренко ЛГ. Цифровая трансформация и гуманитарные риски. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология.* 2021;3:60–66.

For citation:

Titarenko LG. Digital transformation and humanitarian risks. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2021;3:60–66. Russian.

Автор:

Лариса Григорьевна Титаренко – доктор социологических наук, профессор; профессор кафедры социологии факультета философии и социальных наук.

Author:

Larissa G. Titarenko, doctor of science (sociology), full professor; professor at the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences.
larissa@bsu.by

The article actualises a critical approach to digital civilisation as a stage of technocratic rationalisation of society, developed by the philosophers of the Frankfurt School and later developed by other left-wing authors. The article analyses typical ideas about digital transformation in scientific literature, shows some of the consequences of digitalisation, the impact of which on public life is underestimated. On the example of empirical data from a survey of Belarusian students, potential risks of digitalisation for the younger generation are revealed. The scientific significance of the study lies in demonstrating the technocratic basis of the current digital modernisation, which requires an in-depth scientific analysis of the contradictory relationships between the widespread use of digital innovations by young people and their level of awareness of risks in the field of humanitarian security.

Keywords: digital transformation; dialectical contradictions of digitalisation; innovative development; student youth; humanitarian risks.

Acknowledgements. The study was carried out with the financial support of the State Program of Scientific Research for 2021–2025 (assignment 4.08.3).

Введение

Цифровая трансформация всех сфер современного общества, включая экономику и образование, входит в число приоритетов развития постиндустриальных стран, среди которых находится Беларусь. Однако в условиях глобального цифрового мира цифровизация, воплощающая инновационное направление в совершенствовании белорусского общества, одновременно создает новые риски и безопасному гуманитарному развитию страны, и ее населению. В отношении студенческой молодежи как самой восприимчивой к цифровым инновациям социальной группы возрастают угрозы и риски информационного и социогуманитарного характера: абсолютизируется роль цифровизации в ущерб другим сферам жизни общества; прослеживаются плохая адаптация к новым условиям развития общества у одной части молодых людей и «цифровая наркомания» – у другой; наблюдается недопонимание важности национальной культуры в глобальном цифровом мире. Названные риски можно считать непреднамеренными факторами, подрывающими социогуманитарную и информационную безопасность общества, традиционные основы воспитания

молодого поколения как граждан, которые должны в будущем внести наибольший вклад в развитие Республики Беларусь по всем направлениям. Проблема состоит в том, что студенческая молодежь не может представить свою жизнь без информационно-коммуникационных технологий (далее – ИКТ), поскольку они пронизывают все сферы существования молодых людей. В то же время молодежь неоднозначно оценивает те многочисленные риски, которые имманентно связаны с быстрым развитием технологических инноваций и их разнонаправленным воздействием на сознание отдельной личности, развитие институтов и общества в целом.

Цель данной статьи – рассмотреть цифровую трансформацию как диалектически противоречивый процесс, который не только способствует росту эффективности экономики и облегчению повседневной жизни людей, но и продуцирует гуманитарные риски. Научная значимость настоящего исследования связана с актуализацией критического подхода (разработан философами франкфуртской школы) к цифровой цивилизации как ступени рационализации общества.

Материалы и методы исследования

В исследовании были использованы общенаучные методы теоретического и эмпирического познания, анализ и синтез, системно-структурный подход к выделению основных характеристик цифровой

трансформации и рисков, возникающих как непредсказуемые и/или нежелательные для общества последствия цифровизации. Эмпирические данные получены методом опроса белорусских студентов.

Результаты и их обсуждение

В современном научном дискурсе четвертая индустриальная революция рассматривается как одна из задач развития общества, при достижении которой увеличивается его благосостояние [1]. Если обратиться к социально-философской концепции, связанной с критическим анализом индустриальных революций и рациональности как драйвера этих революций, то можно сказать, что в их основе лежат технократические принципы развития общества,

последствиями которых являются отчуждение человека от этого общества, увеличение роста манипулирования людьми, осуществляемого посредством технических достижений. Социальные философы франкфуртской школы раскрыли диалектику развития западной цивилизации, выявили технократическую природу нарастающей рационализации общества, антигуманизм технического разума и на примере нацизма раскрыли многочисленные угрозы

превращения человека по мере развития технологий в средство. Обосновывая актуальность переиздания своей работы, М. Хоркхаймер и Т. Адорно писали: «Критическое мышление, не останавливающееся даже перед критикой прогресса, обязано сегодня встать на сторону остатков свободы, тенденций движения к реальной гуманности, даже если на фоне величественного хода истории они и выглядят беспомощными» [2, с. 6]. Теоретики франкфуртской школы провели диалектический анализ процессов цивилизационного развития (в их целостности и противоречивости). Опираясь на концепцию М. Вебера о рационализации западного общества как основы развития западной цивилизации, они показали, что эпоха Просвещения, признавшая прогресс разума (технического разума) главным, поставила мир на грань катастрофы, поскольку дала средства для создания орудий, чтобы уничтожить человека во имя «великих» рациональных целей.

Технологический пессимизм представителей первого поколения франкфуртской школы дополнялся оптимистичной концепцией здорового общества и гуманизированной технологией Э. Фромма [3; 4]. Он осознавал утопичность этих идей, поэтому рассматривал справедливое общество как некий горизонт, недостижимый идеал, тогда как в реальности, несмотря на успехи индустриализма и постиндустриализма, господствуют социальная несправедливость, отчуждение, конфликты.

Разумеется, речь не идет о том, чтобы для прямой характеристики цифровой трансформации использовать теорию, которая была выдвинута представителями критической философии. Однако методологические подходы, разработанные ими, по-прежнему остаются актуальными. С помощью этих подходов можно раскрыть риски развития гуманизма и свободы индивида, которые не лежат на поверхности и затмеваются очевидными достижениями научно-технологических инноваций в восприятии адептов дигитализации.

Современные представители критического подхода глубоко проанализировали рост возможностей ИКТ, которые применяются для манипулирования человеком. Так, в процессе создания новой цивилизации либо человек и техника (шире – вещи, искусственно созданные в ходе цивилизационного развития) будут сосуществовать в симбиозе, либо машины сделают человека подчиненным (вторичным) компонентом такого взаимодействия, т. е. превратят человека в средство. Как предупреждает российский философ В. А. Кутырев, быстрая экспансия новейших (постчеловеческих. – Л. Т.) технологий может поставить человека и цивилизацию на край гибели [5].

Двойственность воздействия цифровых инноваций на общество отмечается и другими авторами, которые согласны с тем, что «позитивные аспекты цифровой революции не вызывают сомнений, хотя

она оборачивается рисками для глобальной безопасности» и инициирует иные риски [6, с. 4]. При этом часто не уточняется, что позитивные и негативные аспекты неразрывны и неустранимы, поскольку они появляются в результате действий цифровой трансформации и относятся к инновационным технологическим процессам. Рискам дигитализации можно противопоставить их глубокий анализ и попытки ограничения последствий, т. к. их невозможно полностью побороть и элиминировать.

Однако не все авторы, исследующие проблемы четвертой индустриальной революции и цифровой трансформации, рассматривают эти феномены в релевантных теоретико-методологических рамках. Лишь отдельные ученые правомерно характеризуют современные технологические инновации как технократизацию общественной жизни, ведущую к пренебрежению интересами человека, принижению проблем духовной культуры, педагогики, психологии, медицины, экологии и т. п. [7, с. 8].

Большинство авторов предпочитают писать только о цифровой трансформации, которая в лучшем случае может считаться примером первой (технократической) трансформации, ее применением к современности, но не самостоятельной теоретической структурой. Вместо понятия «цифровая культура», которое активно разрабатывается в зарубежной социально-философской литературе [8; 9], в русскоязычных статьях оперируют производными от цифровой культуры понятиями: «цифровое мировоззрение», «цифровое управленческое мышление» [6, с. 6]. Однако цифровое мышление (в любой его интерпретации) есть ипостась антигуманистического технократического мышления. Результатом технократической редукции является представление цифровых инноваций как управленческо-организационных процессов экономического развития, которые якобы детерминируют эффективное будущее мира. Ученые, акцентирующие внимание на инновационных управленческих возможностях устойчивого цифрового развития, как будто забывают о том, что сегодня глобальный мир еще в большей степени неустойчив, чем это было во времена М. Хоркхаймера и Т. Адорно. Наш мир разрывается социальными антагонизмами, страдает от неспособности сократить социальное неравенство (включая цифровое) и даже совместными усилиями стран не может остановить пандемию COVID-19. Очевидно, что развитие цифровых инноваций не может обеспечить устойчивость процессов роста благосостояния и качества жизни, на что уповают защитники дигитализации, как на панацею прогресса [6, с. 9].

Следует подчеркнуть, что в анализе сложного феномена цифровой трансформации и нынешней индустриальной революции важно не только принимать во внимание обе стороны развития и разнородные следствия технологических инноваций,

но и осознавать их диалектическое единство. Непродуктивно проводить социально-философский анализ влияния цифровизации на современное общество и при этом пользоваться противопоставлением *с одной стороны – с другой*, что является механистическим упрощением сложных многогранных процессов, происходящих в мире. Очередная технократическая революция, которой К. Шваб присвоил четвертый порядковый номер на основе выделенных им ведущих сфер экономики, по своей сущности мало отличается от предыдущих, несмотря на специфичность продуктов цифровизации и их востребованность в тех или иных сферах жизни общества. Создавая новый научно-технический фундамент, все подобные революции радикально меняли жизнь общества, но при этом без введения новых ограничений и средств контроля не уменьшали социальное неравенство, не приносили людям больше свободы.

Конечно, сегодня авторы не апеллируют к устаревшим схемам, согласно которым научно-технический фактор лежит в основе социальных изменений, а уже через них воздействуют на духовную и культурную сферы жизни общества. Концепция культурного отставания У. Огборна, констатирующая неравномерность изменения разных пластов культуры, не цитируется. Но разве не тот же принцип служит фундаментом трактовки построения нового общества с устойчивым социально-экономическим развитием и ростом всеобщего благосостояния, базирующимся на новейших цифровых технологиях [6, с. 7]? В данном случае необходимо еще раз указать на теоретиков франкфуртской школы, которые показали, что эпоха Просвещения, поставив на первое место рациональный прогресс и превратив инструментальный разум в самоцель, создала технические орудия для уничтожения человека. Как подчеркивал М. Хоркхаймер, в условиях, когда «прогресс грозит свести на нет ту самую цель, которую он призван реализовать, – идею человека», выбор целей развития и собственных ценностей должен хорошо осознаваться человеком и обществом [10, с. 6].

Авторы современной оптимистичной концепции Просвещения 2.0 как будто забывают об этой философской критике Просвещения 1.0 и снова предлагают строить с помощью средств всеобщей цифровизации устойчивое общество, ориентированное на ценности постоянства, эффективности, справедливости [6, с. 9]. Таким образом, создается ложное представление о том, что такое общество возможно. Диалектический подход не позволяет ученым стирать различия между идеалом и реальным состоянием общества, а также вырывать «желаемые» черты развития человечества из общего противоречивого контекста. Ни ИКТ, ни другие инновации не помогут построить в XXI в. устойчивое и справедливое об-

щество. Оно стало турбулентным, неопределенным, противоречивым [11; 12]. Видимо, поэтому сегодня в социальной философии нет общепринятых концепций, рефлексирующих по поводу современности. Вместо этого предлагаются самые разные концепции модерна и постмодерна, отказ от субъекта, радикальный взгляд на объект и т. д. Конечно, философы не могут предвидеть, как будет развиваться то или иное государство в будущем, однако способны представить научные подходы к его развитию, показать его целостность и современную непредсказуемость. При анализе любой сферы деятельности в условиях цифровых трансформаций необходимо применять диалектический подход.

Примером может выступить дистанционное обучение (ДО) как воплощение цифровой трансформации в современном высшем образовании. В связи с пандемией COVID-19 весной 2020 г. без достаточной подготовки неожиданно было осуществлено быстрое и широкое внедрение ДО в белорусскую систему образования. Сначала данное изменение в процессе обучения вызвало большие технические, психологические и дидактические проблемы, что нашло отражение в множестве интернет-публикаций во всех странах мира. Однако примерно через год после его введения тон публикаций изменился, были выявлены позитивные результаты работы с ИКТ, выразившиеся прежде всего в возросших навыках и умениях студентов использовать эти технологии в обучении [13]. Поскольку студенческая молодежь является самой восприимчивой к цифровым инновациям социальной группой населения, именно в ее отношении возрастают риски как информационного, так и социогуманитарного характера. Проблема восприятия молодежью новых рисков осложняется тем, что в эпоху господства виртуальности в сознании молодежи «цифровой мир заменяет реальный в возможностях и видах труда, социальной реализации и профессионализма» [14, с. 32]. Весной 2021 г. с целью понять, что при внедрении ДО действительно улучшилось (с точки зрения качества образования и развития личности студента), а что ухудшилось (в восприятии студентами процесса образования или других сфер жизни), было проведено республиканское исследование. Выборку составили 1733 человека – студенты разных направлений образования из всех областей Беларуси.

Полученные данные позволили выявить, что белорусские студенты, независимо от профиля обучения, приветствуют внедрение цифровых технологий во многих сферах повседневной жизни, поскольку ИКТ делают жизнь более легкой, упрощают процесс обучения, позволяют экономить время (по мнению 93 % ответивших); способствуют карьерному росту, образованию и развитию (так считают 90 % студентов); создают возможности для яркой и насыщенной

жизни, интересного времяпрепровождения (так думают более половины респондентов), дают свободу, обеспечивают возможность творчества, самореализации и самовыражения (об этом говорили 79 % опрошенных). Последнее утверждение (в пользу которого выступили 79 % респондентов) звучит в унисон с популярными в литературе аргументами о том, что цифровая революция создает новый креативный класс, отличающийся творчеством и высокой степенью самореализации в IT-профессиях [15]. Видимо, студенты, вне зависимости от направленности обучения, во многом уже видят себя представителями этого креативного и успешного среднего класса с высокой зарплатой и неограниченными возможностями для проведения досуга, путешествий и потребления материальных благ. Недостаток собственного опыта и слабость диалектического мышления мешают молодежи понять, что творчеству есть место в любой сфере деятельности, а работа с ИКТ может быть рутинной и зависеть от конъюнктуры рынка труда. Однако сторонники концепции креативного класса молчат о главном: в нынешнем обществе (в отличие от виртуального) количество рабочих мест в IT-сфере не настолько увеличивается, чтобы все желающие могли на них рассчитывать. По статистике, в условиях пандемии тысячи людей, ранее успешно занятых в разных сферах деятельности, потеряли работу¹. В связи с этим даже сотрудникам, которые заняты в креативных отраслях, следует опасаться безработицы.

Сегодня в цифровом обществе возникает гуманитарный риск становления зрелой личности, связанный с представлением студентов о том, что цифровые технологии приносят человеку свободу. Эта наивная точка зрения не учитывает современные реалии любого общества – высокая степень контроля как за высказываниями индивидов в публичном месте, так и в телеграмм-каналах, на личных страницах в *Facebook*, *Twitter* и в других персональных технических средствах коммуникации (вплоть до публикации персональной информации человека в общедоступных источниках и угроз в его адрес) делают свободу слова и действия относительной. Когда речь идет о политике, виртуальная свобода становится эфемерной. В статье, недавно опубликованной в престижном политическом журнале «*Foreign Affairs*», Ф. Фукуяма, известный американский либерал, с горечью написал о том, что информационные корпорации монополично захватили всю информационную сферу США, и это неминуемо привело к кризису демократии даже в странах Запада². Информационная открытость и свобода – это миф.

В него верят люди, которые не умеют критически воспринимать любую информацию (в том числе информацию из разных источников) и использовать ее в решении различных актуальных дискуссионных проблем, а также не развивают аналитические способности и не проверяют полученную информацию на достоверность [16, с. 42]. Этим качествам надо обучаться, потому что они не вырабатываются автоматически и не продуцируются в сознании при освоении ИКТ. Если вспомнить, что в Беларуси практически 100 % молодежи пользуются интернетом ежедневно, то становится понятен масштаб интернет-воздействия на сознание этой группы.

Проведенный опрос показал, что студенты в определенной степени осознают некоторые риски гуманитарного характера, связанные с цифровизацией. Скорее всего, этим они обязаны источникам массовой пропаганды (медицинской, экологической) и тем наукам, которые изучают в блоке гуманитарных дисциплин. Данная информация не всегда полностью достоверна, но она может содействовать поиску специализированных источников информации. Четыре из каждых десяти студентов отмечают, что ИКТ делают человека зависимым и управляемым и могут быть опасны для здоровья человека и окружающей среды. Действительно, такие риски имеются, хотя не обязательно они воплощаются в негативную практику. Треть респондентов сомневаются в том, что с применением цифровых технологий люди способны сблизиться и повышать доверие друг к другу. Наконец, для четверти опрошенных очевидно, что ИКТ делают жизнь беспокойной и отнимают много сил и времени.

В то же время не следует забывать о том, что цифровизация обучения помогла студентам приспособиться и к условиям пандемии, и к цифровизации в целом, а также освоить ИКТ. По этой причине риски цифровизации не перевешивают ее плюсов: они относятся к разным аспектам данного процесса. Только их системное рассмотрение помогает заранее продумать последствия виртуализации и найти средства, которые помогут людям, живущим в век информационных технологий, вовремя адаптироваться к новым условиям и при этом не растерять гуманитарных ценностей и роскоши человеческого общения. Мир, в котором уже сейчас виртуально живет молодежь, отличается от мира других возрастных групп, социализированных в совершенно иных условиях, поэтому молодежное восприятие виртуальной реальности, включая ее понимание рисков цифровой трансформации, всегда будет отличаться своими особенностями.

¹Коронавирус оставил миллионы людей без работы. Многие из них об этом еще не знают // BBC News [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bbc.com/russian/features-54462688> (дата обращения: 11.10.2020).

²*Fukuyama F., Richman B., Goel A.* How to save democracy from technology. Ending big tech's information monopoly // *Foreign Affairs* [Electronic resource]. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2020-11-24/fukuyama-how-save-democracy/> (date of access: 28.05.2021).

Заключение

Цифровая трансформация, или четвертая индустриальная революция, не является ни панацеей, ни орудием построения эпохи Просвещения 2.0, или общества всеобщего благосостояния. Это сложный процесс, который диалектически совмещает феномены разной направленности. Их развитие может приводить к чрезмерной концентрации власти в крупных цифровых монополиях, угрозам демократии даже в развитых западных странах.

В сфере высшего образования цифровизация может стать самоцелью, а овладение студентами ИКТ – самоценностью, при этом другие результаты обучения станут не такими значимыми. Для регулярного измерения уровня восприятия молодежью

рисков, связанных с цифровизацией образования и общества, необходимо осуществлять ее мониторинг.

Можно согласиться, что активное использование ИКТ в образовании сегодня является позитивным фактором и индикатором развития информационного общества [17, с. 30]. Однако новые образовательные технологии не должны вытеснять из образования его гуманитарную сущность, становиться самоцелью. В процессе образования следует придерживаться студентоориентированной стратегии, нацеленной на формирование личности гражданина, а не только на подготовку узкого специалиста для цифрового рынка труда.

Библиографические ссылки

1. Шwab К. *Четвертая промышленная революция*. Москва: Эксмо; 2016. 208 с. (Top Business Awards).
2. Хоркхаймер М, Адорно Т. *Диалектика Просвещения. Философские фрагменты*. Кузнецов М, редактор, переводчик. Москва: Медиум; 1997. 312 с. Совместно с издательством «Ювента».
3. Фромм Э. *Здоровое общество*. Банкетова ТВ, переводчик. Москва: АСТ; 2006. 544 с. (Хранитель).
4. Фромм Э. *Революция надежды. Навстречу гуманизированной технологии*. Панфилова ТВ, переводчик. Москва: АСТ; 2006. 288 с.
5. Кутырев ВА, Нилогов АС. Pro et contra инновационизма: за сохранение антропоморфной реализации возможных миров. *Философия и культура*. 2014;2:180–189. DOI: 10.7256/1999-2793.2014.2.10515.
6. Воронкова ВГ, Тесленко ТВ. Становление и развитие цифровых технологий как фактор реализации четвертой промышленной революции. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология*. 2020;2:4–11.
7. Рубанов АВ. Самоценность жизни или культ средства: ценностная альтернатива. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология*. 2021;1:4–9.
8. Gere Ch. *Digital Culture*. London: Reaktion Books; 2002. 224 p.
9. Bollmer G. *Theorizing Digital Cultures*. New York: SAGE; 2018. 264 p.
10. Хоркхаймер М. *Затмение разума. К критике инструментального разума*. Кузнецов ВЮ, редактор; Юдин АА, переводчик. Москва: Канон+ РООИ «Реабилитация»; 2011. 224 с.
11. Бауман З. *Текущая современность*. Асочаков ЮВ, редактор; Комаров СА, переводчик. Санкт-Петербург: Питер; 2008. 240 с.
12. Ritzer G. *The globalization of nothing*. Thousand Oaks: Sage; 2004. 259 p.
13. Лобанова НИ, Логунова ЛВ. Дистанционное обучение в условиях пандемии (на примере КГПУ имени В. П. Астафьева). *Alma Mater*. 2021;5:40–44. DOI: 10.20339/AM.05-21.040.
14. Ардашев РГ. Трансформация сознания молодежи в эпоху виртуальности. *Alma Mater*. 2021;5:31–34. DOI: 10.20339/AM.05-21.031.
15. Florida R. *The rise of the creative class: and how it's transforming work, leisure, community and everyday life*. New York: Basic Books; 2002. 404 p.
16. Доброродный ДГ. Информационная активность личности как условие информационной открытости общества. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология*. 2021;1:39–43.
17. Аллавердиева ЛМ, Гаспаришвили АТ. Цифровая социализация школьников и ее влияние на развитие гуманитарной направленности российского образования. *Alma Mater*. 2021;5:26–30. DOI: 10.20339/AM.05-21.026.

References

1. Schwab K. *Chetvertaya promyshlennaya revolyutsiya* [The fourth industrial revolution]. Moscow: Eksmo; 2016. 208 p. (Top Business Awards). Russian.
2. Horkheimer M, Adorno T. *Dialektik der Aufklaerung. Philosophische Fragmente*. Frankfurt am Main: S. Fisher Verlag; 1969. 275 S.
Russian edition: Horkheimer M, Adorno T. *Dialektika Prosveshcheniya. Filosofskie fragmenty*. Kuznetsov M, editor, translator. Moscow: Medium; 1997. 312 p. Co-published by the «Juventa».
3. Fromm E. *The Sane Society*. New York: Rinehart & Company; 1955. 370 p.
Russian edition: Fromm E. *Zdorovoe obshchestvo*. Banketova TV, translator. Moscow: AST; 2006. 544 p. (Khranitel').
4. Fromm E. *Revolution of hope. Toward a humanized technology*. New York: Harper and Row; 1968. 170 p.
Russian edition: Fromm E. *Revolutsiya nadezhdy. Navstrechu gumanizirovannoi tekhnologii*. Panfilova TV, translator. Moscow: AST; 2006. 288 p.
5. Kutyrev VA, Nilogov AS. Pro et contra of the innovationism: for the preservation of the anthropomorphic realisation of possible worlds. *Philosophy and Culture*. 2014;2:180–189. Russian. DOI: 10.7256/1999-2793.2014.2.10515.

6. Voronkova VH, Teslenko TV. Formation and development of digital technologies as a factor of realisation of the Fourth Industrial Revolution. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology*. 2020;2:4–11. Russian
7. Rubanau AV. Self-value of life or cult of means: value alternative. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology*. 2021;1:4–9. Russian
8. Gere Ch. *Digital Culture*. London: Reaktion Books; 2002. 224 p.
9. Bollmer G. *Theorizing Digital Cultures*. New York: SAGE; 2018. 264 p.
10. Horkheimer M. *Zatmenie razuma. K kritike instrumental'nogo razuma* [Eclipse of reason. Toward the critique of instrumental reason]. Kuznetsov VY, editor; Yudin AA, translator. Moscow: Canon+ ROOI «Rehabilitation»; 2011. 224 p. Russian.
11. Bauman Z. *Liquid Modernity*. Cambridge: Polity; 240 p.
Russian edition: Bauman Z. *Tekuchaya sovremennost'*. Asochakov YuV, editor; Komarov SA, translator. Saint Petersburg: Piter; 2008. 240 p.
12. Ritzer G. *The globalisation of nothing*. Thousand Oaks: Sage; 2004. 259 p.
13. Lobanova NI, Logunova LV. Distance learning in a pandemic (on the example of the KSPU named after V. P. Astafiev). *Alma Mater*. 2021;5:40–44. Russian. DOI: 10.20339/AM.05-21.040.
14. Ardashev RG. Transformation of consciousness of the youth in the era of virtuality. *Alma Mater*. 2021;5:31–34. Russian. DOI: 10.20339/AM.05-21.031.
15. Florida R. *The rise of the creative class: and how it's transforming work, leisure, community and everyday life*. New York: Basic Books; 2002. 404 p.
16. Dabrarodni DG. Information activity of an individual as a condition of information openness of society. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology*. 2021;1:39–43. Russian.
17. Allahverdiyeva LM, Gasparishvili AT. Digital socialisation of schoolchildren and its influence on development of humanitarian orientation of Russian education. *Alma Mater*. 2021;5:26–30. Russian. DOI: 10.20339/AM.05-21.026.

Статья поступила в редколлегию 13.06.2021.
Received by editorial board 13.06.2021.

МОТИВЫ, СМЫСЛЫ И СПОСОБ ЖИЗНИ ЧЕЛОВЕКА: ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ

А. В. РУБАНОВ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Выявлена сущность мотивов и смыслов жизнедеятельности человека, раскрыты механизмы их происхождения. Рассмотрены процессы образования смысла жизни отдельного индивидуума и пути накопления универсальных смыслов. Проанализирована историческая динамика мотивов и смыслов. Раскрыта структура способа жизни, и определено его соотношение с мотивами и смыслами, источниками которых являются социальное положение, принадлежность к культурной традиции и саморефлексия, саморазвитие индивидов. Динамичность этих трех факторов обуславливает изменчивый характер мотивов, жизненных смыслов и типичных форм деятельности людей.

Ключевые слова: потребность; мотив; смысл жизни; смыслообразование; саморефлексия; способ жизни человека.

MOTIVES, MEANINGS AND WAY OF HUMAN LIFE: THEORETICAL AND HISTORICAL RECONSTRUCTION

A. V. RUBANAU^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The article reveals the essence of motives and meanings of human life, reveals the mechanisms of their origin. The processes of the formation of meaning in an individual and the ways of accumulating universal meanings are considered. The historical dynamics of motives and meanings is analysed. The structure of the way of life is revealed and its relationship with motives and meanings is revealed. It is shown that the sources of motives and meanings are social status, belonging to a cultural tradition and self-reflection, self-development of individuals. The dynamism of these three factors determines the dynamic nature of motives, life meanings and typical forms of human activity.

Keywords: need; motive; meaning of life; meaning formation; self-reflection; way of human life.

Одной из первых объяснила источники целенаправленного поведения человека теория инстинктов, согласно которой существует врожденный базовый набор инстинктоподобных эмоциональных импульсов, названных У. Мак-Дауголлом склонностями. Инстинкт, будучи актуализированным, порождает стремление, импульс или влечение к некоторой цели. Такая тенденция, направленная на предвосхищающую цель, представляет собой желание. Несколько склонностей могут синтезироваться в так

называемые чувства, т. е. когнитивно-эмоциональные оценки, обусловленные опытом и научением. Окончательный вариант постулируемых склонностей составили пищедобывание, отвращение, сексуальность, страх, любознательность, покровительство и родительская опека, общение, самоутверждение, подчинение, гнев, призыв о помощи, создание, приобретение, смех, комфорт, отдых и сон, бродяжничество, группа примитивных склонностей, обслуживающих телесные нужды [1, с. 106–107].

Образец цитирования:

Рубанов АВ. Мотивы, смыслы и способ жизни человека: теоретико-историческая реконструкция. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология.* 2021;3:67–72.

For citation:

Rubanau AV. Motives, meanings and way of human life: theoretical and historical reconstruction. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2021;3:67–72. Russian.

Автор:

Анатолий Владимирович Рубанов – доктор социологических наук, профессор; профессор кафедры социологии факультета философии и социальных наук.

Author:

Anatoly V. Rubanau, doctor of science (sociology), full professor; professor at the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences.
rubanov.bsu@gmail.com

Постепенно при объяснении источников жизненной активности доминирующее значение, принадлежавшее инстинкту с его жесткой наследственной заданностью, стало приобретать более свободное в истолковании понятие потребности. Был разработан ряд развернутых классификаций потребностей. Активно изучалась тема разумных потребностей и процесс их формирования. Однако до сих пор не существует достаточно четкого определения самого этого понятия. Чаще всего смысловая нагрузка, вкладываемая в него, объясняется через понятие функциональной или психологической нужды, недостатка. Когда речь идет о потребностях организма, существующего и развивающегося за счет присваиваемых извне энергии и веществ, вполне обоснованно используется понятие «нужда». Однако при попытках распространить данное понятие на человеческие потребности и действия более высокого уровня возникают серьезные сомнения в их правомерности.

В связи с этим в научном и повседневном общении использование понятия «потребность» было постепенно ограничено и заменено более широким по смыслу понятием «мотив» (от фр. *motif* – побуждение) – это означает субъективное побуждение к осознанным активным действиям, непосредственную причину которого составляет эмоционально переживаемое желание чего-то достичь, добиться в жизни. Побуждающие переживания, которые также обозначаются словами хотение, стремление, влечение и т. п., относятся к эмоциональным явлениям и выделяются наряду с двумя другими их группами: переживаниями удовольствия (радости, веселья, наслаждения и т. п.) или неудовольствия (страдания, горя и др.) и ситуативными эмоциями типа страха, гнева, стыда, обиды, зависти и др.

Обращаясь к эмоциональной основе мотивов, следует различать, во-первых, эмоциональность как чувствительность к чему-либо значимому в биологической и социальной жизни человека вне зависимости от конкретного содержания этого значимого (по отношению к такой эмоциональности можно употребить термин «чистая эмоциональность»); во-вторых – отдельные эмоциональные явления (оформления и проявления «чистой эмоциональности»), которые непосредственным образом сообщают человеку конкретное содержание жизненно важных для него фактов, процессов и событий, происходящих как в окружающем мире, так в нем самом. В числе этих эмоциональных явлений находятся и побуждающие переживания.

Каждый из мотивов и лежащих в их основе побуждающих переживаний вызывается конкретным объектом (предметом), находящимся в определенном социальном и культурно-историческом контексте, который придает им четкую направленность, или в котором они, если использовать несколько

иную, но схожую терминологию, опредмечиваются. По этой причине доминирующие мотивы не являются постоянными, изменяются в различные исторические периоды, отличаются своеобразным характером в разных социальных условиях и культурных регионах пребывания человека. Это же можно сказать и о разных этапах (особенно возрастных) в жизни человека.

Другой традицией объяснения базовых оснований жизни и деятельности людей выступает понятие жизненных ценностей как того, что особо значимо для человека, где в качестве основополагающей ценности выделяется смысл жизни. Говоря о смыслообразующей функции мотивов, подчеркивается тесная взаимосвязь смыслов с мотивами в понимании поведения человека.

Смысл жизни – это то, что определяет конечную цель, предназначение человеческого существования, придает жизненному пути очертания цельности. Человек может иметь несколько смыслов в жизни, которые он выстраивает в определенную ценностную иерархию. Объективно жизнь любого человека, поскольку она к чему-то устремлена, имеет смысл, который может не осознаваться человеком до тех пор, пока жизненная ситуация не поставит перед ним такую задачу. То, что придает смысл жизни, может находиться в будущем (цели), настоящем (чувство полноты и насыщенности жизни) и прошлом (удовлетворенность итогами прожитой жизни) [2, с. 248–249].

Согласно логотерапии В. Франкла, основной движущей силой человека выступает борьба за смысл жизни, являющийся уникальным для каждого индивида. Любой человек имеет свое призвание. Однако «есть смыслы, которые присущи людям определенного общества, и даже более того – смыслы, которые разделяются множеством людей на протяжении истории. Эти смыслы относятся, скорее, к человеческому положению вообще, чем к уникальным ситуациям» [3, с. 288]. По этой причине следует различать и сопоставлять, во-первых, механизмы личностного смыслообразования, касающиеся отдельного индивидуума; во-вторых, пути накопления универсальных жизненных смыслов человеческим сообществом в целом.

Объясняя происхождение индивидуальных смыслов, В. Франкл пишет о том, что они обнаруживаются, а не придумываются. Продолжая свои рассуждения, ученый выделяет три основные пути, благодаря которым человек может сделать свою жизнь осмысленной: первый путь – это творчество (то, что он может создать); второй – новые встречи и переживания, новый опыт; третий путь – нахождение смысла даже в самом тяжелом положении, в котором человек может оказаться [3, с. 300].

Д. А. Леонтьев разработал классификацию механизмов личностного смыслообразования (смысло-

порождения). По мнению автора, эта классификация представляет собой эмпирическое обобщение и, следовательно, не является закрытой. Она включает в себя шесть механизмов личностного смыслообразования.

1. Замыкание жизненных отношений. Суть данного механизма заключается во встрече субъекта с объектом или явлением, в результате которой этот объект неожиданно и спонтанно обретает особо важное место в жизни субъекта (например, любовь с первого взгляда).

2. Индукция смысла. Представляет собой придание смысла (смысловой рационализации) деятельности, которая изначально была лишена этого смысла, и человеку приходилось ее выполнять под давлением внешних принуждений. Данный механизм выражен формулой «стерпится – слюбится» и основан на потребности человека придавать смысл всему, что он делает.

3. Идентификация себя с определенной социальной группой или общностью. При действии этого механизма индивид присваивает смысловые ориентации, свойственные культуре данной группы.

4. Инсайт, или просветление. Смысл внезапно усматривается там, где только что еще ничего не было. Он возникает в сознании как бы из ниоткуда, почти мистическим образом.

5. Столкновение смыслов. Данное явление происходит при встрече субъекта – носителя внутреннего смыслового мира – с другими смысловыми мирами. Перед субъектом встает проблема сопоставления разных вариантов осмысления действительности, которая может привести к осознанию относительности своего миропонимания. В результате взаимодействия двух смысловых миров может появиться обогащение смыслового мира субъекта или его более-менее радикальные перестройки, связанные не только с обретением новых смыслов, но и с разрушением старых.

6. Полагание смысла. Данный механизм представляет собой особый экзистенциальный акт, в котором субъект своим сознательным и ответственным решением устанавливает значимость чего-либо в своей жизни. Здесь будет уместно привести два примера. Так, основатель прагматизма У. Джеймс в возрасте около 30 лет испытывал глубокую депрессию. Такое состояние длилось несколько месяцев, и он уже начал думать о самоубийстве. Наконец, он решил сделать ставку на свободу: просыпаясь утром, он хотя бы один день будет верить в свободу. Эта вера ему помогла – она обернулась самой свободой. Также показательной является история Б. Паскаля. Он тоже сделал ставку на то, что во вселенной есть смысл. Как он сам писал, он решил, что если он, постулируя существование Бога, окажется прав, то это принесет ему счастье и наполнит жизнь смыслом, а если он все-таки ошибается, то ничего не теря-

ет, кроме жизни. Для У. Джеймса и Б. Паскаля ставка есть не что иное, как осознанно выбранная вера во что-либо, принятая по собственному решению. Например, вера в Бога, свободу, коммунизм, добро, зло, прогресс и т. д. Такая сознательно выбранная вера не имеет внешнего обоснования, что отражено в знаменитом афоризме Тертуллиана: «Верую, ибо абсурдно». Абсурдно – это значит без какого-либо рационального обоснования. Вера аргументируется только самим решением верить, в котором полагается смысл. Тем не менее это решение парадоксальным образом создает тот смысл, который ложится в основание всей дальнейшей жизни [2, с. 133–138].

В ситуации обнаружения смысла, как кажется, проявляется особая роль интуиции (от лат. *intueri* – пристально, внимательно смотреть), точнее, такой ее вид, каким является экзистенциальная интуиция, с помощью которой человек непосредственно и чаще моментально образом при необъяснимости логических оснований постигает свою субъективность, т. е. то, что он из себя представляет и в чем состоит смысл его жизни.

Мотивы и жизненные смыслы находят свое выражение в способе жизни людей, структурно соотносятся с ним. При описании способа жизни термины «поведение» и «деятельность» используются в качестве базовых. Под поведением чаще всего понимаются достаточно рутинные действия, благодаря которым человек адаптируется к существованию в социальной среде, действует в соответствии с ее требованиями; иными словами, ведет обыденную жизнь. Деятельность – это отличающее человека активное отношение к разнообразным условиям своей жизни и самому себе, их осознанное преобразование с учетом своих желаний и замыслов.

С повседневными формами поведения люди встречаются тогда, когда, по известному выражению Ф. А. Хайека, они «просто живут», т. е. действуют привычным для них способом. Также повседневные формы поведения в числе первых стали предметом исследования у историков, в частности у создателей исторической школы «Анналов» Л. Февра и М. Блока. Один из наиболее известных последователей этой научной школы – Ф. Бродель, – исследуя материальную цивилизацию, экономику и капитализм XV–XVIII вв., использовал термин «нужды повседневной жизни» для обозначения каждодневных рутинных действий людей, включая пищу, напитки, жилища, строительные материалы, мебель, одежду, транспорт, источники энергии, предметы роскоши, деньги, орудия, технические изобретения, болезни и способы их лечения, организацию поселенческой жизни, особенно в городах, и др. [4].

Для объяснения повседневных действий Э. Гидденс ввел понятия «рефлексивный мониторинг действия» и «рационализация действия». Основные идеи ученого воплощены в стратификационной модели

социального агента. При ее создании Э. Гидденс исходил из того, что большинство повседневных действий напрямую не мотивировано. Рефлексивный мониторинг действия состоит в том, что люди постоянно отслеживают ход своей деятельности, действия других, физические и социальные условия и ожидают, что другие люди поступают аналогично. Под рационализацией действия понимается способность человека осознавать основания своей деятельности, а также его ожидания относительно того, что и другие «в состоянии объяснить, что они делают, если их спросить об этом» [5, с. 44].

Планы, программы деятельности порождаются мотивами и смыслами, конкретные источники которых находятся в социальном положении индивидов, их принадлежности к культурной традиции, развитию человека, особенно его саморефлексии (самоосмыслении). Их динамичность обуславливает изменчивый характер мотивов, жизненных смыслов и типичных форм деятельности людей.

К. Маркс акцентировал внимание на детерминирующей роли социального положения в поведении индивида. В «Тезисах о Фейербахе» он писал о том, что «сущность человека не есть абстракт, присущий отдельному индивиду. В своей действительности она есть совокупность всех общественных отношений» [6, с. 3]. Классовая и другая групповая принадлежность людей базируется на их общих интересах, идеях и коллективных социальных действиях.

Место в мотивации культурной принадлежности человека иллюстрируется сравнением поведения представителей западной и восточной культурных традиций, основанных на своеобразии характерного им видения мира, трактовок основ мироустройства. В восточной традиции, где порядок в природе и обществе связывается с действием сверхъестественного космического закона, вечного и неизменного, судьба человека традиционно ставится в зависимость от признания этого закона и повиновения ему. В такой обстановке активность людей направляется преимущественно не на внешний мир, а на самих себя. Основными формами данной активности, привнесенными культурой, стали самовоспитание и психическая саморегуляция. В западной культурной традиции отказ от присущих античной цивилизации представлений об универсальности космического закона – логоса, развитии мира как кругового движения с его бесконечными повторами – связан с христианством, хотя подготовлен предшествующей историей этого культурного региона. Решающая христианская догма о конечном спасении возобновила взгляд на развитие мира как на линейный, целенаправленный процесс. Эсхатологическое ожидание второго пришествия Христа, которое нужно встретить при наличии наибольшего количества свидетельств, подтверждающих избранность к спасению, породило более деятельное отношение

к миру, стремление усовершенствовать его и самого себя в соответствии с божественными заповедями.

Что касается развития самого человека, то осознанно определять свои жизненные ориентиры, поступки он начал тогда, когда было преодолено архаическое мышление, отличавшееся высокой степенью слияния индивида с окружающим миром и сообществом, к которому он принадлежал. Сформировавшаяся способность абстрактного мышления позволила индивиду предвидеть и планировать свою жизнь, мысленно перебирать ее возможные варианты, совершать свободный ценностно-смысловой выбор [7, с. 150–155]. Произошло это в осевое время (VIII–II вв. до н. э.), когда с началом углубленной саморефлексии было открыто то, что, по словам К. Ясперса, «позже стало называться разумом и личностью» [8, с. 35]. Однако если в «осевое время» такое было под силу одиночкам или небольшим группам людей, то в эпоху Возрождения принцип осознанного ценностно-смыслового выбора, суверенитета личности лег в основу нового способа жизни.

Понять психологические предпосылки прорыва человека к осмыслению своего бытия помогает теория развития интеллекта Ж. Пиаже. В терминах «центрация» и «децентрация» он описывал процесс когнитивного развития. Согласно теории ученого, первоначально субъект центрирован на собственных действиях и своей точке зрения. Такое своеобразное эгоистичное поведение можно наблюдать у ребенка, для которого его личный мир является центром вселенной. Индивид, смешивая субъективное и объективное, приписывает свои мотивы физическим вещам, переносит собственные внутренние побуждения на причинную взаимосвязь явлений окружающего мира. Человек не способен взглянуть на себя со стороны, встать на позицию другого, понять, что возможны иные оценки, отличные от его собственных. Постепенно реальность жизненного мира удаляет человека из эгоцентрической перспективы. Процесс познавательной децентрации дает субъекту возможность понять мнения других людей, посмотреть на мир с их точки зрения, иначе взглянуть на себя самого, переоценить свою жизнь в границах более широкого смыслового контекста [9, с. 245–247].

В конечном счете материальные аспекты социального положения человека не являются жесткими, тем более единственными детерминантами его деятельности. В значительной мере эти детерминанты сконструированы смыслообразующей деятельностью (социокультурным творчеством) самого человека. Об этом свидетельствует историческая ретроспектива.

В первобытном обществе понятие «богатство» первоначально ассоциировалось не с объемом материальных благ, а с жизнью в многолюдном доме под защитой сильного лидера. Производство материальных благ приобрело самодовлеющее значе-

ние по мере того, как владение ими стало определять престиж человека, его участие в управлении.

На древнем Ближнем Востоке высшими ценностями жизни были здоровье, долголетие, наличие сыновей, почетное положение в общине, богатство. Последнее ценилось как за то, что открывало доступ к наслаждениям, так и потому, что имущество, например, в Древней Месопотамии являлось одной из важнейших величин, конституирующих человеческую личность, своеобразным продолжением человека за пределами его тела. С обладанием тем или иным имуществом связывалась судьба индивида.

Характерные черты древнегреческой системы ценностей в решающей степени определяла аристократия. Ее ценностной ориентации был присущ агональный (соревновательный) тип, т. е. каждый аристократ стремился повсюду быть первым: на поле боя, в спортивных состязаниях, в политике. По мере того как рядовые граждане приближались к уровню аристократии, эта ценностная позиция распространялась среди народных масс, для которых на первое место вышел принцип: кто лучше послужит полису.

У средневекового христианина, который жил в сословно-иерархическом обществе, ведущим мотивом земной жизни не мог не быть сословно-корпоративный статус: его подтверждение, а по возможности, и некоторое повышение. Однако еще в большей степени средневековый европеец был захвачен идеей спасения души. Огромное значение в обретении функции ведущего мотива посредством обогащения принадлежит религиозно-культурному фактору. Этому способствовало превращение с помощью пуританизма обогащения и приобретательства в призвание, религиозно-этическую миссию.

Представление о смысле жизни – важнейший элемент любого религиозного мировоззрения. В христианстве жизненный смысл заключается в следовании заповедям Бога, которое ведет к спасению и вечной жизни; в иудаизме – в том, чтобы жить со-

гласно Торе и исполнять 613 ее заповедей (мицвот); в мусульманстве – в сознательном поклонении Аллаху, которое достигается через следование Корану и Сунне; в буддизме – в освобождении от страданий и достижении нирваны, при этом необходимо следовать восьмеричному пути, указанному Буддой.

В результате накопления человеческим сообществом универсальных жизненных смыслов можно выделить три главные исторические линии смыслообразования:

- поиск высших смыслов, который в основном ассоциируется с ценностями «осевого времени» [10];
- определение основополагающих смысловых ценностей устройства общества, наиболее ярко воплощенных в понятиях свободы и справедливости, конкретное наполнение которых существенно отличалось в различные исторические эпохи [11];
- выявление смысла повседневного человеческого существования, синонимом которого стало понятие «мудрость жизни» [12].

Таким образом, инстинкты как первый психический феномен, на который ссылались для объяснения источников поведения, постепенно был заменен в таком качестве сначала потребностями, а потом мотивами и смыслами. Мотив означает субъективное побуждение к осознанным активным действиям, непосредственную причину которого составляет эмоционально переживаемое желание чего-то достичь, добиться в жизни. Смысл определяет предназначение человеческого существования, придает жизненному пути очертания цельности. Следует различать механизмы личностного смыслообразования, касающиеся конкретного индивидуума, и пути накопления универсальных жизненных смыслов. Мотивы и смыслы жизни людей – это результат их бытия в мире. Конкретными проявлениями бытия – источниками мотивов и смыслов – являются социальное положение, принадлежность к культурной традиции и саморефлексия, саморазвитие индивидов.

Библиографические ссылки

1. Хекхаузен Х. *Мотивация и деятельность. Том 1.* Величковский БМ, редактор. Москва: Педагогика-пресс; 1986. 408 с.
2. Леонтьев ДА. *Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности.* 2-е издание. Москва: Смысл; 2003. 487 с.
3. Франкл В. *Человек в поисках смысла.* Гозман ЛЯ, Леонтьев ДА, составители; Леонтьев ДА, Папуш МП, Эйдман ЕВ, переводчики; Евсевичев ВИ, Парамонова НИ, редакторы. Москва: Прогресс; 1990. 368 с.
4. Бродель Ф. *Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Том 1. Структуры повседневности: возможное и невозможное.* Куббель ЛЕ, переводчик. Москва: Прогресс; 1986. 623 с.
5. Гидденс Э. *Элементы теории структуриации.* В: Леднёва АВ, составитель. *Современная социальная теория: Бурдье, Гидденс, Хабермас.* Новосибирск: Издательство Новосибирского университета; 1995. с. 40–80.
6. Маркс К. *Тезисы о Фейербахе.* В: Маркс К, Энгельс Ф. *Сочинения. 2-е издание. Том 3.* Москва: Государственное издательство политической литературы; 1955. с. 1–4.
7. Кликс Ф. *Пробуждающееся мышление. У истоков человеческого интеллекта.* Величковский БМ, переводчик; Пчелкина ЭМ, редактор. Москва: Прогресс; 1983. 302 с.
8. Ясперс К. *Смысл и назначение истории.* Левина МИ, Гайденок ПП, составители; Левина МИ, переводчик. Москва: Политиздат; 1991. 527 с. (Мыслители XX века).
9. Пиаже Ж. *Теория Пиаже.* В: Гальперин ПЯ, Ждан АН, редакторы. *История зарубежной психологии (30–60-е гг. XX в.).* Москва: Издательство Московского университета; 1986. с. 232–292.

10. Рубанов АВ. Свобода и справедливость в поведении людей: социально-исторический очерк. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2018;1:4–11.
11. Рубанов АВ. Ценности осевого времени. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология*. 2019;2:4–8.
12. Рубанов АВ. Мудрость жизни в афоризмах мыслителей древности и Нового времени. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология*. 2020;3:37–46.

References

1. Heckhausen H. *Motivatsiya i deyatel'nost'. Tom 1* [Motivation and activity. Volume 1]. Velichkovsky BM, editor. Moscow: Pedagogika-press; 1986. 408 p. Russian.
2. Leontiev DA. *Psikhologiya smysla: priroda, stroenie i dinamika smyslovoi real'nosti* [Psychology of meaning: nature, structure and dynamics of semantic reality]. 2nd edition. Moscow: Smysl; 2003. 487 p. Russian.
3. Frankl V. *Chelovek v poiskakh smysla* [Man in search of meaning]. Gozman LYa, Leontiev DA, compilers; Leontiev DA, Papush MP, Eydman EV, translators; Evsevichev VI, Paramonova NI, editors. Moscow: Progress; 1990. 368 p. Russian.
4. Braudel F. *Civilisation materielle, economie et capitalisme, XV–XVIII siècle. Volume 1. Les structures du quotidien: le possible et l'impossible*. Paris: Armand Colin; 1979. p. 543.
Russian edition: Braudel F. *Material'naya tsivilizatsiya, ekonomika i kapitalizm, XV–XVIII vv. Tom 1. Struktury povsednevnosti: vozmozhnoe i nevozmozhnoe*. Kubbel' LE, editor. Moscow: Progress; 1986. 623 p.
5. Giddens E. [Elements of the theory of structuration]. In: Ledneva AV, compiler. *Sovremennaya sotsial'naya teoriya: Burd'e, Giddens, Khabermas* [Modern social theory: Bourdieu, Giddens, Habermas]. Novosibirsk: Novosibirsk University Press; 1995. p. 40–80. Russian.
6. Marx K. [Theses about Feuerbach]. In: Marx K, Engels F. *Sochineniya. 2-e izdanie. Tom 3* [Works. 2nd edition. Volume 3]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury; 1955. p. 1–4. Russian.
7. Klix F. *Erwachendes denken. Eine entwicklungsgeschichte der menschlichen Intelligenz*. Berlin: Deutscher Verlag der Wissenschaften; 1982. 291 S.
Russian edition: Klix F. *Probuzhdayushcheesya myshlenie. U istokov chelovecheskogo intellekta*. Velichkovskii BM, translator; Pchelkina EM, editor. Moscow: Progress, 1983. 302 p.
8. Jaspers K. *Smysl i naznachenie istorii* [The meaning and purpose of history]. Levina MI, Gaidenko PP, compilers; Levina MI, translator. Moscow: Politizdat; 1991. 527 p. Russian. (Myshliteli XX veka).
9. Piaget J. [Piaget's theory]. In: Halperin PYa, Zhdan AN, editors. *Istoriya zarubezhnoi psikhologii (30–60-e gg. 20 v.)* [History of foreign psychology (30–60s of the 20th century)]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta; 1986. p. 232–292. Russian.
10. Rubanau AV. Freedom and justice in human behavior: socio-historical sketch. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2018;1:4–11. Russian.
11. Rubanau AV. Values of the axial time. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy. Psychology*. 2019;2:4–8. Russian.
12. Rubanau AV. The wisdom of life in the aphorisms of the thinkers of antiquity and modern times. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy. Psychology*. 2019;2:4–8. Russian.

Статья поступила в редколлегию 15.05.2021.
Received by editorial board 15.05.2021.

УДК 159.922.8:316.346.36

ИЕРАРХИЯ И СТРУКТУРА ЛЮБОВНЫХ АТТИТЮДОВ БЕЛОРУСОВ И КИТАЙЦЕВ

И. А. ФУРМАНОВ¹⁾, СИНЬЧУНЬ НЕ¹⁾, СЯОСЮАНЬ ЧЖАО¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Было установлено, что доминирующее положение в иерархии любовных аттитюдов белорусских мужчин и женщин занимают *эрос*, *agape* и *мания*, у китайских мужчин – *agape*, *прагма* и *эрос*, у китайских женщин – *agape*, *прагма* и *мания*. Независимо от национальной принадлежности и гендерных различий на последнем месте в иерархии любовных аттитюдов находится *людус*. В результате регрессионного анализа были выявлены и описаны пять типов любовников: эмоциональные, рациональные, преданные, тревожные и игривые.

Ключевые слова: любовные аттитюды; *эрос*; *людус*; *сторге*; *прагма*; *мания*; *agape*.

Образец цитирования:

Фурманов ИА, Синьчунь Не, Сяосюань Чжао. Иерархия и структура любовных аттитюдов белорусов и китайцев. Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология. 2021;3:73–83.

For citation:

Fourmanov IA, Xinchun Nie, Xiaoxuan Zhao. Hierarchy and structure of love attitudes of Belarusians and Chinese. Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology. 2021;3:73–83. Russian.

Авторы:

Игорь Александрович Фурманов – доктор психологических наук, профессор; заведующий кафедрой социальной и организационной психологии.

Синьчунь Не – аспирантка кафедры социальной и организационной психологии. Научный руководитель – И. А. Фурманов.

Сяосюань Чжао – магистр психологических наук.

Authors:

Igor A. Fourmanov, doctor of science (psychology), full professor; head of the department of social and organisational psychology.

fourmigor@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0003-1931-9751>

Xinchun Nie, postgraduate student at the department of social and organisational psychology.

307059497@qq.com

Xiaoxuan Zhao, master of science (psychology).

amuzixuan@gmail.com

HIERARCHY AND STRUCTURE OF LOVE ATTITUDES OF BELARUSIANS AND CHINESE

I. A. FOURMANOV^a, XINCHUN NIE^a, XIAOXUAN ZHAO^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Corresponding author: I. A. Fourmanov (fourmigor@gmail.com)

It was found that in the hierarchy of love attitudes of Belarusian men and women, the dominant position is occupied by *Eros*, *Agape* and *Mania*, in Chinese men – *Agape*, *Pragma* and *Eros*, in Chinese women – *Agape*, *Pragma* and *Mania*. Regardless of nationality and gender, *Ludus* takes the last place in the hierarchy of love attitudes. The regression analysis identified five types of lovers: emotional, rational, devoted, anxious, and playful.

Keywords: love attitudes; *Eros*; *Ludus*; *Storge*; *Pragma*; *Mania*; *Agape*.

Введение

Любовь является фундаментальной человеческой эмоцией и имеет жизненно важное значение для психологического здоровья индивида. Это многогранное чувство, которое в различных жизненных ситуациях проявляется и выражается по-разному. Оно стимулирует людей к созданию прочных отношений, таких как брак или совместное проживание. Данные действия приводят к релевантным последствиям для жизни и эволюции мужчин и женщин – таким способом они обеспечивают необходимое воспитание детей и развивают их социальный интеллект и навыки сотрудничества.

Несмотря на то что многие психологи рассматривают любовь как эмоцию (или даже как базовую эмоцию), для ее определения существует и другая точка зрения. Так, А. Арон и Э. Н. Арон [1] утверждали, что, хотя любовь очень эмоциональна, ее лучше характеризовать как целенаправленное мотивационное состояние, а не как специфическую эмоцию в ее собственном значении. При этом необходимо учитывать, что любовь, как правило, трудно поддается контролю, она не связана с каким-либо определенным мимическим выражением лица и сосредоточена на конкретном вознаграждении. Ученые, уточняя это понятие, обозначили любовь как констелляцию когнитивных, эмоций и действий, сопряженных с желанием вступить в тесные отношения или поддерживать их с определенным другим человеком. С данной трактовкой соглашается и Дж. Л. Санградор [2], который рассматривает любовь как аттитюд – позитивное отношение или влечение к другому человеку, которое включает в себя предрасположенность думать, чувствовать и вести себя некоторым образом по отношению к этому человеку.

Влюбленные партнеры могут испытать и проявлять любовь различными способами, которые можно определить как любовные стили. Они обуславливаются тем, каким образом индивиды определяют любовь или относятся к ней, каковы их любовные аттитюды, вызывающие те или иные переживания и побуждающие к конкретным действиям в отношении человека, которого они любят [3]. Разные типы

и стили любви оказывают неодинаковое влияние на различные уровни качества и продолжительности отношений между двумя людьми. Так, любовь, как чувство, которое выражается людьми, вовлеченными в романтические отношения, наряду с другими факторами (близостью, преданностью и привязанностью) считается одним из наиболее значимых условий, обеспечивающих удовлетворенность и продолжительность отношений. Все это связано с субъективным благополучием, особенно с точки зрения переживания счастья, ощущения удовлетворенности жизнью и более позитивного восприятия прошлого опыта в противоположность негативным чувствам. Наряду с этим любовные отношения также могут быть источником стресса, дискомфорта, агрессии, самоубийств, убийств, конфликтов, болезненных негативных чувств, особенно когда они связаны с зависимостью и навязчивым поведением, что может неблагоприятно повлиять на качество и продолжительность отношений [4; 5].

Рассмотрев различные установки людей, касающиеся романтической любви, Дж. А. Ли [6] определил и обозначил шесть любовных стилей: три первичных и три вторичных. Такая классификация любовных аттитюдов является одной из самых часто используемых в настоящее время. Кроме того, она является наиболее структурированной. В ней содержится полная характеристика романтических отношений (табл. 1). Первичные стили включают следующие аттитюды: *эрос* – страстная, романтическая любовь; *людус* – игровая любовь; *сторге* – дружеская любовь. Вторичные стили представляют собой комбинации двух первичных стилей, в результате которых образовались такие установки, как *манья* – обсессивная или одержимая любовь (комбинация *эроса* и *людуса*); *прагма* – практическая, рациональная любовь (сочетание *сторге* и *людуса*); *агапе* – альтруистическая, бескорыстная любовь (соединение *эроса* и *сторге*). На основании данной классификации К. Хендрик и С. Хендрик [7] разработали опросник, с помощью которого были оценены шесть любовных типов аттитюдов (с учетом указанных выше стилей).

Характеристики любовных стилей

Love styles characteristics

Любовные стили	Любовные аттитюды	Основные характеристики
Первичный	<i>Эрос</i>	Романтическая любовь. Ядро составляет непреодолимая страсть, интенсивные переживания, физическая и эмоциональная аттракция к партнеру, близость и сексуальная активность
	<i>Людус</i>	Любовь как игра. Отличается случайными взаимосвязями, которые предполагают небольшое эмоциональное участие, отсутствие будущих ожиданий, избегание близости и интенсивности в отношениях
	<i>Сторге</i>	Дружеская любовь. Упор делается не на краткосрочную страсть, а на медленные и разумные отношения, базирующиеся на схожих интересах и ценностях, долгосрочной преданности партнеру, близости, дружбе, товарищеских отношениях и привязанности
Вторичный	<i>Прагма</i>	Прагматичная и рациональная любовь. При поиске и выборе возлюбленного индивид ориентируется на такие его характеристики или признаки, которые важны для самого индивида, и с его точки зрения они являются идеальными для совместного времяпрепровождения и жизни
	<i>Мания</i>	Одержимая любовь. Характеризуется сильными собственническими и ревнивыми чувствами, высокой интенсивностью и теснотой близости, чередованием восторженных и мучительных переживаний по поводу отношений с партнером
	<i>Агапе</i>	Альтруистическая любовь. Отличительными особенностями является безоговорочность, самоотверженность, склонность к добровольному жертвованию чем-либо ради блага другого, того, кому оказывается поддержка, забота и уважение. Часто благополучие любимого человека ставится выше собственного

Анализ литературы и результатов проведенных исследований показывает, что, помимо демографических (гендер, возраст), личностных и социально-психологических детерминант [1; 8–10], в последнее время все чаще внимание уделяется определению кросс-культурных различий в любовных аттитюдах [11–14].

В большинстве исследований в качестве сравнительного критерия выступают дихотомические категории индивидуализма и коллективизма. К индивидуалистическим ценностям относятся культуры стран, жители которых ценят свою независимость и уникальность, стремятся к достижению личных целей (США, Канада, Австралия и страны Северной и Западной Европы). Г. Х. Триандис и его коллеги [15] сделали вывод о том, что индивидуализм сопряжен с личностными инициативой, автономией, свободой, а также уверенностью в своих силах. Коллективистические ценности характерны для культур стран с сильно расширенными семейными отношениями, которые поощряют социальные связи, взаимозависимость (страны Латинской и Центральной Америки, Африки, Южной и Восточной Европы, азиатские страны). Для таких культур свойственно подавление индивидуальных желаний в угоду достижению внутригрупповых (семейных, клановых и др.) целей и интересов [16]. В традиционных коллективистических обществах во главу угла ставятся семейные целостность, единство и лояльность.

Идеологически романтическая любовь сосредоточивается на борьбе человека за самореализацию личности и претворение в жизнь собственных желаний и планов, даже если они противоречат точкам зрения членов семьи и родственников этого человека. Эта идеология присуща индивидуалистическим обществам, в которых романтическая любовь – это очень личный опыт, так же как и выбор партнера. Любящий человек, живущий в коллективистическом обществе, должен уважать мнение семьи и других родственников и соответствовать их ожиданиям. Именно поэтому некоторые кросс-культурные психологи считают, что экстенсивное переживание романтической любви является более распространенным в современных странах с индивидуалистической культурой и менее – в странах с традиционной коллективистической культурой. В частности, целым рядом исследований было установлено, что, например, американские и европейские студенты по сравнению с азиатскими, в основном китайского происхождения, имели более высокие показатели *эроса* и более низкие – *прагмы*, *сторге*, *мании* и *агапе* [7; 17–19].

В последние годы наблюдается тенденция к увеличению количества таких носителей коллективистической культуры, как китайские студенты, обучающиеся в белорусских учреждениях образования. Вместе с тем, по данным Всемирного исследования ценностей, белорусы по ценностным ориентациям близки к другим коллективистическим

сообществам. В частности, для белорусов, так же как и для китайцев, характерны выраженные коллективизм и прагматизм [20].

Однако несмотря на принадлежность к одному и тому же типу культуры, Беларусь и Китай, кроме значительной территориальной удаленности, имеют свои культурно-специфические и традиционные особенности, различаются социальными системами, религиями, моральными устоями и др. Не оспаривая принадлежность этих стран к коллективистической культуре, их следовало, хотя бы гипотетически, все же отнести к западным и восточным коллективистическим субкультурам. Так, например, по данным названного исследования, белорусы имеют более высокие показатели индивидуализма, чем китайцы. Тем не менее, по показателям прагматизма, белорусы являются менее практичными, чем китайцы [20].

Также следует учитывать, что кросс-культурные сходства и различия – это продукт глобализации.

В литературе, например, отмечается, что жители стран восточноазиатского региона все чаще испытывают давление индивидуалистических культурных ценностей из-за все большей ориентированности на западные культуры, а благодаря глобализации и средствам массовой информации западные индивидуалистические взгляды на романтическую любовь и способы поиска романтического партнера начали проникать в коллективистические культуры [21; 22].

Исходя из этого, нами было сделано предположение о том, что иерархии любовных установок белорусов и китайцев будут иметь некоторые базисные сходства в доминирующих любовных установках. Однако культурно-специфические факторы и этнокультурные традиции также могут приводить к различиям в переживаниях ими любви, в том числе женщинами и мужчинами, принадлежащими к разным коллективистическим субкультурам.

Материалы и методы исследования

Результаты были получены с помощью методики «Шкала любовных установок» (*Love Attitudes Scale*), разработанной К. Хендрик и С. Хендрик [7], которая состоит из 42 утверждений, сгруппированных в 6 шкал (*эрос*, *людус*, *сторге*, *прагма*, *манья* и *агапе*) и оценивающих 6 основных стилей любви на основе многомерной теории любви Дж. А. Ли [6]. Для дифференциации ответов использовалась 5-балльная шкала Ликерта.

В исследовании приняли участие 1344 человека в возрасте от 17 до 30 лет ($M = 21,04 \pm 2,89$), в том числе представители белорусской (544 мужчин, 560 женщин) и китайской нации (120 мужчин и такое же количество женщин).

Расчет средних значений и стандартных отклонений, иерархический кластерный анализ проводился методом средних связей с вычислением евклидовых расстояний.

Результаты и их обсуждение

В результате проведенного исследования была получена научная информация о иерархическом строении любовных установок белорусов и китайцев.

Иерархия мужских установок. Анализ результатов исследования (рис. 1) показал, что в иерархии любовных установок белорусских мужчин доминирующее положение занимают α -установки *эрос* ($M = 3,46$, $SD = 0,64$), *агапе* ($M = 3,41$, $SD = 0,89$), *манья* ($M = 3,22$, $SD = 0,81$), а субординационное положение – *сторге* ($M = 3,05$, $SD = 0,72$), *прагма* ($M = 2,78$, $SD = 0,70$) и *людус* ($M = 2,71$, $SD = 0,70$).

В иерархии любовных установок китайских мужчин доминирующее положение занимают α -установки *агапе* ($M = 3,72$, $SD = 0,66$), *прагма* ($M = 3,61$, $SD = 0,60$), *эрос* ($M = 3,51$, $SD = 0,70$), а субординационное – *манья* ($M = 3,44$, $SD = 0,64$), *сторге* ($M = 3,40$, $SD = 0,65$) и *людус* ($M = 3,07$, $SD = 0,63$).

Иерархия женских установок. В результате проведенного анализа данных исследования (рис. 2) было выявлено, что в иерархии любовных установок белорусских женщин доминирующее положение занимают α -установки *эрос* ($M = 3,50$, $SD = 0,63$), *агапе* ($M = 3,34$, $SD = 0,78$), *манья* ($M = 3,31$, $SD = 0,75$), а субординационное – *сторге* ($M = 3,05$, $SD = 0,70$), *прагма* ($M = 2,85$, $SD = 0,67$) и *людус* ($M = 2,67$, $SD = 0,65$).

В иерархии любовных установок китайских женщин доминирующее положение занимают α -установки *агапе* ($M = 3,48$, $SD = 0,56$), *прагма* ($M = 3,46$, $SD = 0,66$), *манья* ($M = 3,33$, $SD = 0,62$), а субординационное положение – *сторге* ($M = 3,32$, $SD = 0,65$), *эрос* ($M = 3,16$, $SD = 0,75$) и *людус* ($M = 2,85$, $SD = 0,80$).

В иерархическом подчинении любовных установок белорусских мужчин и женщин, а также китайских мужчин доминирующее положение занимают установки *эрос* и *агапе*. Отличие состоит только в том, что у белорусов обоих полов к α -установкам относится *манья*, а у китайских мужчин – *прагма*. У китайских женщин субординационное положение занимает *эрос*. Полученные данные частично согласуются с рядом других исследований [13; 14; 23–25].

Несмотря на относительную схожесть в любовных установках у представителей разных стран, различия были установлены в структурах взаимосвязей установок. Большую ясность в комбинирование любовных установок представителей Беларуси и Китая вносят результаты иерархического кластерного анализа, который позволил упорядочить переменные в сравнительно однородные классы на основе попарного их сравнения по измеренным признакам [26].

Рис. 1. Иерархии любовных аттитюдов мужчин Беларуси и Китая
Fig. 1. Hierarchis of Belarusian and Chinese men's love attitudes

Рис. 2. Иерархии любовных аттитюдов женщин Беларуси и Китая
Fig. 2. Hierarchis of Belarusian and Chinese women's love attitudes

Структуры мужских аттитюдов. Дендрограмма любовных стилей белорусских мужчин показывает, что переменные группируются в два кластера (рис. 3).

Вначале в один кластер объединяются *эрос* и *агапе*, поскольку расстояние между ними является минимальным (449,0), а затем – *людус* и *прагма* (462,5). К ним примыкают *сторге* и *мания* (506,3), образуя единый второй кластер (605,4). На последнем шаге происходит группирование всех объектов, и расстояние между двумя предпоследними кластерами составляет 763,8.

На основании анализа полученной дендограммы можно выделить три базовые группы близких по своим свойствам объектов: *эрос* и *агапе*; *людус* и *прагму*; *сторге* и *манию*.

Из дендрограммы любовных стилей китайских мужчин видно, что переменные группируются в три кластера (рис. 4).

Вначале в один кластер объединяются *эрос* и *агапе*, поскольку расстояние между ними самое короткое (47,2). В дальнейшем к этим аттитюдам примыкает *мания* (57,5). Затем к ним присоединяются *сторге* и *прагма* (51,0), которые образуют единый второй кластер (62,9). *Людус* выступает в качестве третьего самостоятельного кластера. На последнем шаге он присоединяется к другим объектам (89,4).

Исследование данной дендограммы позволяет различить три базовых группы близких по своим свойствам объектов: *эрос*, *агапе* и *манию*; *сторге* и *прагму*; *людус*.

Рис. 3. Дендрограмма любовных аттитюдов белорусских мужчин
Fig. 3. Dendrogram of Belarusian men's love attitudes

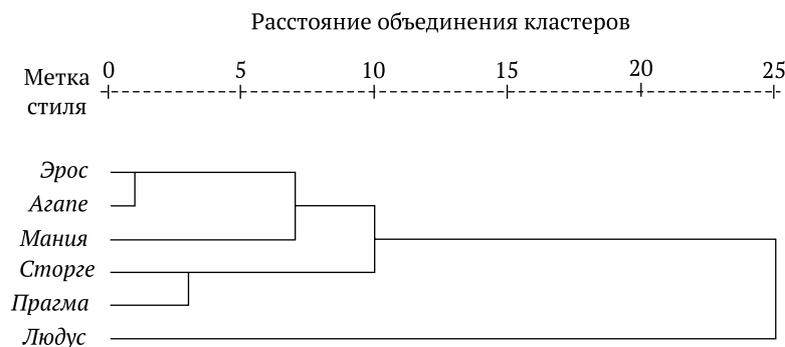

Рис. 4. Дендрограмма любовных аттитюдов китайских мужчин
Fig. 4. Dendrogram of Chinese men's love attitudes

Структуры женских аттитюдов. Дендрограмма любовных стилей белорусских женщин показывает, что переменные группируются в два кластера (рис. 5).

Вначале один кластер образуют *эрос* и *агапе* (расстояние – 399,3), к которым в дальнейшем соединяется *мания* (497,2). Затем во второй кластер объединяются *сторге* и *прагма* (441,6). Позже к ним примыкает *людус* (512,1). На последнем шаге агломерации происходит объединение всех объектов, и расстояние между двумя предпоследними кластерами равняется 715,8.

На основании анализа полученной дендрограммы можно выделить две базовые группы близких

по своим свойствам объектов: *эрос*, *манию* и *агапе*; *сторге*, *прагму* и *людус*.

Дендрограмма любовных стилей китайских женщин показывает, что переменные группируются в два кластера (рис. 6).

Первыми в один кластер объединяются *мания* и *агапе* (расстояние – 56,2), к которым в дальнейшем последовательно присоединяются *сторге* (59,7), *прагма* (64,4) и *эрос* (75,1). На последнем шаге происходит объединение всех перечисленных объектов с *людус* (по сути, со вторым самостоятельным кластером), и расстояние между этими двумя кластерами составляет 104,8.

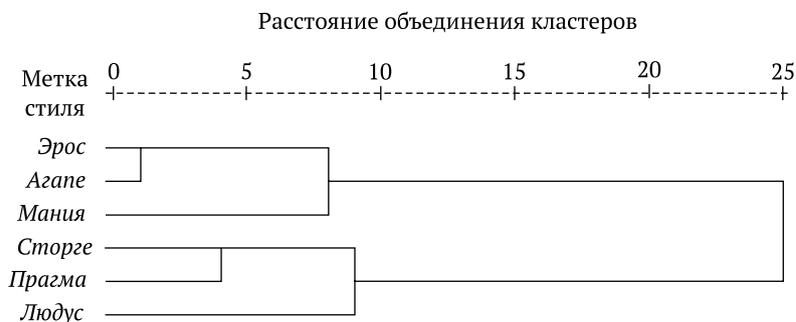

Рис. 5. Дендрограмма любовных аттитюдов белорусских женщин
Fig. 5. Dendrogram of Belarusian women's love attitudes

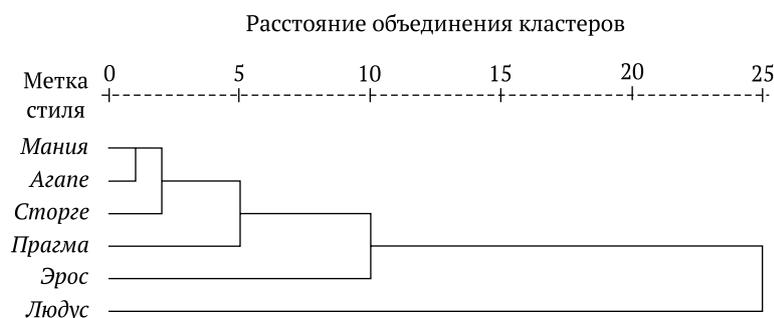

Рис. 6. Дендрограмма любовных аттитюдов китайских женщин
Fig. 6. Dendrogram of Chinese women's love attitudes

На основании анализа полученной дендрограммы можно выделить две базовые группы, куда включены близкие по своим свойствам объекты: *манию*, *агапе*, *сторге*, *прагму* и *эрос*; *людус*.

Приоритетная комбинация *эроса* и *агапе* у белорусских и китайских мужчин, а также у белорусских женщин свидетельствует о том, что стратегия такого рода кластера любовников характеризуется преимущественно интенсивными эмоциями, бескорыстием и отзывчивостью, сильным стремлением к возлюбленному и беспокойством по поводу ее/его благополучия, ориентацией на физические кондиции и привлекательность. Следует также отметить, что у китайских мужчин и белорусских женщин к указанной стратегии добавляется любовный стиль *мании*. В частности, Э. Хэтфилд и Р. Л. Рэпсон [29] отмечали, что страстная любовь, как состояние интенсивной тоски по союзу с другим, может включать обсессивный элемент, для которого свойственны навязчивые размышления, чувство неопределенности и колебания настроения. Респондентов, относящихся к этому кластеру, можно классифицировать как *эмоциональных любовников*.

Полученные данные согласуются с результатами многих исследований, обнаруженных у представителей как индивидуалистических [7; 27; 28], так и коллективистических культур [25; 28]. Частично они подтверждают мнение Ф. Нето и его коллег о том, что факторы *эрос*, *агапе* и *мания*, предполагающие сильные личные отношения, в значительной степени свободны от культурных эффектов, а если в них и наблюдаются кросс-культурные различия, то они незначительны [11].

Еще одной общей любовной стратегией, объединяющей китайских мужчин и белорусских женщин, является комбинация *сторге* и *прагмы*. Для данной стратегии в основном свойственен намеренный поиск подходящего любовного партнера и информации о наиболее значимых его качествах, для чего, и это вполне логично, наиболее приемлемым является поддержание с партнером дружеских, товарищеских отношений, чем страстных, требующих

глубокой вовлеченности. Эта стратегия отличается неромантической ориентацией любовных отношений и предполагает медленное и размеренное их развитие. Вероятно, конечной целью таких взаимоотношений является создание семьи, нахождение надежного спутника жизни и родителя для будущих детей. В частности, поиск потенциального брачного партнера требует более внимательного его изучения (*сторге*) и оценки перечня его достоинств (*прагма*) [30], что в дальнейшем может повысить репродуктивный успех совместных отношений за счет генетической и экономической «пригодности» потенциального партнера [31]. Например, *сторге* отрицательно связано с физической привлекательностью, а *прагма* положительно коррелирует с ценностью денег и успехом как важными аспектами в выборе спутника жизни [31].

Результаты многих исследований показали, что прагматическая любовь и дружеская любовь положительно коррелируют друг с другом и суммируются в фактор практической дружбы [7; 27; 32], т. е. менее эмоциональную и более когнитивную ориентацию отношений [33; 34]. Исходя из вышеизложенного, респондентов, у которых комбинируются *сторге* и *прагма*, можно назвать *рациональными любовниками*.

Также особый интерес вызывает достаточно многогранная стратегия, характерная для китайских женщин, в которой первоначально комбинируются *мания* и *агапе*, а затем к ним присоединяются *сторге* и *прагма*. Выявленная стратегия характеризуется, с одной стороны, одержимостью и зависимостью, собственническим и ревнивым отношением к возлюбленному, а с другой – беззаветностью, терпеливостью, центрированностью на партнере, высокой готовностью к самопожертвованию ради его благополучия. Вместе с тем в данной стратегии прослеживаются рационально-прагматические тенденции.

В. Ван, Ч.-Л. Люкб и Дж. Лайк указали, что многие паттерны культурных различий, существующих между китайцами и индивидами других культур,

могут отражать влияние конфуцианской этической системы и коллективистических убеждений [35]. Помимо этого, отмечается еще одно измерение особенностей китайских личных отношений – это понятие «юань» [18].

В частности, согласно конфуцианской этической системе тремя основными принципами регулирования социального поведения человека являются доброжелательность и всепрощение; праведность; пристойность [36]. Эти принципы проявляются в следующих характеристиках китайских межличностных отношений: особенностях личности как «продукта» зависимости и включенности в сеть членов группы; ролевым поведением как важной детерминанте отношений; акценте на гармонии отношений [37].

Юань, который по существу относится к реляционному фатализму, также играет важную роль в поддержании социальной гармонии и групповой солидарности, что является важной чертой китайского общества. В концепции «юань» партнеры рассматриваются как пассивные получатели отношений, а не как их активные создатели. Исходя из идей юаня, отношения между партнерами должны быть терпимыми, ценными и сохранными. Примат идеи приверженности партнеру «несмотря ни на что» подтверждается данными исследований стилей любви [18]. Когда возникают трудности в отношениях, их можно объяснить скорее чувством предопределенности, чем недостатками индивида. Кроме того, такие предопределенные отношения отражают прагматические соображения, где честь семьи и стабильность занимают центральное место.

Учитывая вышеизложенное, можно предположить, что китайские женщины в сравнении с мужчинами являются более консервативными и ригид-

ными в плане следования канонам, предписанных культурной и религиозной традициями. Поэтому респондентов, имеющих вышеобозначенные аттитюды, можно определить как *преданных любовников*.

Белорусских мужчин отличают две любовные стратегии, представленные комбинациями *людуса* и *прагмы*, а также *сторге* и *мании*. Первая стратегия характеризуется намеренным поиском подходящего любовного партнера и информации о наиболее значимых его качествах, что определяет предпочтение случайных межличностных контактов, избегание как близости, так и интенсивности и длительности отношений. Респондентов с аттитюдами *людуса* и *прагмы* можно назвать *ищущими любовниками*. Вторая стратегия очерчивается стремлением сочетать любовь и дружбу, что происходит, вероятно, из-за неуверенности в отношениях. В результате возникают опасения, что чувства не будут взаимными. Эти мужчины должны быть абсолютно уверены в том, что партнер любит их. Также они боятся его потерять. Поэтому ревность – практически стабильное переживание, которое характерно для любовных отношений такого рода. Респондентов, относящихся к этому кластеру, можно классифицировать как *тревожных любовников*.

Следует также обратить внимание на то, что у китайских мужчин и женщин отдельно выделяется любовный стиль *людус*. Он не интегрируется в общую систему любовных аттитюдов. Эти данные могут свидетельствовать о том, что в среде китайской молодежи существует когорта игривых любовников в чистом виде, которая отличается индивидуалистическими тенденциями в любовных отношениях [38], стремлением к достижению собственных целей, независимостью и меньшим беспокойством о других [33].

Заключение

В результате проведенного эмпирического исследования были установлены гендерные различия в иерархиях любовных аттитюдов белорусов и китайцев, выявлены и описаны пять любовных стратегий мужчин и женщин, принадлежащих

к различным коллективистическим субкультурам. Полученные данные могут быть использованы при разработке программ кросс-культурной адаптации и межэтнической совместимости белорусов и китайцев.

Библиографические ссылки

1. Aron A, Aron EN. Love and sexuality. In: McKinney K, Sprecher S, editors. *Sexuality in close relationships*. Hillsdale: Erlbaum; 1991. p. 25–48.
2. Sangrador JL. Consideraciones psicosociales sobre el amor romántico. *Psicothema*. 1993;5:181–196.
3. Фурманов ИА. Любовные аттитюды в период перехода к ранней взрослости: межпоколенное сравнение. *Право. Экономика. Психология. Научно-практический журнал*. 2019;4(16):97–105.
4. Ellis B, Malamuth NM. Love and anger in romantic relationships: a discrete systems model. *Journal of Personality*. 2000;68:3525–3556. DOI: 10.1111/1467-6494.00105.
5. Фурманов ИА. Любовные аттитюды в романтических и супружеских отношениях. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология*. 2019;3:74–81.
6. Lee JA. *The colors of love: An exploration of the ways of loving*. Don Mills: New Press; 1973. 294 p.

7. Hedrick C, Hendrick S. A theory and method of love. *Journal of Personality and Social Psychology*. 1986;50:392–402.
8. Butler R, Walker WR, Skowronski JJ, Shannon L. Age and responses to the love attitudes scale: consistency in structure, differences in scores. *International Journal of Aging and Human Development*. 1995;40:281–296. DOI: 10.2190/YAA7-3C7G-TVXT-VATB.
9. Raffagnino R, Puddu L. Love styles in couple relationships: a literature review. *Open Journal of Social Sciences*. 2018;6:307–330. DOI: 10.4236/jss.2018.612027.
10. Hendrick C, Hendrick SS. Styles of romantic love. In: Sternberg RJ, Sternberg K, editors. *The new psychology of love*. Cambridge: Cambridge University Press; 2019. p. 223–239.
11. Neto F, Mullet E, Deschamps J-C, Barros J, Benvindo R, Camino L, et al. Cross-cultural variations in attitudes toward love. *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 2000;31:626–635. DOI: 10.1177/0022022100031005005.
12. Jankowiak WR, Fischer F. A cross-cultural perspective on romantic love. *Ethnology*. 1992;31(2):149–155. DOI: 10.2307/3773618.
13. Neto F. Love styles: A cross-cultural study of British, Indian, and Portuguese college students. *Journal of Comparative Family Studies*. 2007;38(2):239–254. DOI: 10.3138/jcfs.38.2.239.
14. Sprecher S, Aron A, Hatfield E, Cortese A, Potapova E, Levitskaya A. Love: American style, Russian style, and Japanese style. *Personal Relationships*. 1994;1:349–369. DOI: 10.1111/j.1475-6811.1994.tb00070.x.
15. Triandis HC, Bontempo R, Villareal MJ, Asai M, Lucca N. Individualism and collectivism: Cross-cultural perspective on self in group relationships. *Journal of Personality and Social Psychology*. 1988;79:323–338.
16. Triandis HC. Individualism-collectivism and personality. *Journal of Personality*. 2001;69(6):907–924. DOI: 10.1111/1467-6494.696169.
17. Dion KL, Dion KK. Gender and ethnocultural comparisons in styles of love. *Psychology of Women Quarterly*. 1993;17(4):463–473. DOI: 10.1111/j.1471-6402.1993.tb00656.x.
18. Goodwin R, Findlay C. «We were just fated together»... Chinese love and the concept of yuan in England and Hong Kong. *Personal Relationships*. 1997;4(1):85–92. DOI: 10.1111/j.1475-6811.1997.tb00132.x.
19. Sprecher S, Toro-Morn M. A study of men and women from different sides of earth to determine if men are from Mars and women are from Venus in their beliefs about love and romantic relationships. *Sex Roles*. 2002;46:131–147. DOI: 10.1023/A:1019780801500.
20. Country Comparison [Internet]. 2020 [cited 2021 May 12]. Available from: <https://www.hofstede-insights.com/country-comparison/belarus/>.
21. Park YS, Kim U. Family, parent-child relationship, and academic achievement in Korea: Indigenous, cultural and psychological analysis. In: Kim U, Yang K-S, Hwang K-K, editors. *Indigenous and cultural psychology: understanding people in context*. New York: Springer Science + Business Media; 2006. p. 421–443. DOI: 10.1007/0-387-28662-4_19.
22. Kim J, Hatfield E. Love types and subjective well-being: a cross-cultural study. *Social Behavior and Personality*. 2004;32(2):173–182. DOI: 10.2224/sbp.2004.32.2.173.
23. Hans JD. Do love styles predict lifetime number of sex partners? *American Journal of Sexuality Education*. 2008;3(2):149–164. DOI: 10.1080/15546120802104328.
24. Yang Y, Liu A. Reliability and validity of the chinese love attitude scale. *Asian Social Science*. 2007;3(8):41–44.
25. Zeng X, Pan Y, Zhou H, Yu S, Liu X. Exploring different patterns of love attitudes among Chinese college students. *PLoS ONE*. 2016;11(11):e0166410. DOI: 10.1371/journal.pone.0166410.
26. Наследов АД. SPSS: компьютерный анализ данных в психологии и социальных науках. Санкт-Петербург: Питер; 2005. 416 с.
27. Davis KE, Latty-Mann H. Love styles and relationship quality: a contribution to validation. *Journal of Social and Personal Relationships*. 1987;4:409–428. DOI: 10.1177/0265407587044002.
28. Sanri C, Goodwin R. Values and love styles in Turkey and Great Britain: an intercultural and intracultural comparison. *International Journal of Psychology*. 2013;48(5):837–845. DOI: 10.1080/00207594.2012.712697.
29. Hatfield E, Rapson RL. Historical and cross-cultural perspectives on passionate love and sexual desire. *Annual Review of Sex Research*. 1993;4:67–98.
30. Hendrick C, Hendrick SS. Dimensions of love: a sociobiological perspective. *Journal of Social and Clinical Psychology*. 1991;10:206–230. DOI: 10.1521/jscp.1991.10.2.206.
31. Levine TR, Strzyzewski AK, Park HS. Love styles and communication in relationships: partner preferences, initiation, and intensification. *Communication Quarterly*. 2006;54(4):465–486. DOI: 10.1080/01463370601036515.
32. Bierhoff HW, Grau I, Ludwig A. *Marburger Einstellungs-Inventar für Liebesstile*. Göttingen: Hogrefe; 1993. 53 S.
33. Rohmann E, Führer A, Bierhoff HW. Relationship satisfaction across European cultures: the role of love styles. *Cross-Cultural Research*. 2016;50(2):178–211. DOI: 10.1177/1069397116630950.
34. Jankowiak W, Shen Y, Yao S, Wang C, Volsche S. Investigating Love's universal attributes: a research report from China. *Cross-Cultural Research*. 2015;49(4):422–436. DOI: 10.1177/1069397115594355/.
35. Wan WN, Luk CL, Lai JCL. Personality correlates of loving styles among Chinese students in Hong Kong. *Personality and Individual Differences*. 2000;29:169–175. DOI: 10.1016/S0191-8869(99)00185-3.
36. Gabrenya W, Hwang K. Chinese social interaction: harmony and hierarchy on the good earth. In: Bond MH, editor. *Handbook of Chinese psychology*. Hong Kong: Oxford University Press; 1996. p. 309–321.
37. Gao G, Ting-Toomey S, Gudykunst W. Chinese communication processes. In: Bond MH, editor. *Handbook of Chinese psychology*. Hong Kong: Oxford University Press; 1996. p. 280–293.
38. Smith R, Klases A. Predictors of Love Attitudes: the contribution of cultural orientation, gender attachment style, relationship length and age in participants from the UK and Hong Kong. *Interpersona. An International Journal on Personal Relationships*. 2016;10:90–108. DOI: 10.5964/ijpr.v10i1.204.

References

1. Aron A, Aron EN. Love and sexuality. In: McKinney K, Sprecher S, editors. *Sexuality in close relationships*. Hillsdale: Erlbaum; 1991. p. 25–48.
2. Sangrador JL. Consideraciones psicosociales sobre el amor romántico. *Psicothema*. 1993;5:181–196.
3. Fourmanov IA. Love attitudes during the transition to early adulthood: intergenerational comparison. *Pravo. Ekonomika. Psikhologiya. Nauchno-prakticheskiy zhurnal*. 2019;4(16):97–105. Russian.
4. Ellis B, Malamuth NM. Love and anger in romantic relationships: a discrete systems model. *Journal of Personality*. 2000;68:3525–3556. DOI: 10.1111/1467-6494.00105.
5. Fourmanov IA. Love attitudes in romantic and marital re-relationships. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology*. 2019;3:74–81. Russian.
6. Lee JA. *The colors of love: An exploration of the ways of loving*. Don Mills: New Press; 1973. 294 p.
7. Hendrick C, Hendrick S. A theory and method of love. *Journal of Personality and Social Psychology*. 1986;50:392–402.
8. Butler R, Walker WR, Skowronski JJ, Shannon L. Age and responses to the love attitudes scale: consistency in structure, differences in scores. *International Journal of Aging and Human Development*. 1995;40:281–296. DOI: 10.2190/YAA7-3C7G-TVXT-VATB.
9. Raffagnino R, Puddu L. Love styles in couple relationships: a literature review. *Open Journal of Social Sciences*. 2018; 6:307–330. DOI: 10.4236/jss.2018.612027.
10. Hendrick C, Hendrick SS. Styles of romantic love. In: Sternberg RJ, Sternberg K, editors. *The new psychology of love*. Cambridge: Cambridge University Press; 2019. p. 223–239.
11. Neto F, Mullet E, Deschamps J-C, Barros J, Benvindo R, Camino L, et al. Cross-cultural variations in attitudes toward love. *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 2000;31:626–635. DOI: 10.1177/0022022100031005005.
12. Jankowiak WR, Fischer F. A cross-cultural perspective on romantic love. *Ethnology*. 1992;31(2):149–155. DOI: 10.2307/3773618.
13. Neto F. Love styles: A cross-cultural study of British, Indian, and Portuguese college students. *Journal of Comparative Family Studies*. 2007;38(2):239–254. DOI: 10.3138/jcfs.38.2.239.
14. Sprecher S, Aron A, Hatfield E, Cortese A, Potapova E, Levitskaya A. Love: American style, Russian style, and Japanese style. *Personal Relationships*. 1994;1:349–369. DOI: 10.1111/j.1475-6811.1994.tb00070.x.
15. Triandis HC, Bontempo R, Villareal MJ, Asai M, Lucca N. Individualism and collectivism: Cross-cultural perspective on self in group relationships. *Journal of Personality and Social Psychology*. 1988;79:323–338.
16. Triandis HC. Individualism-collectivism and personality. *Journal of Personality*. 2001;69(6):907–924. DOI: 10.1111/1467-6494.696169.
17. Dion KL, Dion KK. Gender and ethnocultural comparisons in styles of love. *Psychology of Women Quarterly*. 1993; 17(4):463–473. DOI: 10.1111/j.1471-6402.1993.tb00656.x.
18. Goodwin R, Findlay C. «We were just fated together»... Chinese love and the concept of yuan in England and Hong Kong. *Personal Relationships*. 1997;4(1):85–92. DOI: 10.1111/j.1475-6811.1997.tb00132.x.
19. Sprecher S, Toro-Morn M. A study of men and women from different sides of earth to determine if men are from Mars and women are from Venus in their beliefs about love and romantic relationships. *Sex Roles*. 2002;46:131–147. DOI: 10.1023/A:1019780801500.
20. Country Comparison [Internet]. 2020 [cited 2021 May 12]. Available from: <https://www.hofstede-insights.com/country-comparison/belarus/>.
21. Park YS, Kim U. Family, parent-child relationship, and academic achievement in Korea: Indigenous, cultural and psychological analysis. In: Kim U, Yang K-S, Hwang K-K, editors. *Indigenous and cultural psychology: understanding people in context*. New York: Springer Science + Business Media; 2006. p. 421–443. DOI: 10.1007/0-387-28662-4_19.
22. Kim J, Hatfield E. Love types and subjective well-being: a cross-cultural study. *Social Behavior and Personality*. 2004;32(2):173–182. DOI: 10.2224/sbp.2004.32.2.173.
23. Hans JD. Do love styles predict lifetime number of sex partners? *American Journal of Sexuality Education*. 2008;3(2): 149–164. DOI: 10.1080/15546120802104328.
24. Yang Y, Liu A. Reliability and validity of the chinese love attitude scale. *Asian Social Science*. 2007;3(8):41–44.
25. Zeng X, Pan Y, Zhou H, Yu S, Liu X. Exploring different patterns of love attitudes among Chinese college students. *PLoS ONE*. 2016;11(11):e0166410. DOI: 10.1371/journal.pone.0166410.
26. Nasledov AD. *SPSS: komp'yuterniy analiz dannykh v psikhologii i sotsial'nykh naukakh* [SPSS: computer data analysis in psychology and social sciences]. Saint Petersburg: Peter; 2005. 416 p. Russian.
27. Davis KE, Latty-Mann H. Love styles and relationship quality: a contribution to validation. *Journal of Social and Personal Relationships*. 1987;4:409–428. DOI: 10.1177/0265407587044002.
28. Sanri C, Goodwin R. Values and love styles in Turkey and Great Britain: an intercultural and intracultural comparison. *International Journal of Psychology*. 2013;48(5):837–845. DOI: 10.1080/00207594.2012.712697.
29. Hatfield E, Rapson RL. Historical and cross-cultural perspectives on passionate love and sexual desire. *Annual Review of Sex Research*. 1993;4:67–98.
30. Hendrick C, Hendrick SS. Dimensions of love: a sociobiological perspective. *Journal of Social and Clinical Psychology*. 1991;10:206–230. DOI: 10.1521/jscp.1991.10.2.206.
31. Levine TR, Strzyzewski AK, Park HS. Love styles and communication in relationships: partner preferences, initiation, and intensification. *Communication Quarterly*. 2006;54(4):465–486. DOI: 10.1080/01463370601036515.
32. Bierhoff HW, Grau I, Ludwig A. *Marburger Einstellungs-Inventar für Liebesstile*. Göttingen: Hogrefe; 1993. 53 S.
33. Rohmann E, Führer A, Bierhoff HW. Relationship satisfaction across European cultures: the role of love styles. *Cross-Cultural Research*. 2016;50(2):178–211. DOI: 10.1177/1069397116630950.

34. Jankowiak W, Shen Y, Yao S, Wang C, Volsche S. Investigating Love's universal attributes: a research report from China. *Cross-Cultural Research*. 2015;49(4):422–436. DOI: 10.1177/1069397115594355/.
35. Wan WN, Luk CL, Lai JCL. Personality correlates of loving styles among Chinese students in Hong Kong. *Personality and Individual Differences*. 2000;29:169–175. DOI:10.1016/S0191-8869(99)00185-3.
36. Gabrenya W, Hwang K. Chinese social interaction: harmony and hierarchy on the good earth. In: Bond MH, editor. *Handbook of Chinese psychology*. Hong Kong: Oxford University Press; 1996. p. 309–321.
37. Gao G, Ting-Toomey S, Gudykunst W. Chinese communication processes. In: Bond MH, editor. *Handbook of Chinese psychology*. Hong Kong: Oxford University Press; 1996. p. 280–293.
38. Smith R, Klases A. Predictors of Love Attitudes: The contribution of cultural orientation, gender attachment style, relationship length and age in participants from the UK and Hong Kong. *Interpersona. An International Journal on Personal Relationships*. 2016;10:90–108. DOI: 10.5964/ijpr.v10i1.204.

Статья поступила в редколлегию 14.05.2021.
Received by editorial board 14.05.2021.

УДК 159.942.2:316.48:316.362.1

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ ПЕРЕЖИВАНИЯ НЕНОРМАТИВНЫХ КРИЗИСОВ РОДИТЕЛЬСКОЙ СЕМЬИ

Н. Г. НОВАК¹⁾

¹⁾Гомельский государственный университет им. Франциска Скорины,
ул. Советская, 104, 246019, г. Гомель, Беларусь

Представляется теоретический обзор, описывающий проблему переживания личностью кризисных событий. Рассматривается понятие «кризис семьи» как дестабилизация семейной системы, определяющая ее дисфункциональность. Сопоставляются нормативные (переходные моменты между стадиями жизненного цикла семьи) и ненормативные (значимые повороты жизненного пути семьи) семейные кризисы. Дается характеристика конструктивному и деструктивному вариантам реагирования в ситуации кризиса семейной системы, а также выявляются влияющие на это условия. Анализируются кризисные события, наиболее часто встречающиеся в период проживания в родительской семье (развод, тяжелая болезнь или смерть члена семьи), раскрываются особенности процесса переживания их детьми (психоэмоциональные реакции и способы поведения). Подчеркивается, что итогом переживания семейного кризиса выступают накопление нового опыта, изменения каждого члена семьи (трансформация ценностей, смыслов, убеждений, способов реагирования в кризисной ситуации) и семейной системы в целом. Указывается, что при оказании психологической помощи членам семьи важно изучить содержание пережитого ими опыта, а также исследовать его последствия с целью выявить факторы, способствующие или препятствующие их личностному росту.

Ключевые слова: переживание; кризис; кризисное событие; системный подход; семейная система; опыт переживания.

THE PHENOMENOLOGY OF EXPERIENCING NON-NORMATIVE CRISES OF THE PARENT FAMILY

N. G. NOVAK^a

^aFrancisk Skorina Gomel State University, 104 Savieckaja Street, Homiel 246019, Belarus

A theoretical review of the problem of personal experience of crisis events is presented. The concept of family crisis is considered as a destabilisation of the family system, leading to its dysfunctionality. Normative (transitional moments between the stages of the family life cycle) and non-normative (significant turns of the family life path) family crises are compared. The article describes constructive and destructive options for responding to a crisis in the family system, as well as the conditions that influence this choice. The author analyses the crisis events that are most common during the period of living in the parent family (divorce, serious illness or death of a family member), reveals the features of the process of experiencing them by children (psychoemotional reactions and behaviours). It is emphasised that as a result of experiencing a family crisis, there is an accumulation of experience, which results in changes in each family member (values, meanings, beliefs, ways of responding to a crisis situation) and the family system as a whole. It is indicated that when providing psychological assistance to family members, it is important to study the content of the experience, as well as to study the consequences of the experience in order to identify factors that promote or hinder their personal growth.

Keywords: experience; crisis; crisis event; system approach; family system; experience of experience.

Образец цитирования:

Новак НГ. Феноменология переживания ненормативных кризисов родительской семьи. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология.* 2021;3:84–91.

For citation:

Novak NG. The phenomenology of experiencing non-normative crises of the parent family. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2021;3:84–91. Russian.

Автор:

Наталья Геннадьевна Новак – кандидат психологических наук, доцент; доцент кафедры социальной и педагогической психологии факультета психологии и педагогики.

Author:

Natalia G. Novak, PhD (psychology), docent; associate professor at the department of social and pedagogical psychology, faculty of psychology and pedagogics.
natalya_novak_80@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-0346-8237>

Введение

Современная Беларусь сталкивается с рядом серьезных негативных демографических тенденций, среди которых следует отметить снижение рождаемости, старение населения, уменьшение количества зарегистрированных браков на фоне увеличения числа разводов. Так, согласно данным органов, регистрирующих акты гражданского состояния, в 2017 г. число браков составляло 66 215, а число разводов – 32 006¹. В 2018 г. браков было зарегистрировано всего 60 714, при этом 33 152 семей развелись². Следовательно, постепенно выстраивается закономерность, при которой практически половина зарегистрированных браков заканчивается разводом. К сожалению, с каждым годом данная негативная тенденция возрастает: если за первый квартал 2019 г. в стране поженились 11 123 пары, а развелись 8570 семей, то за аналогичный период 2020 г. цифры выглядят так: 9550 и 9000 соответственно. Таким образом, количество разводов стремительно приближается к числу браков. Также обращает на себя внимание высокая смертность трудоспособного населения: если за первый квартал 2019 г. этот показатель составил 5829 человек, то в январе – марте 2020 г. эта цифра достигла 6119 человек³. Есть основание полагать, что за аналогичный период 2021 г. данный показатель будет значительно выше (в том числе в связи с пандемией COVID-19).

В рамках психологии семьи и кризисной психологии такие события, как брак, развод, смерть члена семьи, попадают под категорию «кризис» (от греч. *krisis* – решение, поворотный пункт, исход). В кратком психологическом словаре данное понятие определяется как эмоционально значимое событие или радикальное изменение статуса в персональной жизни. Кризисное событие воспринимается субъектом как внезапное и неожиданное, сверхнормативное, тяжелое, переломное, не поддающееся контролю и требующее активности субъекта, мобилизации ресурсов в целях совладания с ситуацией, ее преодоления [1, с. 174–175]. Системообразующими элементами для рассматриваемой категории являются «нежелательность явления» и «совместная опасность» [2].

Несмотря на возникшие трудности и осложнения на пути реализации жизненного замысла, человек, переживающий кризис, в большинстве случаев сохраняет способность и возможность восстановления жизненного плана. В такой ситуации определенное внешнее или внутреннее событие воспринимается

как «испытание, из которого человек может выйти сохранившим в существенном жизненный замысел и удостоверившим самоидентичность» [3, с. 47]. Тем не менее в жизни происходят и такие события, в результате которых реализация жизненного замысла невозможна. В этом случае человек находится в состоянии кризиса, которое Ф. Е. Василюк описывает как ситуацию невозможности [3]. Результат переживания этой невозможности как процесса разрешения кризисного состояния – метаморфоза личности, ее перерождение, «принятие нового замысла жизни, новых ценностей, новой жизненной стратегии, нового образа Я» [3, с. 47]. Другими словами, кризис несет в себе угрозу для субъекта, опасность разрушения внутреннего равновесия и стабильного течения жизни, но в то же время кризис – это шанс научиться чему-то новому, избрать иной виток жизненного пути.

Важно понимать, что при конструктивном проживании индивидом кризисной ситуации происходит не просто его адаптация к изменившимся условиям значимой среды, а процесс трансформации его внутреннего мира и совершенствование самого индивида. Конструктивность решений, принятых во время переживания кризиса, зависит от ряда социально-психологических факторов, прежде всего от ответственности человека за осуществляемый им жизненный выбор. В психологическом плане зрелая личность характеризуется способностью к самодетерминации, формирующейся в ходе индивидуального развития субъекта на основе интеграции свободы и ответственности [4]. Данная способность определяет активность личности по отношению не только к внешнему миру, но и к собственным психологическим процессам (сознанию, усилию, опосредованию).

Необходимость осуществления жизненного выбора является переломным моментом индивидуальной истории, который имеет свою структуру и внутренние тенденции, свидетельствующие о направленности личности, способах ее взаимодействия с миром и об уровне ее развития. Содержательно-смысловой характеристикой такого выбора выступают ценности (например, интересная работа, счастливая семейная жизнь, здоровье и пр.). По этой причине выбор может быть разной степени тяжести и значимости, но в любом случае он предполагает способность человека отвечать не только за себя и последствия собственного поведения, но

¹Естественное движение населения по Республике Беларусь за 2017 г. [Электронный ресурс]. URL: https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/publications/izdania/public_bulletin/index_8813/ (дата обращения: 30.03.2021).

²Естественное движение населения по Республике Беларусь за 2018 г. [Электронный ресурс]. URL: https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/solialnaya-sfera/naselenie-i-migratsiya/naselenie/statisticheskie-izdaniya/index_13337/ (дата обращения: 30.03.2021).

³Число зарегистрированных родившихся, умерших, браков и разводов по Республике Беларусь за январь – март 2020 г. [Электронный ресурс]. URL: https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/publications/izdania/public_bulletin/index_16961/ (дата обращения: 30.03.2021).

и за характер взаимоотношений с другими людьми [5]. Человек, который несет ответственность за происходящее в его жизни, автоматически получает возможность сделать ее лучше, ощущает себя более благополучным и счастливым. Высказанные положения подчеркивают важность исследований, направленных на изучение социальных и психологических детерминант, определяющих формирование ответственной позиции личности в ситуации жизненного выбора, в том числе при переживании кризисного события.

В современной литературе под понятием «кризис семьи» понимается состояние семейной системы, характеризующееся нарушением гомеостатических процессов, которые приводят к фрустрации привычных способов функционирования семьи и невозможности справиться с новой ситуацией, используя старые модели поведения [6]. Кризис возникает вследствие того, что члены семьи не способны восстановить стабильное состояние из-за постоянного давления определенных условий, факторов, изменяющих семейную структуру и способы взаимодействия членов семьи [7].

В структуре кризиса семьи выделяют следующие взаимосвязанные компоненты: кризисное событие; восприятие и понимание членами семьи происходящего; отношение членов семьи к данному событию и особенности его эмоционального переживания; изменения в семейной системе; возможные индивидуальные и общесемейные способы выхода из кризиса [8].

В современных работах специалистов в области семейной психологии семья рассматривается с позиции системного подхода, базовые идеи которого нашли свое отражение в определении семьи как системы, представляющей собой комплекс элементов и их свойств, находящихся в динамических связях и отношениях друг с другом. Семья – это самоорганизующаяся система, стремящаяся к развитию, но одновременно желающая сохранить внутреннее равновесие и внешний порядок вещей. Колебания в этой системе приводят к изменениям каждого ее элемента в отдельности, что, в свою очередь, сказывается на всей семейной структуре [9].

После кризиса существенно меняется траектория жизненного пути семьи. В ней происходят качественно новые преобразования, иногда идущие в разрез с первоначальным сценарием. На этом же принципе основывается и технология оказания психологической помощи семье: даже если работа проходит только с одним членом семьи, достигнутые в ходе психотерапии изменения напрямую отражаются на внутрисемейных процессах.

Позитивные изменения в семье проявляются через осознание и предъявление потребностей (их реализация связана с членами семьи), желание развиваться, умение строить конструктивный диалог. В таком случае отношения в семье выходят из состоя-

ния стагнации или дисфункциональности. Однако в некоторых случаях личностный рост одного члена семьи может привести к усугублению конфликтных отношений и непринятию со стороны других членов семьи. Например, родители не принимают юношу, осмелившегося «выдохнуть» и заявить о своем праве жить собственной жизнью, или жена-мать считает предателем супруга, который, подав на развод, хочет разорвать созависимые отношения.

Переживая семейный кризис, каждый член семьи и/или семья в целом выбирают для себя определенную линию поведения, которая может оказаться *деструктивной*, т. е. привести к нарушению внутрисемейных отношений и функций, негативно повлиять на здоровье и личностное развитие людей. Тем не менее трансформация может осуществляться и в *конструктивном* русле. Таким образом возникает потенциальная возможность перехода членов семьи на новый уровень функционирования, что в конечном счете благоприятно скажется на их личностном росте и психологическом благополучии. Кризисное событие несет в себе опасность разрушения, угрозу разрыва внутрисемейных отношений, но в то же время, выступив стимулом к качественным изменениям семейной системы и став источником трансформации семейных ролей и нового опыта членов семьи, может способствовать ее развитию.

Уникальность и одновременно сложность протекания, а также результативность кризиса семейной системы также заключается в том, что характер данного кризиса переживания определяется отношением к одному и тому же событию не только разных семей, но и различных членов одной и той же семьи [10, с. 52].

В современной психологии семьи выделяют *нормативные* и *ненормативные* кризисы семьи. Нормативные рассматриваются как переходные моменты между стадиями жизненного цикла семьи. Сложность их протекания обусловлена «застреванием», препятствиями или неадекватной адаптацией при прохождении семьей какого-либо жизненного этапа, а в их основе обычно лежит индивидуальный нормативный кризис взрослого или ребенка, ведущий к дестабилизации семейной системы. Понятие «ненормативный кризис семьи» следует использовать в случае, когда речь идет не о жизненном цикле, а о жизненном пути определенной семьи. В. И. Слепкова пишет: «Жизненный цикл семьи – универсальная категория, однако при ее использовании ускользает уникальность, неповторимость жизни конкретной семьи. <...> Жизненный путь каждой семьи уникален, своеобразен, наполнен событиями, которые при всей их типичности и нормативности с позиций жизненного цикла существуют для семьи в определенном контексте» [11, с. 32].

К числу ненормативных семейных кризисов исследователи традиционно относят *развод, смерть члена семьи, наличие тяжелобольного члена семьи,*

супружескую неверность, инцест, повторный брак. Каждое из этих событий имеет свои характеристи-

ки, закономерности протекания и особенности переживания [7].

Материалы и методы исследования

В исследовании приняли участие 415 студентов высших учебных заведений г. Гомеля (141 юноша и 274 девушки), из которых 188 человек пережили кризисное событие в родительской семье. В целях ретроспективного анализа процесса переживания детьми кризиса в родительской семье автором настоящей статьи было разработано полуструктурированное интервью. Проанализированы жизненные истории, рассказанные 120 респондентами, согласившимися принять участие в интервьюировании. В процессе этого анализа было выявлено, что доминирующими кризисными событиями жизненного пути опрошенных выступили совместное прожива-

ние с пьющим родителем (61 %), смерть члена семьи (47,5 %), развод родителей (44 %). В некоторых случаях имело место сочетание семейных кризисных событий: смерть пьющего отца; один из родителей умер через несколько лет после развода; отец умер, а мать вышла замуж за человека, который оказался алкоголиком, и она вскоре тоже умерла; мать умерла, остался отец-алкоголик и др. В процессе интервьюирования респонденты также определили и другие значимые события их жизни: клиническую смерть, повторный брак родителей, изнасилование, предательство друга, измену, переезд в другую страну на постоянное место жительства и др.⁴

Результаты исследования и их обсуждение

В рамках данной статьи предпринята попытка систематизировать взгляды ученых на проблему переживания детьми тех семейных кризисных событий, которые были отмечены в проведенном автором настоящей статьи эмпирическом исследовании как наиболее часто встречающиеся семейные кризисы жизненного пути личности юношеского возраста. Каждое из этих событий – смерть, развод, проживание с больных членом семьи – может быть классифицировано как ненормативный кризис родительской семьи.

Под *разводом* понимается разрыв супружеских отношений, в результате происходит реорганизация семейной системы сразу на нескольких уровнях: юридическом, экономическом и психологическом. Даже в том случае, когда развод осуществляется с согласия обоих партнеров, невозможно избежать болезненных переживаний.

Характер переживания ребенком развода родителей зависит от его возраста. Например, на ранних стадиях развития для человека более ощутимой является потеря матери, чем разлука с отцом. Последствия потери отца зависят от того, каким образом горе и страдание матери влияют на ее отношения с ребенком [7]. Некоторые исследователи (В. Сатир, Г. Т. Хоментаускас и др.) в своих работах описывают типичные реакции ребенка на ситуацию ухода родителя: замкнутость, изоляция и проблемы концентрации внимания, выражающиеся в чувствительности к разлуке, печали, тоске; вина за собственные мысли или поступки; вина, возложенная на родителей; характерное ощущение связи между способностью совершить какое-либо действие и наказанием; гнев, чувство озлобленности как реакция на поте-

рю близкого человека, аутоагрессия [12; 13]. Эмоции и чувства деструктивного характера могут не осознаваться детьми в силу их возраста, что создает определенные сложности при диагностике. Так, самообвинение по поводу развода родителей может перерасти в чувство невротической вины, а неосознанные страхи, такие как страх потерять и второго родителя, страх из-за возникающей агрессии по отношению к матери, делают ребенка более завысимым.

По мнению С. Нартовой-Бочавер, реакция детей в постразводный период нередко бывает тяжелее восприятия ими самого события. Таким образом, выделяются несколько типов реагирования:

- *экспрессивный* тип реагирования – ребенок проявляет сильные чувства, испытывает трудности в сдерживании своих эмоциональных реакций (плач, крик, смех, дрожь);

- *контролирующий* – ребенок успешно «сдерживает» себя и внешне ведет себя как обычно, даже более спокойно, чем ранее; доминирующими являются когнитивный и поведенческий компоненты, эмоциональный компонент заблокирован, ребенок не проявляет чувств и эмоций по отношению к происходящему (данная форма поведения может приводить к соматическим заболеваниям);

- *шоковый* тип реагирования – ребенок подавлен, производит впечатление отсутствующего человека, пребывающего в другом мире [14].

По данным Г. Фигдора, к негативным изменениям в постразводный период также относят нестабильность общения с отдельно проживающим родителем, изменение поведения и стиля взаимодействия ребенка со вторым родителем (обычно

⁴Новак Н. Г. Взаимосвязь опыта переживания кризисного события и психологического благополучия личности : автореф. дис. ... канд. психол. наук : 19.00.01. Минск, 2016. 27 с.

с матерью), например делегирование ребенку части функций бывшего супруга или обязанностей, не соответствующих его возрасту и статусу (статусная неопределенность) [15]. Вызванные кризисом сложности сопровождают процесс реорганизации семьи, провоцируя разнообразные структурные нарушения: межпоколенные коалиции между прародителями и внуками; ролевые инверсии (оставшийся родитель, передав бабушке/дедушке материнскую функцию воспитания ребенка, принимает на себя роль семейного добытчика); конкурентные отношения между прародителями и родителями; снижение статуса и авторитета последних (нарушение по параметру «иерархия») [7].

Смерть члена семьи – одно из самых сильных потрясений, произошедших в жизни каждого члена семьи. Смерть – это не только умирание тела, но и «смерть психологическая», она воспринимается как потеря, разрыв значимых отношений и привязанностей; это изменение способа бытия – жизненного стиля, образа мышления, отношения к себе, окружающему миру и основным экзистенциальным проблемам. Характер переживания членом семьи потери близкого определяется эмоциональной значимостью для него умершего, его функциональной нагруженностью, статусом, степенью их эмоциональной близости. На процесс переживания утраты оказывает влияние присутствие или отсутствие человека в момент смерти близкого. Основные различия касаются первичного осознания факта смерти близкого и проблемы поиска ответственного за смерть. К примеру, чем младше ребенок и чем менее адекватно его возрасту он получил объяснение «ухода» родителя, тем больше риск возникновения у него различных личностных расстройств, проблем в построении межличностных отношений, особенно в случае внезапной трагической смерти⁵.

Процесс переживания смерти близкого человека включает в себя несколько стадий: шок и отрицание; гнев и обида; вина и навязчивость; страдание и депрессия; принятие и реорганизация [16]. К патологическим симптомам, сопровождающим переживание человеком горя, относят затянувшееся (несколько лет) его переживание; задержку реакции на смерть близкого (нет выражения страданий в течение двух и более недель); глубокую депрессию (сопровождается бессонницей, напряжением, упреками в свой адрес); появление болезней психосоматического характера (язвенный колит, ревматический артрит, астма, мигрени, нейродермит и т. д.); ипохондрию и, возможно, развитие симптомов, от которых страдал умерший; сверхактивность (человек, перенесший утрату, начинает развивать активную деятельность, не ощущая боль утраты); неистовую враждебность (направлена против конкретных людей, часто сопровождается угрозами); полное изме-

нение стиля жизни; снижение эмоциональной чувствительности; эмоциональную лабильность, резкие переходы от страданий к бурной радости; суицидальные мысли и намерения; изменение отношения к друзьям и родственникам, уход от контактов с ними или чрезмерную навязчивость; избегание социальной активности; прогрессирующую уединенность [7].

Горевание детей отличается от этого состояния у взрослых. Так, по мнению У. Нагера, горевание об утрате объекта во взрослом возрасте можно соотносить с адаптацией, когда все остальные процессы как будто временно приостанавливаются до тех пор, пока горевание не будет завершено и скорбящий взрослый не вернется к нормальной жизни. В отличие от взрослого, у ребенка еще не завершилось множество процессов, связанных с его развитием во всех областях и направлениях, требующие для его личностного роста и развития присутствия того объекта, которого внезапно не стало. Естественно, при таких обстоятельствах бессмысленно ожидать, что жизнь и развитие ребенка в целом будут остановлены или наступит пауза для того, чтобы он мог завершить процесс горевания-адаптации и восстановить привычные формы жизнедеятельности, как это происходит со взрослым человеком. Давление внутренних сил развития препятствует «паузе на горевание». Поэтому «любое горевание, возможное при таком сложном давлении со стороны развития, должно происходить одновременно с ним и быть подчинено тем потребностям развития, которые соответствуют возрасту ребенка, и эта ситуация осложняется искажениями и влияниями, непосредственно вызванными перенесенной утратой» [17].

Переживание ситуации потери может принимать форму слияния (социальная изоляция), изоляции (члены семьи не показывают друг другу своих переживаний), расщепления (функция горевания «делегировается» одному члену семьи), замещения (спустя некоторое время после смерти члена семьи появляется его заместитель), переключения (появление в семье идентифицированного пациента). Эти реакции являются дисфункциональными, так как мешают членам семьи в полной мере прожить свое горе и отреагировать связанные с ним эмоции. Наиболее оптимальным вариантом является ситуация, когда члены семьи сохраняют способность слышать, понимать друг друга, оказывать поддержку друг другу [7].

Семьи, где один из членов страдает каким-либо серьезным соматическим либо нервно-психическим заболеванием, относят к категории *семья с тяжелобольным человеком*. Такие семьи отличаются повышенным уровнем раздражительности и эмоционального напряжения. Данный тип ненормативного семейного кризиса также может быть связан с нали-

⁵Новак Н. Г. Взаимосвязь опыта переживания кризисного события и психологического благополучия личности.

чем химически зависимого члена семьи. В качестве примера можно рассмотреть алкогольную семью как наиболее часто встречающийся тип дисфункциональной семейной системы. В данном случае степень психологической травматизации членов семьи зависит от длительности и частоты периодов запоя, а также от того, сопровождается ли злоупотребление алкоголем агрессией и насилием со стороны пьющего. Ввиду постоянно повторяющегося воздействия травматического стрессора данный тип ненормативного семейного кризиса может рассматриваться как многосерийная травматизация или пролонгированное травматическое «со-бытие»⁶.

Часто у членов семьи формируются формы реагирования и паттерны поведения, свидетельствующие о развитии нездоровой привязанности к аддикту, которая определяется специалистами как «созависимость», т. е. психоэмоциональная зависимость от его способа жизни и состояния. Доказано, что в результате взросления в алкогольной семье у ребенка появляются специфические социально-психологические особенности, препятствующие его успешной адаптации и социализации. Формируется синдром «взрослого ребенка алкоголика» – комплекс личностно закрепленных схем социально-психологического функционирования, сформированных в ситуации совместного проживания с родителем-алкоголиком. Однако, несмотря на сходные стрессовые влияния, в пубертатном и зрелом возрасте дети алкоголиков, сохраняя некоторые общие признаки, могут значительно отличаться по личностно-психологическим параметрам, уровню социальной адаптации и характеру психических нарушений. Так, каждый третий из повзрослевших детей алкоголиков склонен к различным формам аддикции, причем у мужчин, выросших в семьях алкоголиков, риск алкоголизации в 7–8 раз выше, чем у женщин. Приблизительно 30 % повзрослевших детей алкоголиков страдают теми или иными психосоматическими заболеваниями, невротическими расстройствами. Замечено, что одной трети повзрослевших детей алкоголиков удастся выйти из этой ситуации психологически «сохранными» [18, с. 63–67].

Вне зависимости от типа семейный кризис требует от членов семьи нового реагирования и запускает *процесс переживания*. По мере осмысления переживаемого у человека формируется субъективный образ ситуации в семье, который становится фрагментом внутренней картины мира данного челове-

ка. Переживание семейного кризиса оставляет след в субъективном опыте человека и изменяет его.

Рассматривая функциональную роль накопленного в процессе переживания опыта, можно выделить следующие его моменты: во-первых, он выступает в качестве первоисточника человеческих знаний, дающего материал для всякого другого познания; во-вторых, является неотъемлемой частью процесса самоидентификации человека, становится основой «своего собственного»: *Я* есть то, что я пережил, испытал. Осмысление прожитого события включает в себя рефлексии тех жизненных выборов, которые человек сделал и на результат которых он ориентируется в дальнейшем (субъективный опыт), обеспечивая целостность жизненного пути. Опыт человека – это не просто воспринятая реальность, а испытанное на самом себе, проведенное через самого себя, в некоторых случаях – выстраданное [19]. Именно поэтому опыт пережитого в семье кризисного события не только открывает тот или иной аспект внешнего мира, но и включается в общий контекст жизненного пути субъекта и, приобретая в нем определенный смысл, входит в формирование личности как значимый фактор персонального развития.

В результате переживания семейного кризиса происходит изменение семейной системы, которое влечет за собой расширение субъективного опыта членов семьи за счет включения в него нового содержания (опыта переживания). В случае конструктивного реагирования субъекта переживание кризиса сопровождается позитивными трансформациями: формируются новые когнитивные схемы и структуры, убеждения, смысловые конструкты, ценности, усваиваются новые модели эмоционального реагирования, а также паттерны межличностного взаимодействия и способы совладающего поведения в кризисной ситуации. По мнению автора настоящей статьи, изучать опыт личности, приобретенный ею при переживании семейного кризиса, следует в следующих направлениях:

- изучение содержания пережитого опыта через анализ представлений, воспоминаний человека о семейной ситуации, о своем состоянии, поведении «тогда», на момент кризиса;
- исследование последствий пережитого (изменений, произошедших в сознании и поведении человека), изучение характера влияния приобретенного опыта переживания на дальнейшую жизнь личности.

Заключение

Таким образом, кризисное событие – это переломный момент в жизни семьи. Характер переживания личностью семейного кризиса зависит от ряда факторов, основными из которых являются

возраст человека (определяет степень осознанности происходящего, адекватность поведения, наличие опыта совладания); детско-родительские и супружеские отношения до кризиса (наличие

⁶Новак Н. Г. Взаимосвязь опыта переживания кризисного события и психологического благополучия личности.

доверительных отношений, степень значимости родителя, его функциональная нагруженность, статус в семье, степень эмоциональной близости между членами семьи и т. д.); особенности реорганизации семейной системы в посткризисный период; характер взаимоотношений с другими родственниками.

В завершение следует отметить, что в современной психологии изучение опыта переживания кризисных событий жизненного пути проводится, как правило, в рамках событийно-биографического подхода. Получение информации предполагает ис-

пользование автобиографических методик (опросники, тесты, интервью, спровоцированные и спонтанные автобиографии), свидетельств очевидцев (опрос близких людей, воспоминания современников), исследование продуктов деятельности (контент-анализ дневников и писем, построение диаграмм жизненных измерений). Готовность членов семьи к рефлексии пережитого опыта рассматривается в качестве базы для оказания психологической помощи в целях повышения психологического благополучия членов семьи и восстановления внутреннего равновесия семейной системы.

Библиографические ссылки

1. Петровский АВ, Ярошевский МГ, редакторы. *Краткий психологический словарь*. Ростов-на-Дону: Феникс; 1998. 512 с.
2. Пергаменщик ЛА. *Кризисная психология*. Минск: Вышэйшая школа; 2004. 288 с.
3. Василюк ФЕ. *Психология переживания (анализ преодоления критических ситуаций)*. Москва: МГУ; 1984. 200 с.
4. Леонтьев ДА, Калитеевская ЕР. Пути становления самодетерминации личности в подростковом возрасте. *Вопросы психологии*. 2006;3:49–55.
5. Абульханова-Славская КА. *Стратегия жизни*. Москва: Мысль; 1991. 299 с.
6. Крюкова ТЛ, Сапоровская МВ, Куфтык ЕВ. *Психология семьи: жизненные трудности и совладение с ними*. Санкт-Петербург: Речь; 2005. 240 с.
7. Олифиревич НИ, Зинкевич-Куземкина ТА, Велента ТФ. *Психология семейных кризисов*. Санкт-Петербург: Речь; 2006. 360 с.
8. Домбровский А, Велента Т. Кризис семьи. *Семейная психология и семейная терапия*. 2005;3:32–43.
9. Черников АВ. *Системная семейная терапия. Интегративная модель диагностики*. Москва: Класс; 2001. 208 с. (Библиотека психологии и психотерапии).
10. Новак НГ. Переживание сиблингами кризисной ситуации в семье. В: Пергаменщик ЛА, Гладун ТИ, Гончарова СС, Донцова СН, Кадыров РВ, Ковалевич ИВ и др. *Психологический код выживания*. Брест: Брестский государственный университет; 2015. с. 41–53.
11. Слепкова ВИ. Событийный подход к семейным кризисам. В: Цветкова ЛА, Хрусталева НС, редакторы. *Ананьевские чтения – 2008: психология кризисных и экстремальных ситуаций: междисциплинарный подход. Материалы научно-практической конференции; 21–23 октября 2008 г.; Санкт-Петербург, Россия*. Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского государственного университета; 2008. с. 31–33.
12. Сатир В. *Как строить себя и свою семью*. Новикова В, Макарушкина МА, переводчики. Москва: Педагогика-Пресс; 1992. 192 с.
13. Хоментausкас ГТ. *Семья глазами ребенка*. Москва: Педагогика; 1989. 160 с.
14. Нартова-Бочавер К. «Coping-behavior» в системе понятий психологии личности. *Психологический журнал*. 1997; 18(5):20–30.
15. Фигдор Г. *Дети разведенных родителей: между травмой и надеждой (психоаналитическое исследование)*. Видра Д, переводчик. Москва: Наука; 1995. 376 с.
16. Шефов СА. *Психология горя*. Санкт-Петербург: Речь; 2006. 138 с.
17. Нагера У. Реакция детей на смерть значимых объектов [Интернет; процитировано 31 марта 2021 г.]. 26 с. Доступно по: <http://blog.zabedu.ru/rodsobr/wp-content/uploads/sites/7/2018/01/Нагера-Реакции-детей-на-смерть-значимых-объектов.pdf>.
18. Гатальская ГВ, Короткевич ОА, Новак НГ. *Практика психологической помощи взрослым детям алкоголиков: направления, формы и методы*. Минск: Амалфея; 2014. 196 с.
19. Рубинштейн СЛ. *Основы общей психологии*. Санкт-Петербург: Питер; 2012. 705 с.

References

1. Petrovskii AV, Yaroshevskii MG, editors. *Kratkii psikhologicheskii slovar'* [Brief psychological dictionary]. Rostov-on-Don: Feniks; 1998. 512 p. Russian.
2. Pergamenshchik LA. *Krizisnaya psikhologiya* [Crisis psychology]. Minsk: Vyshhejskaja shkola; 2004. 288 p. Russian.
3. Vasilyuk FE. *Psikhologiya perezhivaniya (analiz preodoleniya kriticheskikh situatsii)* [Psychology of experience (analysis of overcoming critical situations)]. Moscow: Lomonosov Moscow State University; 1984. 200 p. Russian.
4. Kaliteevskaya ER. [Ways of the formation of personality self-determination in adolescence]. *Voprosy psikhologii*. 2006;3:49–55. Russian.
5. Abul'khanova-Slavskaya KA. *Strategiya zhizni* [Life strategy]. Moscow: Mysl'; 1991. 299 p. Russian.
6. Kryukova TL, Saporovskaya MV, Kuftyak EV. *Psikhologiya sem'i: zhiznennye trudnosti i sovladenie s nimi* [Family psychology: life difficulties and coping with them]. Saint Petersburg: Rech'; 2005. 240 p. Russian.
7. Olifirovich NI, Zinkevich-Kuzemkina TA, Velenta TF. *Psikhologiya semeinykh krizisov* [The psychology of family crises]. Saint Petersburg: Rech'; 2006. 360 p. Russian.

8. Dombrovskii A, Velenta T. [Family crisis]. *Semeinaya psikhologiya i semeinaya terapiya*. 2005;3:32-43. Russian.
9. Chernikov AV. *Sistemnaya semeinaya terapiya. Integrativnaya model' diagnostiki* [Systemic family therapy. An integrative diagnostic model]. Moscow: Klass; 2001. 208 p. (Biblioteka psikhologii i psikhoterapii). Russian.
10. Novak NG. [Siblings experience a family crisis]. In: Pergamenshchik LA, Gladun TI, Goncharova SS, Dontsova SN, Kadyrov RV, Kovalevich IV, et al. *Psikhologicheskii kod vyzhivaniya* [The psychological code of survival]. Brest: Brestskii gosudarstvennyi universitet; 2015. p. 41–53. Russian.
11. Slepikova VI. [An event-driven approach to family crises]. In: Tsvetkova LA, Khrustaleva NS, editors. *Anan'evskie chteniya – 2008: psikhologiya krizisnykh i ekstremal'nykh situatsii: mezhdistsiplinarnyi podkhod. Materialy nauchno-prakticheskoi konferentsii; 21–23 oktyabrya 2008 g.; Sankt-Peterburg, Rossiya* [Ananiev readings – 2008: psychology of crisis and extreme situations: an interdisciplinary approach. Materials of the scientific and practical conference; 2008 October 21–23; Saint Petersburg, Russia]. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University Publishing House. 2008. p. 32–34. Russian.
12. Satir V. *The new peoplemaking*. Mountain View: Science and Behavior Books; 1988. 400 p.
Russian edition. Satir V. *Kak stroit' sebya i svoyu sem'yu*. Novikova V, Makarushkina MA, translators. Moscow: Pedagogika-Press; 1992. 192 p.
13. Khomentauskas GT. *Sem'ya glazami rebenka* [Family through the eyes of a child]. Moscow: Pedagogika; 1989. 160 p. Russian.
14. Nartova-Bochaver K. [«Coping-behaviour» in the system of concepts of personality psychology]. *Psikhologicheskii zhurnal*. 1997;18(5):20–30. Russian.
15. Figdor G. *Kinder aus geschiedenen Ehen: zwischen Trauma und Hoffnung*. Mainz: Matthias-Grünwald-Verlag; 1991. 245 S.
Russian edition: Figdor G. *Deti razvedennykh roditelei: mezhdru travmoi i nadezhdoi (psikhoanaliticheskoe issledovanie)*. Vidra D, translator. Moscow: Nauka; 1995. 375 p.
16. Shefov SA. *Psikhologiya gorya* [The psychology of grief]. Saint Petersburg: Rech'; 2006. 138 p. Russian.
17. Nagera U. [Children's reaction to death of significant objects] [Internet; cited 2021 March 31]. 26 p. Available from: <http://blog.zabedu.ru/rodsobr/wp-content/uploads/sites/7/2018/01/Нарепа-Реакции-детей-на-смерть-значимых-объектов.pdf>. Russian.
18. Gatal'skaya GV, Korotkevich OA, Novak NG. *Praktika psikhologicheskoi pomoshchi vzroslym detyam alkogolikov: napravleniya, formy i metody* [The practice of psychological assistance to adult children of alcoholics: directions, forms and methods]. Minsk: Amalfeya; 2014. 196 p. Russian.
19. Rubinshtein SL. *Osnovy obshchei psikhologii* [Fundamentals of general psychology]. Saint Petersburg: Piter; 2012. 705 p. Russian.

Статья поступила в редколлегию 07.04.2021.
Received by editorial board 07.04.2021.

УДК 159.9.07

ВЗАИМОСВЯЗЬ БАЗИСНЫХ УБЕЖДЕНИЙ С ЦЕННОСТЯМИ И СТРАХАМИ СТУДЕНТОВ С РАЗЛИЧНЫМ УРОВНЕМ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Н. П. БЛАГЕНКОВА¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Рассмотрена проблема психологической безопасности и выявлена роль базисных убеждений в ее поддержании. Охарактеризованы базисные убеждения студентов и общий уровень их психологической безопасности. Представлены результаты исследования страхов и ценностей студентов. Проанализирована взаимосвязь базисных убеждений с переживаемыми страхами и ценностями у студентов с различным уровнем психологической безопасности.

Ключевые слова: психологическая безопасность; базисные убеждения; страхи; ценности.

RELATIONSHIP BASIC BELIEFS WITH VALUES AND FEARS OF STUDENTS WITH DIFFERENT LEVELS OF PSYCHOLOGICAL SECURITY

N. P. BLAHENKOVA^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The problem of psychological safety and the role of basic beliefs in its maintenance are considered. The basic beliefs of students and the general level of their psychological safety are characterised. The results of the study of students' fears and values are presented. The article analyses the relationship between basic beliefs and experienced fears and values among students with different levels of psychological safety.

Keywords: psychological safety; basic beliefs; fears; values.

Введение

В связи с возрастающей потребностью государства и социума в психологическом здоровье личности, которое позволит ей успешно преодолевать технологические, информационные и социально-психологические угрозы современного мира, проблема психологической безопасности в настоящее время продолжает оставаться актуальной. Это свя-

зано с увеличением количества техногенных и стихийных бедствий, с масштабными социальными изменениями в обществе, которые ведут к разрушению распространенных стереотипов поведения, возрастанию объемов информационных потоков и ускорению темпа жизни. Подобные изменения нарушают нормальные условия жизни человека, не отвечают

Образец цитирования:

Благенкова Н.П. Взаимосвязь базисных убеждений с ценностями и страхами студентов с различным уровнем психологической безопасности. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология.* 2021;3:92–102.

For citation:

Blahenkova NP. Relationship basic beliefs with values and fears of students with different levels of psychological security. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2021;3:92–102. Russian.

Автор:

Наталья Петровна Благенкова – старший преподаватель кафедры социальной и организационной психологии факультета философии и социальных наук.

Author:

Natallia P. Blahenkova, senior lecturer at the department of social and organisational psychology, faculty of philosophy and social sciences.
blagenkovan@icloud.com
<https://orcid.org/0000-0002-4076-4617>

требованиям безопасности и защиты от неблагоприятных воздействий, угрожающих жизни человека, его здоровью и уверенности в своем благополучии в будущем.

В психологии потребность в безопасности представляется в виде базовой ценности, удовлетворение которой необходимо для нормального развития личности ребенка (К. Хорни), некой витальной силы, побуждающей живое существо к активности ради самосохранения и саморазвития (В. П. Симонов), условия этого саморазвития и усиления психотерапевтической работы (К. Роджерс). По мнению А. Маслоу, потребность человека в безопасности и защите мотивирует его упорядочивать, структурировать и прогнозировать свое окружение, т. е. данная потребность оказывается личностным фактором, способствующим самоорганизации жизни человека посредством нахождения в ней некоторого разумного порядка, создающего определенность и предсказуемость собственного будущего.

Р. В. Агузумцян и Е. Б. Мурадян под психологической безопасностью подразумевают осознание психически здоровым человеком на уровне переживания как личностного смысла степени конгруэнтности идеальных, желаемых представлений о себе, о своем месте в жизни и реально существующего положения вещей в конкретной жизненной ситуации. Подобное осознание связано с выявлением ряда параметров, оптимально приближающих человека к переживанию психологической безопасности [1].

Согласно Г. Г. Вербиной безопасность – это «состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз. Было сформулировано определение психологической безопасности как состояния общественного сознания, при котором общество в целом и каждая отдельная личность воспринимают существующее качество жизни как адекватное и надежное, поскольку оно создает реальные возможности для удовлетворения естественных и социальных потребностей граждан в настоящем и дает им основания для уверенности в будущем» [2, с. 196–197].

Вслед за российской исследовательницей М. А. Падун в настоящем исследовании базисные убеждения определяются как «иерархически организованные когнитивно-эмоциональные имплицитные представления индивида, сквозь призму которых воспринимаются события окружающего мира и в соответствии с которыми формируется поведение» [3, с. 98].

По мнению американской исследовательницы Р. Янов-Бульман (R. Janoff-Bulman), автора когнитивной теории психической травмы [4], в современном обществе здоровое чувство психологической безопасности является одним из базовых ощущений нормального человека. Людям свойственно истолковывать происходящие с ними события так, чтобы поддерживать стабильность собственной картины

мира, обеспечивающей необходимую опору в постоянно меняющейся реальности. При объяснении данных событий люди учитывают имплицитную внутреннюю структуру, включающую в себя убеждения в ценности собственного Я, а также в том, что в мире больше добра, чем зла и он полон смысла [3].

Становление данных базисных убеждений начинается в раннем детстве посредством взаимодействия со значимыми взрослыми, наиболее важным моментом в этом процессе является реакция взрослого на крик ребенка. Как считает Р. Янов-Бульман, «уже в возрасте около семи месяцев ребенок начинает структурировать собственный опыт, создавая глубинные убеждения о доброжелательности, справедливости окружающего мира, а также о собственном “Я” как достойном (или недостойном) любви и заботы. Базисные убеждения обеспечивают ребенка чувством защищенности и доверия к миру, а в дальнейшем – ощущением собственной неуязвимости» [5, с. 131–132]. В последующем базисные убеждения выступают в качестве своеобразного внутреннего средства структурирования опыта, моделирования психических состояний и формирования поведения. «Имплицитная концепция большинства взрослых здоровых людей приблизительно такова: “В этом мире хорошего гораздо больше, чем плохого. Если что-то плохое и случается, то это бывает в основном с теми людьми, которые делают что-то не так. Я хороший человек, следовательно, я могу чувствовать себя защищенным от бед”», – так пишут в своей статье М. А. Падун и Н. В. Тарабина [5, с. 132].

На протяжении всей жизни убеждения человека достаточно стабильны, однако они сильно подвержены изменениям под влиянием психической травмы. Серьезный жизненный кризис или травматическое событие воздействуют на всю систему представлений субъекта о мире и себе. Сегодня люди живут в условиях глубоких потрясений, которые требуют тщательного анализа. В обществе наблюдаются слом привычного образа жизни и погружение в системный кризис. Одной из причин сложившейся ситуации называют коронавирус, второй – события, происходящие в стране после выборов. Молодежь всегда стремилась к активной политической жизни и сейчас оказалась вовлечена в нее. Традиционно студенчество является наиболее активной частью интеллигенции и более остро и решительнее отражает и выражает развитие политических интересов различных социальных групп во всем обществе. Высокая политическая активность современной молодежи, интерес студентов к протестному движению после событий августа 2020 г. и осознание связанных с ними действий – последствия за участие в несанкционированных мероприятиях, привлечение к дисциплинарной ответственности за пропуски занятий без уважительной причины, прекращение

выплаты стипендии или отчисление из вуза как мера дисциплинарного взыскания и последующий призыв в армию для студентов-юношей – актуализировали множество разнообразных страхов у студентов, разрушительное влияние которых (и способность им противостоять) может быть опосредовано базисными убеждениями личности.

На данном этапе исследования было изучено предположение о взаимосвязи базисных убеждений с переживаемыми страхами и ценностями у студентов с различным уровнем психологической безопасности. Ценности современной молодежи в значительной мере зависят от условий развития социума и требований времени. Особую значимость проблема ценностей приобретает в переходные периоды развития общества, когда кардинальные социальные преобразования ведут к резкой смене существовавших в нем установленных ценностей. Особое место в их восприятии принадлежит молодежи как самой активной страте современно общества. Например, в результате проведенного В. С. Даукшей исследования ценностных ориентаций современной студенческой молодежи Беларуси в период с 2008 по 2015 г. выявлено, что «в период экономического кризиса в структуре ценностных ориентаций студенческой молодежи снижается роль духовных приоритетов и возрастает преобладание индивидуалистических ориентаций» [6, с. 1].

Материалы и методы исследования

В исследовании приняли участие 229 человек (113 девушек и 116 юношей). Все они являются студентами Белорусского государственного университета, обучаются на физическом, историческом факультетах и на факультете философии и социальных наук. Сбор эмпирических данных осуществлялся с сентября 2020 г. по февраль 2021 г. Среди всех респондентов 62 человека (33,5 %) принимали активное участие в протестных акциях в связи со сложившейся в обществе социально-политической обстановкой, 14 человек (22,6 %) были привлечены к ответственности со стороны администрации учебного заведения или правовых структур за демонстрацию своих убеждений.

Исследование проведено с применением опросника, основанного на когнитивной концепции базовых убеждений личности, разработанной Р. Янов-Бульман (в адаптации О. Кравцовой) [8]. посредством использования данной методики можно выявить восемь частных убеждений: благосклонность мира, доброту людей, справедливость мира, контролируемость мира, случайность как принцип распределения происходящих событий, ценность собственного Я, степень самоконтроля (контроля над происходящими событиями), степень удачи (или везения). Российские исследователи

Ценности человека – это индикаторы значимых предметов, отношений и объектов, которые сочетаются с его базовыми эмоциями, чувствами. В. И. Пищик, руководствуясь идеей о том, что наиболее интенсивной и токсичной эмоцией является страх, связывает ценности именно со страхами и пишет: «В обычных жизненных ситуациях ценности не часто осознаются, но в кризисных ситуациях могут актуализироваться. Образующийся “коридор” внимания приводит к тому, что человек выделяет только те аспекты ситуации, которые связаны с его ценностями. Значимость обычно связана с тревогой – то, что не тревожит и не волнует, не может быть ценно. Именно в острых, слабо разрешимых, кризисных ситуациях человек ведет себя согласно своим самым главным установкам, позициям. Мы можем полагать, что в этих ситуациях человек будет следовать своим истинным ценностям. При этом мы предполагаем, что эмоции, возникающие в сложных ситуациях, будут маркировать ценности. Самая значимая эмоция, которая сопровождает человека в сложных жизненных ситуациях, – это страх. Это означает, что ценности можно определить через основные страхи людей» [7, с. 70].

Цель настоящего исследования – выявить взаимосвязь базисных убеждений с переживаемыми страхами и ценностями у студентов с различным уровнем психологической безопасности.

С. А. Богомаз и А. Г. Гладких [9] предложили вычислять суммарный индекс ценности «Психологическая безопасность» как среднее арифметическое значение показателей всех восьми шкал (шкала «Случайность» как принцип распределения происходящих событий использовалась со знаком минус). На основании значения данного суммарного индекса была оценена степень переживания респондентами за свою безопасность.

Для выявления страхов у студентов применялся опросник измерения ценностей через страхи В. И. Пищик [7]. Первоначально респондентам предлагалось проранжировать ценности по степени их значимости, затем – оценить по 5-балльной шкале каждый из актуальных страхов, включенных в предложенный список категорий ценностей. Автор этой методики предлагает «рассматривать следующие страхи: связанные с собой (потеря себя, потеря любви, потеря смыслов, потеря телесной чувствительности, выбора); другими (угроза, утрата, унижение, утрата идеала, одиночество); природой (угроза хаоса (утрата упорядоченности), нового, стихий, экологии, эпидемий); технологиями (избыток информации, нехватка информации, возможности роботов, несовершенство технологий); божественным, мистическим (угроза наказания, угроза

жизни, угроза потери реальности); культурой (исчезновение, изменение культуры)» [7, с. 70–71].

Кроме названной версии опросника используется прием опосредованного измерения и соотношения смысла страха со смыслом ценности. Основная идея заключается во взаимосвязи с тем, что для человека является важным. Таким образом, можно определить следующие ценности человека: «Я»,

«Другие», «Природа», «Технологии», «Мистическое», «Культура».

Обработка результатов эмпирического исследования осуществлялась с помощью статистического пакета *SPSS v.23*. Данные анализировались посредством параметрического *t*-критерия Стьюдента, непараметрического *U*-критерия Манна – Уитни и корреляционного анализа *r*-Спирмена.

Результаты и их обсуждение

Базисные убеждения и психологическая безопасность. В соответствии с методикой базисных убеждений Янов-Бульман по шкале «Степень самоконтроля» были выявлены средние показатели, согласно которым юноши и девушки убеждены в своей способности контролировать происходящие события, а также выбирать такую стратегию поведения, которая увеличивает вероятность благоприятного исхода любой деятельности, позволяет предотвращать несчастья и приносит максимальный выигрыш. Респонденты уверены в том, что в мире больше добра, чем зла; положительные черты характера человека преобладают над отрицательными, а хорошие поступки – над плохими. Такие выводы основаны на данных шкал «Ценности собственного Я» и «Благо-

склонность мира», т. е. выявлены средние значения этих базисных убеждений (рис. 1).

Итак, студенты убеждены в том, что они могут контролировать события, верят в благосклонность мира. Особенно ценным для них является собственное Я. Схожие результаты были выявлены С. А. Богомаз и Н. В. Козловой в масштабном исследовании, посвященном разработке модели личностного развития подростков и юношей (с учетом переживаемого ими чувства собственной безопасности) [10]. Подобные оптимистичные взгляды на мир позволяют констатировать тот факт, что студенческая молодежь способна видеть в актуальной социальной среде перспективы для собственного развития и построения будущего.

Рис. 1. Средние значения показателей базисных убеждений респондентов, баллы
Fig. 1. Average values of indicators of basic beliefs of respondents, points

Значение не менее 3,5 баллов является нормой для показателей по всем шкалам опросника. Результаты ниже данного показателя (в случае индивидуальной работы с испытуемыми) указывали бы на необходимость психологической поддержки. Значения ниже указанной нормы можно наблюдать у респондентов по шкалам «Справедливость мира» и «Общее отношение к осмысленности мира», что говорит о наличии у студентов определенного недоверия к миру. Опрошенные сомневаются в том, что хорошие и достойные люди получают то, чего заслуживают, что к ним приходят счастье и удача. Демонстрируется крайне слабая вера в то, что мир полон

смысла и события происходят в нем неслучайно. Показывается отсутствие веры в законы справедливости. Такие убеждения молодежи вполне могут быть связаны с их предрасположенностью к нигилизму, который проявляется в отрицании или отсутствии веры в общепринятые важные аспекты жизни. Схожие результаты были получены в более ранних работах Е. Е. Бочаровой. Например, у российских студентов выявлены убежденность в избирательной справедливости окружающего мира или неверие в эту справедливость. Также отмечается, что «неверие молодежи в справедливость окружающего мира выступает фактором актуализации реактивной

(ситуативной) активности, принимающей протестную, радикально-протестную, субкультурную и социально-экономическую форму активности» [11, с. 339].

По шкале «Психологическая безопасность» тоже выявлен крайне низкий результат. Это свидетельствует о преобладании пониженного показателя безопасности у всех респондентов. Согласно С. А. Богомаз, Н. В. Козловой «психологическая безопасность личности неотделима от безопасности среды» [10, с. 16], т. е. состояние безопасности людей в социуме напрямую зависит от происходя-

щих в нем процессов [10]. Признаки кризиса в обществе, проявления социальной нестабильности, негативное информационно-психологическое воздействие нарушают состояние психологической безопасности студентов вплоть до их дезориентации и отсутствию веры в контролируемость и справедливости мира. Данные явления представлены в результатах настоящего исследования.

С помощью параметрического *t*-критерия Стьюдента сравнивались значения по шкалам опросника Янов-Бульман у девушек и юношей (табл. 1).

Таблица 1

Результаты сравнения базисных убеждений юношей и девушек

Table 1

Results of comparing basic beliefs of boys and girls

Шкалы	Девушки	Юноши	<i>t</i> -Критерий
	<i>M</i> ± <i>m</i>	<i>M</i> ± <i>m</i>	
Благосклонность мира	3,77 ± 1,08	4,03 ± 1,02	-1,838
Доброта людей	3,65 ± 0,89	3,85 ± 0,83	-1,768
Справедливость мира	3,13 ± 0,99	3,26 ± 1,0	-0,977
Контролируемость мира	3,68 ± 0,84	3,53 ± 0,79	1,429
Случайность происходящего	3,94 ± 0,94	3,76 ± 0,92	1,458
Ценность собственного Я	3,88 ± 1,06	3,99 ± 0,89	-0,841
Степень самоконтроля	4,1 ± 0,88	3,88 ± 0,76	1,968*
Степень удачи	3,62 ± 0,82	3,61 ± 0,92	0,121
Общее отношение к благосклонности окружающего мира	3,72 ± 0,92	3,96 ± 0,83	-2,071*
Общее отношение к осмысленности	3,3 ± 0,65	3,35 ± 0,60	-0,643
Убеждение относительно собственной ценности	3,88 ± 0,61	3,83 ± 0,61	0,528
Психологическая безопасность	2,86 ± 0,49	2,68 ± 0,49	2,802**

Примечание. * $p \leq 0,05$, ** $p \leq 0,01$; *M* – среднее значение; *m* – стандартное отклонение.

Как видно из данных таблицы 1, по шкале «Степень самоконтроля» выявлены статистически значимые различия в показателях юношей и девушек, причем у юношей они ниже, чем у девушек ($t = 1,968$ при $p \leq 0,05$). Это указывает на убежденность юношей в неспособности контролировать происходящие события. Данный результат можно объяснить при обращении к гендерной психологии, в соответствии с которой гендерные стереотипы способны накладывать отпечаток на формирование базисно-

го убеждения о самоконтроле. Согласно традиционной гендерной роли мужчина обязан обеспечивать семью всем необходимым для жизни, поэтому ему приходится тщательно просчитывать стратегию поведения, анализировать и учитывать ошибки, а женщина, в свою очередь, полагается на мужчину, находящегося рядом с ней, и придает ему сил своей верой в него. В настоящее время в переживаемый кризисный период молодые люди оказались втянутыми в происходящие события и почувствовали,

что возросла ответственность, возложенная на них. Юноши демонстрируют внутреннюю неспособность контролировать происходящие события и предотвратить несчастья, которые могут случиться.

Достоверно низкий показатель шкалы «Психологическая безопасность» у юношей можно объяснить их большей вовлеченностью в протестную активность ($t = 2,802$ при $p \leq 0,05$), однако среднее значение данной шкалы находится в диапазоне пониженных показателей как у девушек, так и юношей.

При этом показатели по шкале «Общее отношение к благосклонности» у юношей достоверно выше в сравнении с показателями у девушек ($t = -2,071$ при $p \leq 0,05$). Таким образом, у юношей сохраняется убежденность в благосклонном отношении мира и вера в то, что в этом мире больше добра, чем зла. Возможно, это и есть вариант личностного роста (по Р. Тидеши и Л. Кэлхаун), заключающегося в переосмыслении привычных убеждений о мире и своем месте в нем после травмы [12].

Для последующего анализа ценностей и страхов испытуемые были разделены на три подгруппы в зависимости от преобладающего у них уровня пси-

хологической безопасности. В группу 1 вошли студенты, имеющие низкий уровень психологической безопасности, – 21 человек (9,2 %); в группу 2 – испытуемые с пониженным уровнем психологической безопасности – 138 человек (60,5 %); в группу 3 – респонденты, обнаружившие средний уровень психологической безопасности, – 69 человек (30,3 %). У одного испытуемого выявлен повышенный уровень психологической безопасности. Данные этого респондента были исключены из дальнейшего статистического анализа, поскольку их некорректно использовать для сравнения с применением статистических методов.

Ценности респондентов с различными уровнями психологической безопасности. Подсчеты баллов по категориям ценностей опросника измерения ценностей через страхи (табл. 2) показали, что в группе 1 ценностные категории расставлены в следующем приоритетном значении: на первом месте – «Я», далее – «Технологии», затем – «Другие», «Природа», «Культура» и «Мистическое». Для статистической обработки данных применялся *U*-критерий Манна – Уитни.

Таблица 2

Результаты сравнения категорий ценностей у студентов с различным уровнем психологической безопасности

Table 2

The results of comparing the categories of values among students with different levels of psychological safety

Категории ценностей	Группа 1 ($n = 21$)	Группа 2 ($n = 138$)	Группа 3 ($n = 69$)	Общее количество респондентов ($n = 228$)	Сравнение групп
	$M \pm m$	$M \pm m$	$M \pm m$	$M \pm m$	
Я	$4,8 \pm 1,5$	$5,1 \pm 1,3$	$5,0 \pm 1,3$	$5,0 \pm 1,3$	Различий нет
Другие	$4,1 \pm 1,4$	$4,1 \pm 1,4$	$4,4 \pm 1,3$	$4,1 \pm 1,3$	гр. 2 ↔ гр. 3 $U = 4054,5$ при $p \leq 0,1$
Природа	$3,6 \pm 1,1$	$3,9 \pm 1,3$	$4,0 \pm 1,2$	$3,9 \pm 1,2$	гр. 1 ↔ гр. 3 $U = 623,0$ при $p \leq 0,1$
Технологии	$4,2 \pm 1,6$	$3,5 \pm 1,5$	$3,4 \pm 1,4$	$3,5 \pm 1,5$	гр. 1 ↔ гр. 3 $U = 510,0$ при $p \leq 0,05$
Мистическое	$1,0 \pm 0,2$	$1,4 \pm 0,9$	$1,2 \pm 0,4$	$1,3 \pm 0,7$	гр. 1 ↔ гр. 2 $U = 1133,0$ при $p \leq 0,05$
Культура	$3,2 \pm 1,2$	$3,0 \pm 1,3$	$3,0 \pm 1,2$	$3,0 \pm 1,2$	Различий нет

Примечание. *M* – среднее значение; *m* – стандартное отклонение.

В группе 2 категории ценностей выстроились в следующей последовательности: на первом месте – «Я», далее – «Другие», за ними следуют «Природа», «Технологии», «Культура» и «Мистическое».

Иерархия ценностей в группе 3 выглядит точно так же, как и в группе 2. Разными могут быть только степени выраженности их значимости. Например, на уровне статистической тенденции можно

говорить о выраженности в группе 3 ценностей категорий «Другие» и «Природа».

Для группы 1, в отличие от группы 3, более значимой является категория ценностей «Технологии». Бесспорно, в современном мире информационные технологии выступают в качестве неотъемлемой составляющей жизни человека, через которую преломляются весь круг его интересов и увлечений, а также выбор направления деятельности. Подобная выраженность названной категории ценностей в группе 1 не противоречит идее В. А. Емелина, Е. И. Расказовой, А. Ш. Тхостова о том, что компьютерные технологии связаны со снижением важности роли семьи и непосредственного общения в формировании личности. Ученые выявили, что человек, для которого информационные технологии являются близ-

кими и значимыми, склонен воспринимать семью, друзей, свои личностные черты, интересы и ценности как более далекие [13].

Статистически значимые различия обнаружены и в выраженности категории ценностей «Мистическое». Данная категория расположилась на последнем месте во всех исследуемых группах респондентов, при этом достоверно менее всего она выражена в группе 1.

Страхи респондентов с различными уровнями психологической безопасности. Средневыборочные показатели по всем исследуемым страхам респондентов находятся в диапазоне от 8 до 16 баллов при максимуме 25 баллов (табл. 3). Для статистической обработки данных применялся *U*-критерий Манна – Уитни.

Таблица 3

Результаты сравнения категорий страхов у студентов с различным уровнем психологической безопасности

Table 3

Results of comparing the categories of fears among students with different levels of psychological safety

Категории страхов	Группа 1 (n = 21)	Группа 2 (n = 138)	Группа 3 (n = 69)	Общее количество респондентов (n = 228)	Сравнение групп
	<i>M ± m</i>	<i>M ± m</i>	<i>M ± m</i>	<i>M ± m</i>	
Я	12,6 ± 3,3	14,8 ± 4,2	13,1 ± 4,6	14,1 ± 4,3	гр. 1 ↔ гр. 2 <i>U</i> = 971,5 при <i>p</i> ≤ 0,01; гр. 2 ↔ гр. 3 <i>U</i> = 3659,5 при <i>p</i> ≤ 0,01
Другие	11 ± 4,0	12,9 ± 4,2	13,1 ± 4,6	12,8 ± 4,3	Различий нет
Природа	10,7 ± 5,5	12,3 ± 4,1	13,3 ± 4,6	12,4 ± 4,5	гр. 1 ↔ гр. 3 <i>U</i> = 515,0 при <i>p</i> ≤ 0,05
Технологии	9,4 ± 2,8	10,9 ± 4,1	11,0 ± 3,7	10,8 ± 3,9	Различий нет
Мистическое	7,4 ± 3,1	8,2 ± 3,6	9,1 ± 3,7	8,4 ± 3,6	Различий нет
Культура	9,0 ± 4,6	10,9 ± 4,8	12,6 ± 4,8	11,2 ± 4,9	гр. 1 ↔ гр. 3 <i>U</i> = 415,0 при <i>p</i> ≤ 0,05; гр. 2 ↔ гр. 3 <i>U</i> = 3724,5 при <i>p</i> ≤ 0,01

Примечание. *M* – среднее значение; *m* – стандартное отклонение.

У респондентов наиболее выражены страхи, описанные в категории «Я» (*я опасюсь быть потерянным для самого себя*). Далее следует озабоченность утратой смысла во многих аспектах своей жизни – респонденты отмечают, что испытывают тревогу при необходимости принятия жизненно важных решений (*мне тревожно сделать выбор*). Затем – страхи, связанные с категорией «Другие». В категории данных страхов чаще всего звучали следующие утверждения: *меня страшит, что я потерял значимого и близкого че-*

ловека и самое опасное – терять хорошие отношения с другими людьми. Осознание опасности поступающих угроз, тревоги по поводу унижений также вызывает страх. Следующими по выраженности в общей группе респондентов расположились страхи, связанные с категорией «Природа». У студентов вызывают опасения экологический кризис, эпидемии. Также респонденты отметили, что не могут находиться в хаосе, поскольку такая атмосфера их тревожит. Что касается страхов категории «Культура», то испытыве-

мые более всего боятся, что утрачиваются традиции культурных ценностей белорусов. В категории страхов «Технология» в наибольшей степени проявляется боязнь оказаться в ситуации как нехватки информации, так и ее переизбытка. Страх бессмертия души преобладает в категории страхов «Мистическое».

Категория страхов «Я» является доминирующей во всех группах, поскольку основная задача, проходящаяся на возрастной этап респондентов, – это формирование идентичности. Э. Эриксон, который, собственно, и ввел этот термин в научный обиход, рассматривал идентичность как процесс, сосредоточенный в сущности человека и культуры, к которой данный индивид принадлежит [14], т. е. это определенная форма соответствия человека и культуры. Предложенное ученым определение идентичности включает «такие смыслы, как “быть независимой личностью”; “обладать последовательностью характера”; “быть способным к солидарности с идеями группы”; “быть в ладу со своим телом”; “чувствовать себя удобно с тем, кто и что ты есть”» [14, с. 14]. Все данные смыслы присутствуют в перечне изучаемых в настоящем исследовании страхов в категории «Я».

При сравнении трех групп выявлены статистически значимые различия в выраженности страхов внутри категорий «Я», «Природа» и «Культура». В страхах категории «Я» показатели по страху нелюбви других (*я волнуюсь, что никого не люблю*) достоверно выше в группе 2 в сравнении с группой 1 ($U = 646,5$ при $p \leq 0,001$). Также у респондентов группы 2 показатели по страху утраты смысла жизни (*я озадачен утратой смысла во многих аспектах своей жизни*) достоверно выше, чем у респондентов из группы 3 ($U = 3245,5$ при $p \leq 0,001$).

Достоверные различия между группами представлены в выраженности страхов из категории «Природа», при этом значимо различаются показатели группы 1 и 3. Так, достоверно высокие значения наблюдаются у студентов группы 3. Свои страхи они выражают следующими высказываниями: *меня пугают эпидемии* ($U = 489,0$ при $p \leq 0,05$) и *самое страшное – это стихийные бедствия* ($U = 510,0$ при $p \leq 0,05$). На уровне статистической тенденции для респондентов группы 3 характерно преобладание страха, связанного с экологическим кризисом ($U = 559,5$ при $p \leq 0,1$). Можно отметить, что с ростом психологической безопасности у студентов проявляется озабоченность вопросами экологии, стихийных бедствий и эпидемий. Фокус немного смещается с переживаниями о собственном Я на внешние процессы.

Данное предположение подтверждается результатами сравнения групп по выраженности страхов в категории «Культура». Так, для респондентов группы 3 характерны значимо высокие показатели переживания в сравнении с респондентами группы 1 и 2 относительно исчезновения культуры ($U = 491,0$ при $p \leq 0,05$), утраты традиций ($U = 435,0$ при $p \leq 0,005$), опасений о небезопасности инноваций ($U = 520,5$ при $p \leq 0,05$) и преобладания антикультуры ($U = 478,0$ при $p \leq 0,01$).

Взаимосвязь базисных убеждений с переживаемыми страхами и ценностями у студентов. В результате проведения корреляционного анализа были продемонстрированы довольно любопытные взаимосвязи базисных убеждений, ценностей и страхов у студентов в группах 1 и 3. На рис. 2 представлены такие значимые взаимосвязи, характерные для респондентов группы 1.

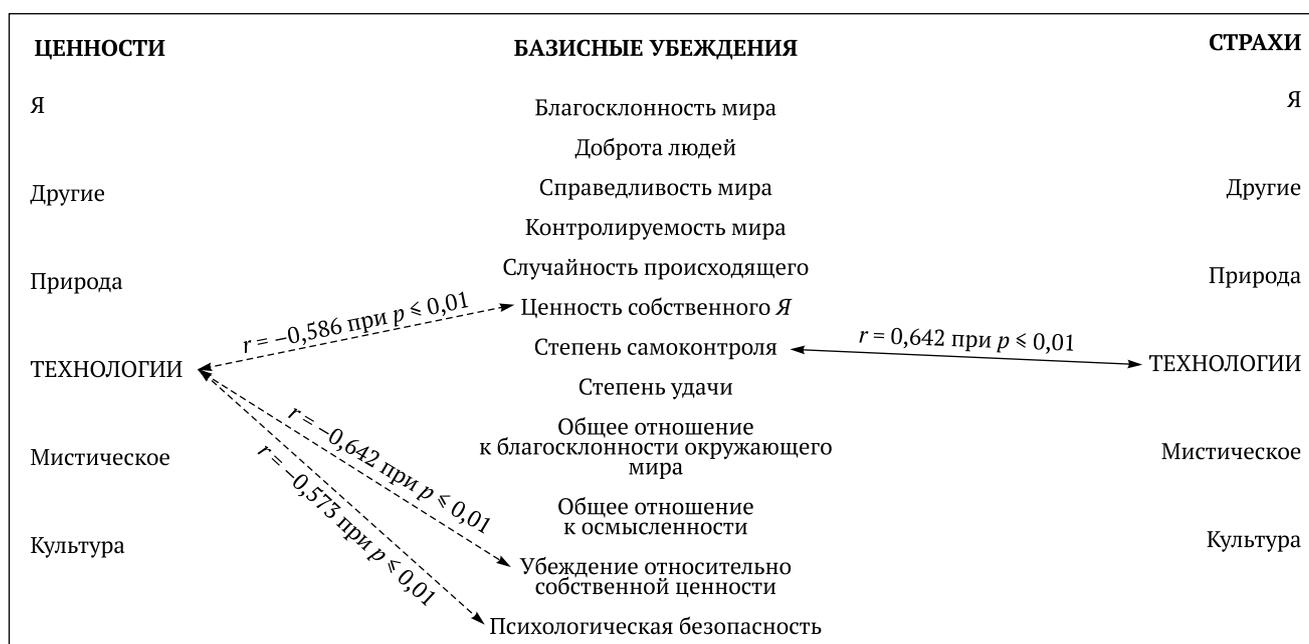

Рис. 2. Взаимосвязь базисных убеждений с переживаемыми страхами и ценностями у студентов группы 1

Fig. 2. The relationship of basic beliefs with experienced fears and values among students of group 1

В данной группе со снижением показателей безопасности возрастает значимость ценностей категории «Технология», также она растет со снижением убежденности в ценности собственного Я, в преобладании положительных черт характера и хороших поступков при отсутствии везения и веры в свои способности управлять событиями. Можно предположить, что, с одной стороны, уход в мир технологий является своеобразным способом защиты для студентов группы 1, а с другой – их включение в онлайн-общение может способствовать форми-

рованию у них ощущения близости, общности, социальной поддержки, а также увеличивать психологическое благополучие. Сейчас существует различное множество каналов и сообществ, где индивиды устанавливают контакты с другими людьми, ощущают близость с ними и получают от них социальную поддержку, что способствует формированию ощущения включенности в группу.

На рис. 3 наблюдаются тесные прямые взаимосвязи базисных убеждений, ценностей и страхов у студентов группы 2.

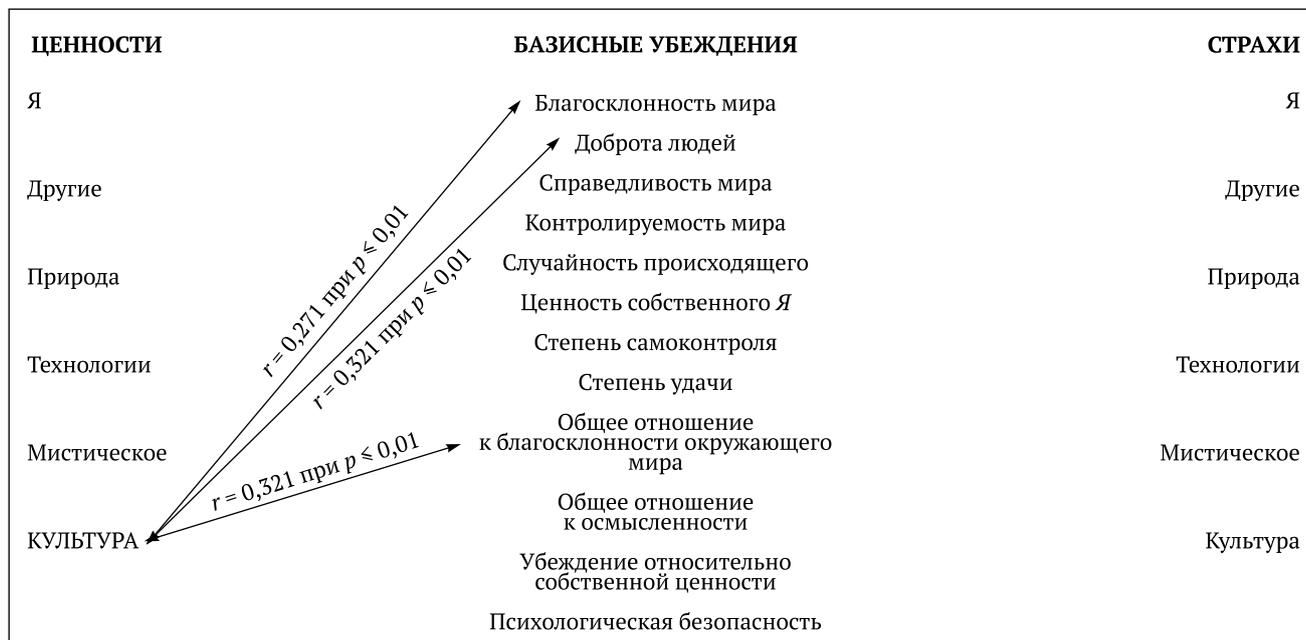

Рис. 3. Взаимосвязь базисных убеждений с переживаемыми страхами и ценностями у студентов группы 2
 Fig. 3. The relationship of basic beliefs with experienced fears and values among students of group 2

Рис. 4. Взаимосвязь базисных убеждений с переживаемыми страхами и ценностями у студентов группы 3
 Fig. 4. The relationship of basic beliefs with experienced fears and values among students of group 3

У студентов группы 2 базисные убеждения «Благосклонность», «Общее отношение к благосклонности окружающего мира», «Доброта людей» чаще сочетаются с высокими показателями ценностей категории «Культура», т. е. студенты верят в преобладание добра над злом, положительного над негативным, хороших событий над плохими. Они убеждены в доброте людей, их дружелюбии, отзывчивости и внимательности к окружающим, готовности прийти им на помощь. Все эти ценности являются актуальными для категории «Культура». Таким образом, с ростом психологической безопасности фокус переживаний с внутренних смещается на общественные, студенты осуществляют поиск себя через решение социальных вопросов, стремятся быть полезными обществу. Схожие идеи есть в концепции социального интереса А. Адлера.

В группе 3 выявлены прямые и обратные взаимосвязи (рис. 4).

С ростом базисного убеждения относительно контролируемости мира, т. е. уверенности в том,

что если принимать меры, то собственными поступками можно предотвращать несчастья и неприятности, у респондентов группы 3 взаимосвязаны страхи категории «Я», а именно опасения быть потерянными для самого себя, сделать неправильный выбор. Таким образом, актуальными становятся вопросы обретения идентичности. Следует подчеркнуть, что ценность данной категории взаимосвязана с убежденностью респондентов в том, что мир полон смысла и события в нем происходят неслучайно, они подчиняются законам справедливости. Однако ценность категории «Я» наоборот снижается с ростом убежденности респондентов в случайности происходящего. У испытуемых данной группы ранее были выявлены достоверно высокие показатели страхов категории «Природа» (стихийные бедствия, экологический кризис, эпидемии). Результаты корреляционного анализа показали, что с ростом убежденности относительно благосклонности мира снижаются показатели данных страхов.

Заключение

В результате проведенного исследования у студентов был выявлен низкий уровень психологической безопасности, также у них отмечается тенденция к неверию в справедливость окружающего социального мира. При этом они готовы полагаться на благосклонность судьбы, удачу и справедливость высших сил, что в целом поддерживает чувство собственной неуязвимости и позитивный образ Я. Подобные оптимистичные взгляды на мир позволяют студенческой молодежи в актуальной социальной среде видеть перспективы для собственного развития и построения будущего.

У юношей по сравнению с девушками выявлен достоверно более низкий уровень психологической безопасности и убежденности в способности контролировать происходящие события. При этом тенденция к проявлению убежденности в благосклонном отношении мира и окружающих людей сильнее выражена у юношей, чем у девушек.

В результате изучения категорий ценностей было определено, что респонденты, независимо от уровня психологической безопасности, на первое место ставят категорию ценностей «Я». Далее для респондентов группы 1 достоверно более значима категория ценностей «Технологии», в то время как студенты группы 3 на втором и третьем месте расположили такие категории ценностей, как «Другие» и «Природа».

Исследование страхов показало, что с ростом психологической безопасности фокус переживаний смещается со страхов о собственном Я на внешние процессы – у студентов группы 3 наблюдается озабоченность вопросами экологии, стихийных бедствий и эпидемий, выявлены переживания относительно исчезновения культуры и утраты традиций.

Анализируя взаимосвязь базисных убеждений с переживаемыми страхами и ценностями у студентов группы 1, можно сделать вывод о том, что с уменьшением показателей безопасности увеличивается значимость ценностей категории «Технологии», которая также растет и со снижением убежденности в ценности собственного Я и при отсутствии веры в свои способности управлять событиями.

С увеличением базисного убеждения относительно контролируемости мира у респондентов группы 3 обнаруживается взаимосвязь страхов внутри категории «Я». Также студенты боятся оказаться потерянными для самого себя, сделать неправильный выбор, т. е. актуальными становятся переживания, связанные с обретением идентичности, что является важной задачей для респондентов данного возрастного периода. Итак, чем сильнее выражено убеждение в том, что жизнь имеет смысл, тем большей ценностью обладает для испытуемых группы 3 категория «Я».

Библиографические ссылки

1. Агузумцян РВ, Мурадян ЕБ. Психологические аспекты безопасности личности. *Вестник практической психологии образования*. 2009;2:40–44.
2. Вербина ГГ. Психологическая безопасность личности. *Вестник Чувашского университета*. 2013;4:196–202.
3. Падун МА, Котельникова АВ. Модификация методики исследования базисных убеждений личности Р. Янофф-Бульман. *Психологический журнал*. 2008;29(4):98–106.

4. Janoff-Bulman R. Assumptive worlds and the stress of traumatic events: applications of the schema construct. *Social Cognition*. 1989;7(2):113–136. DOI: 10.1521/soco.1989.7.2.113.
5. Падун МА, Тарабрина НВ. Психическая травма и базисные когнитивные схемы личности. *Консультативная психология и психотерапия*. 2003;11(1):121–141.
6. Даукша ВС. Ценностные ориентации современной студенческой молодежи Беларуси в разные временные периоды (2008–2015). *Интернет-журнал «Мир науки»* [Интернет]. 2018 [протитировано 6 апреля 2021 г.];1:1–12. Доступно по: <https://mir-nauki.com/PDF/53PSMN118.pdf>.
7. Пищик ВИ. Ценностные измерения поколений через актуализируемые страхи. *Социальная психология и общество*. 2019;10(2):67–81. DOI: 10.17759/sps.2019100206.
8. Шайгерова ЛА, Прокофьева ТЮ, Кравцова ОА, Солдатова ГУ. *Практикум по психодиагностике и исследованию толерантности личности*. Москва: МГУ имени М. В. Ломоносова; 2003. 112 с.
9. Богомаз СА, Гладких АГ. Психологическая безопасность и ее измерение с помощью шкалы базисных убеждений. *Вестник Томского государственного университета*. 2009;318:191–194.
10. Богомаз СА, Козлова НВ. Модель личностного развития подростков и юношей с учетом переживаемого ими чувства собственной безопасности в условиях трансформации российского общества. *Сибирский психологический журнал*. 2010;36:14–19.
11. Бочарова ЕЕ. Регулятивные и мировоззренческие факторы различных форм социальной активности молодежи. *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Акмеология образования. Психология развития*. 2018;7(4):333–345. DOI: 10.18500/2304-9790-2018-7-4-333-345.
12. Tedeschi RG, Calhoun LG. Posttraumatic growth: Conceptual foundations and empirical evidence. *Psychological Inquiry*. 2004;15(1):1–18.
13. Рассказова ЕИ, Емелин ВА, Тхостов АШ. *Диагностика психологических последствий влияния информационных технологий на человека*. Москва: Акрополь; 2015. с. 74–76.
14. Сапожникова РБ. Анализ понятия «идентичность»: теоретические и методологические основания. *Вестник Томского государственного педагогического университета*. 2005;1:13–17.

References

1. Aguzumtsyan RV, Muradyan EB. [Psychological aspects of personal safety]. *Vestnik prakticheskoi psikhologii obrazovaniya*. 2009;2:40–44. Russian.
2. Verbina GG. [Psychological safety of a person]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*. 2013;4:196–202. Russian.
3. Padun MA, Kotel'nikova AV. Modification of R. Janoff-Bulman's procedure for personality basic beliefs study. *Psikhologicheskii zhurnal*. 2008;29(4):98–106. Russian.
4. Janoff-Bulman R. Assumptive worlds and the stress of traumatic events: applications of the schema construct. *Social Cognition*. 1989;7(2):113–136. DOI: 10.1521/soco.1989.7.2.113.
5. Padun MA, Tarabrina NV. [Mental trauma and basic cognitive personality schemas]. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya*. 2003;11(1):121–141. Russian.
6. Dauksha VS. Value orientations of modern students of Belarus in different periods of time (2008–2015). *World of Science. Pedagogy and psychology* [Internet]. 2018 [cited 2021 April 6];1:1–12. Available from: <https://mir-nauki.com/PDF/53PSMN118.pdf>. Russian.
7. Pishhik VI. The value dimensions of generations through actualised fears. *Social Psychology and Society*. 2019;10(2):67–81. DOI: 10.17759/sps.2019100206. Russian.
8. Shaigerova LA, Prokof'eva TYu, Kravtsova OA, Soldatova GU. *Praktikum po psikhodiagnostike i issledovaniyu tolerantnosti lichnosti* [Workshop on psychodiagnostics and the study of personality tolerance]. Moscow: МГУ имени М. В. Ломоносова; 2003. 112 p. Russian.
9. Bogomaz SA, Gladkikh AG. [Psychological safety and its measurement using the scale of basic beliefs]. *Tomsk State University Journal*. 2009;318:191–194. Russian.
10. Bogomaz SA, Kozlova NV. [A model of personal development of adolescents and young men, taking into account their feelings of self-security in the context of the transformation of Russian society]. *Siberian Journal of Psychology*. 2010;36:14–19. Russian.
11. Bocharova EE. [Regulatory and worldview factors of various forms of social activity of young people]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya Akmeologiya obrazovaniya. Psikhologiya razvitiya*. 2018;7(4):333–345. Russian. DOI: 10.18500/2304-9790-2018-7-4-333-345.
12. Tedeschi RG, Calhoun LG. Posttraumatic growth: Conceptual foundations and empirical evidence. *Psychological Inquiry*. 2004;15(1):1–18.
13. Rasskazova EI, Emelin VA, Tkhostov AS. *Diagnostika psikhologicheskikh posledstviy vliyaniya informatsionnykh tekhnologii na cheloveka* [Diagnostics of the psychological consequences of the influence of information technology on a person]. Moscow: Akropol'; 2015. p. 74–76. Russian.
14. Sapozhnikova RB. [Analysis of the concept of «identity»: theoretical and methodological foundations]. *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*. 2005;1:13–17. Russian.

Статья поступила в редколлегию 26.04.2021.
Received by editorial board 26.04.2021.

ФАКТОРНАЯ СТРУКТУРА КОПИНГ-СТРАТЕГИЙ И ИХ ВЗАИМОСВЯЗЬ С ПАРАМЕТРАМИ СТИЛЕЙ САМОРЕГУЛЯЦИИ СПОРТСМЕНОВ И СПОРТСМЕНОВ-ПАРАЛИМПИЙЦЕВ

Н. А. ШЕСТИЛОВСКАЯ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Высокие физические и психологические нагрузки в спорте нередко приводят к стрессу. Возможность выполнения спортивной деятельности и противостояние действию стресс-факторов при возникновении различных сложных ситуаций реализуются посредством копинг-стратегий и обеспечивают эффективность саморегуляции. Представлены результаты факторного анализа копинг-стратегий спортсменов и спортсменов-паралимпийцев и проведено их сравнение. Выявлены взаимосвязи копинг-стратегий и параметров стилей саморегуляции.

Ключевые слова: спорт; стресс; копинг-стратегии; саморегуляция; параметры стилей саморегуляции; спортсмены; спортсмены-паралимпийцы.

FACTOR STRUCTURE OF COPING STRATEGIES AND THEIR RELATIONSHIP WITH THE PARAMETERS OF SELF-REGULATION STYLES ATHLETES AND PARALYMPIANS

N. A. SHESTILOVSKAYA^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

High physical and psychological loads in sports often lead to stress. The possibility of performing sports activities and resisting the action of stress factors in the event of various difficult situations is realised through coping strategies, ensuring the effectiveness of self-regulation. This article presents the results of a factor analysis of the coping strategies of athletes and paralympians, and their comparison, and the results of studying relationships between coping strategies and parameters of self-regulation styles.

Keywords: sport; stress; coping strategies; self-regulation; parameters of self-regulation styles; athletes; paralympian.

Введение

Спортивная деятельность в плане достижения высших результатов связана с развитием физических и волевых качеств человека. Соревнования представляют собой борьбу спортсменов, имеющих одинаковую физическую, техническую и тактическую подготовку. В этой борьбе выигрывает тот, кто

лучше настроен психологически. Внутренние переживания, катализируемые внешними событиями, во время состязаний становятся стресс-факторами для спортсменов, которые не умеют с ними бороться (в равной степени это относится как к спортсменам, так и к спортсменам-паралимпийцам).

Образец цитирования:

Шестиловская НА. Факторная структура копинг-стратегий и их взаимосвязь с параметрами стилей саморегуляции спортсменов и спортсменов-паралимпийцев. Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология. 2021;3:103–115.

For citation:

Shestilovskaya NA. Factor structure of coping strategies and their relationship with the parameters of self-regulation styles athletes and paralympians. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2021; 3:103–115. Russian.

Автор:

Наталья Александровна Шестиловская – старший преподаватель кафедры экологии человека факультета социокультурных коммуникаций.

Author:

Natalia A. Shestilovskaya, senior lecturer at the department of human ecology, faculty of social and cultural communications.
flower27@mail.ru

Физические и психические ресурсы личности с инвалидностью, с одной стороны, могут быть ограничены самим заболеванием, а с другой – способны приумножаться в результате их аккумуляции и активизации [1, с. 12]. В процессе своей жизнедеятельности лица с врожденными инвалидизирующими заболеваниями адаптируются к ним. С этой целью они используют разнообразные стратегии преодоления, совмещают их и выбирают наиболее эффективные. Можно предположить, что в силу жизненных обстоятельств у спортсменов-паралимпийцев более выражена сопротивляемость стрессу и сильнее развиты навыки его преодоления, чем у спортсменов. Актуальность изучения взаимосвязи копинг-стратегий и стилей саморегуляции спортсменов и спортсменов-паралимпийцев состоит в возможности повышения эффективности саморегуляции, следовательно, улучшения тренировочного и соревновательного процессов.

Для определения копинг-стратегий был применен опросник COPE, разработанный К. Карвером, М. Шейером и Дж. Вейнтраубом (в адаптации Т. О. Гордеевой, Е. Н. Осина, Е. И. Рассказовой) (2013). Для диагностики уровней развитости параметров саморегуляции была использована методика «Саморегуляция подготовки спортсмена», разработанная В. И. Моросановой (1989) [2, с. 195; 3, с. 142].

В исследовании приняли участие 262 спортсмена в возрасте от 19 до 39 лет (141 мужчина и 121 женщи-

на; средний возраст респондентов – 29 лет). В выборку включены 91 спортсмен 1-го разряда, 95 кандидатов в мастера спорта, 68 мастеров спорта, 8 мастеров спорта международного класса¹.

Выборку спортсменов-паралимпийцев составили 99 спортсменов в возрасте от 17 до 50 лет (65 мужчин и 34 женщины; средний возраст респондентов – 33,5 года). Среди них – 6 паралимпийцев 1-го разряда, 15 кандидатов в мастера спорта, 48 мастеров спорта, 25 мастеров спорта международного класса, 6 заслуженных мастеров спорта. Согласно функциональной классификации в паралимпийском спорте респонденты распределяются по спортивно-функциональным классам: 39 спортсменов-паралимпийцев с нарушениями зрения, из них 29 человек определяются в функциональные классы В2, В3, S7–S13, T12 и 10 человек – в функциональный класс В1; 25 спортсменов-паралимпийцев с нарушениями опорно-двигательного аппарата (инвалиды-колясочники) относятся к функциональным классам А, В, F46, F54; 35 спортсменов-паралимпийцев с нарушениями слуха распределяются по функциональным классам LW4, LW10–LW12 [4, с. 20]. Данная выборка является практически равной генеральной совокупности, а количество респондентов – исчерпывающим для Республики Беларусь. На момент исследования все спортсмены были действующими спортсменами, участвующими в соревнованиях республиканского и международного уровней.

Материалы и методы исследования

Для выделения латентных детерминант, определяющих специфику реагирования в проблемных ситуациях и совладания со стрессом у спортсменов и спортсменов-паралимпийцев, был проведен факторный анализ с применением метода главных компонент с последующим варимакс-вращением. Для получения факторной структуры заданных переменных использовалась программа *SPSS v.17.0 for Windows*. Респонденты были разделены на четыре группы: С – спортсмены; НЗ – спортсмены-паралимпийцы с нарушением зрения; НОДА – спортсмены-паралимпийцы с нарушением опорно-двигательного аппарата (инвалиды-колясочники); НС – паралимпийцы с нарушением слуха.

К. Карвер, М. Шейер, Дж. Вейнтрауб (авторы методики COPE), в отличие от Р. Лазаруса, полагают, что проводимое им разграничение между способами совладания, сфокусированными на проблеме и эмоциях, является слишком упрощенным. Однако методология опросника COPE частично опирается на теорию Лазаруса. К. Карвер призывает не предлагать универсальных групп копинг-стратегий «второго уровня», а при необходимости выявлять вторичную факторную структуру, характеризующую получен-

ные данные. В зависимости от особенностей выборки, ситуации диагностики и многих других факторов эта структура будет различаться [5]. Методика включает 15 факторов (F1–F15), соответствующих различным копинг-стратегиям.

Актуальность данной работы обусловлена крайне малым количеством исследований, направленных на изучение спортсменов-паралимпийцев. Тем не менее проблема совладающего поведения и использования копинг-стратегий здоровыми спортсменами достаточно освещена (А. Ц. Пуни, П. А. Рудик, О. В. Дашкевич, Ю. Я. Киселев, О. А. Черникова, Б. А. Вяткин, Е. П. Ильин, В. П. Мерлинкин, Н. М. Пейсахов, Б. И. Якубчик, В. В. Андреев, В. В. Попова, Е. И. Берилова, А. К. Акименко и др.). Научные литературные данные показывают специфику в преодолении стресса, совладающего поведения и использования копинг-стратегий спортсменами-паралимпийцами, вследствие чего можно говорить о наличии этой специфики в факторной структуре копинг-стратегий (Н. Ю. Стрига, О. И. Купреева, А. А. Киселева, Л. А. Воскресенская и др.). Поскольку выводы проведенных ранее исследований, свидетельствующих о взаимосвязи копинг-стратегий и возраста, носят

¹Об утверждении Единой спортивной классификации Республики Беларусь [Электронный ресурс] : постановление М-ва спорта и туризма Респ. Беларусь от 31 авг. 2018 г. № 61. URL: <http://rtss.by/index.php/486-utverzhdjena-novaya-edinaya-sportivnaya-klassifikatsiya-respubliki-belarus> (дата обращения: 07.07.2021).

противоречивый характер, то в данном материале они не учитывались [6, с. 75; 7, с. 89].

Первоначально было определено, соответствуют ли выборки требованиям по проведению факторного анализа. Все признаки представлены в метрической шкале, причем их количество не меньше числа объектов, на один искомый фактор приходится не менее трех переменных [8, с. 251]. Также осуществлялась проверка по критериям КМО и сферичности Бартлетта [9, с. 84].

Критерий КМО показывает применимость имеющихся данных для проведения факторного анализа (адекватность выборки), т. е. насколько хорошо полученная факторная модель описывает структуру ответов респондентов на анализируемые вопросы. Результаты такого теста варьируются в интервале от 0 (факторная модель абсолютно неприменима) до 1 (факторная модель идеально описывает структуру данных). В представленном исследовании показатели во всех группах свидетельствуют о пригодности полученных данных для применения факторного анализа. Так, КМО в группе С равен 0,706; в группе НЗ – 0,493; в группе НОДА – 0,389; в группе НС – 0,499.

Критерий сферичности Бартлетта вычисляет многомерную нормальность выборки и проверяет гипотезу о том, что переменные, участвующие в факторном анализе, не коррелируют между собой. Пригодность факторного анализа (по тесту Бартлетта) определяется значимостью. При ее приемлемом уровне (ниже 0,05) факторный анализ считается пригодным для изучения выборочной совокупности. В данном случае критерий сферичности Бартлетта показывает значимость ниже 0,001 по всем группам, из чего также следует вывод о применимости факторного анализа.

В соответствии с критерием отсеивания Кеттла могут использоваться четыре или шесть возможных факторов (исходя из представленных графиков собственных значений), а согласно критерию Кайзера – не более пяти факторов, поскольку только четыре компонента имеют собственные значения более 1. В итоге была установлена пятифакторная структура, при этом объем объясненной дисперсии в группе С составил 61,733 %, в группе НЗ – 66,957 %, в группе НОДА – 73,885 %, в группе НС – 69,864 % (табл. 1–4).

Результаты и их обсуждение

В выделенных группах спортсменов и спортсменов-паралимпийцев приоритетными выявлены факторы, связанные с активным решением проблем, а также с потребностью в эмоциональной и социальной поддержке.

Факторная структура копинг-стратегий в группе С (см. табл. 1). Фактор **активное совладание для решения проблемы** содержит переменные F5, F14, F15. Под названными переменными подразумевается, что спортсмены, оказавшись в трудной жизненной ситуации, должны обдумать свои действия, разработать стратегии поведения. Чтобы эффективнее справиться с данной ситуацией, необходимо предпринимать активные шаги или прямые

действия, направленные на преодоление стрессового состояния, кроме того, следует избегать отвлечения на другие виды активности.

Фактор **поиск внешней поддержки** включает переменные F11, F4, F7. Данные переменные характеризуются стремлением найти эмоциональную, моральную поддержку, сочувствие и понимание; желанием получить совет, помощь или информацию; обращением к Богу, вере, религии. Таким образом, спортсмены, находясь в стрессовой ситуации, нуждаются в понимании со стороны окружающих. Для эмоциональной или действенной поддержки они обращаются к внешним источникам (в том числе к высшим силам).

Таблица 1

Факторная структура копинг-стратегий на основе повернутой матрицы компонентов группы С

Table 1

Factor structure of coping strategies based on a rotated matrix of components of group of athletes

Копинг-стратегии		Факторы				
		Активное совладание для решения проблемы	Поиск внешней поддержки	Уход от решения проблемы	Позитивное переформулирование	Успокоение
F5	Активное совладание	0,789	–	–	–	–
F14	Подавление конкурирующей деятельности	0,783	–	–	–	–
F15	Планирование	0,709	–	–	–	–

Окончание табл. 1
Ending table 1

Копинг-стратегии		Факторы				
		Активное совладание для решения проблемы	Поиск внешней поддержки	Уход от решения проблемы	Позитивное переформулирование	Успокоение
F11	Использование эмоциональной социальной поддержки	–	0,840	–	–	–
F4	Использование инструментальной социальной поддержки	–	0,803	–	–	–
F7	Обращение к религии	–	0,490	–	–	–
F10	Сдерживание	–	–	0,677	–	–
F9	Поведенческий уход от проблемы	–	–	0,671	–	–
F6	Отрицание	–	–	0,609	–	–
F1	Позитивное переформулирование и личностный рост	–	–	–	0,780	–
F8	Юмор	–	–	–	0,778	–
F13	Принятие	–	–	–	0,418	–
F12	Использование «успокоительных»	–	–	–	–	0,727
F2	Мысленный уход от проблемы	–	–	–	–	0,710
F3	Концентрация на эмоциях и их активное выражение	–	–	–	–	0,549
Объем объясненной дисперсии, %		14,374	12,937	11,942	11,406	11,075

Фактор **уход от решения проблемы** включает переменные F10, F9, F6. Для данного фактора копинг-стратегия *сдерживание* имеет наибольший вес, что подразумевает отсутствие у спортсменов группы С любой активности, направленной на решение проблемы, при этом в сочетании с поведенческим уходом от проблемы и отрицанием реальности проблемы означает отвлечение на другую активность, игнорирование или вообще непризнание наличия проблемы. Названные переменные связаны с принятием/непринятием проблемы, существует вероятность того, что респонденты могут отказываться от достижения цели, некоторые не хотят верить в случившееся или пытаются отрицать его реальность. В целом данный фактор указывает на бессознательную защитную реакцию на стресс, уход от проблемы, отказ от принятия факта реального существования трудной ситуации. Для характеристики копинг-поведения спортсменов группы С этот фактор не является ведущим.

Фактор **позитивное переформулирование** состоит из переменных F1, F8, F13, характеристики которых свидетельствуют о том, что спортсмены способны переосмыслить стрессовую ситуацию в позитивном ключе, со смехом и шутками, с пониманием реальности проблемы. Данный фактор показывает положительное восприятие ситуации, возможность извлечь опыт из произошедшего.

Фактор **успокоение** представлен переменными F12, F2, F3. Чтобы избежать проблемы и улучшить самочувствие, изменить свое состояние или отвлечься от неприятных мыслей, связанных с проблемой, спортсмены используют алкоголь, лекарственные средства или наркотики, а также прибегают, например, к таким состояниям, как фантазирование, сон (при наличии переменной, связанной с эмоциями). При этом некоторые респонденты фокусируют свое внимание на неприятных эмоциях и выражениях чувств. Фактор является наименее значимым для копинг-поведения спортсменов (группа С).

Факторная структура копинг-стратегий спортсменов-паралимпийцев группы НЗ (см. табл. 2). Фактор *поиск внешней поддержки* представлен переменными F11, F4, F2, F3. В данном факторе потребность получать эмоциональную поддержку, понимание, а также совет или помощь имеет наибольшее значение. Кроме того, присутствует стремление проигнорировать или не замечать проблему, также

характерно переживание негативных эмоций, вызванных стрессовой ситуацией. Несмотря на то что ведущие переменные в данном факторе совпадают с копинг-стратегиями, описанными в факторе группы С, представленный фактор включает в себя копинг-стратегию *мысленный уход от проблемы*, которой свойственно сочетание потребности во внешней поддержке с нежеланием решать проблему.

Таблица 2

Факторная структура копинг-стратегий на основе повернутой матрицы компонентов группы НЗ

Table 2

Factor structure of coping strategies based on the rotated matrix of components of the group of visually impaired

Копинг-стратегии		Факторы				
		Поиск внешней поддержки	Активное планирование для решения проблемы	Позитивное переформулирование	Успокоение	Обращение к религии
F11	Использование эмоциональной социальной поддержки	0,906	–	–	–	–
F4	Использование инструментальной социальной поддержки	0,767	–	–	–	–
F2	Мысленный уход от проблемы	0,689	–	–	–	–
F3	Концентрация на эмоциях и их активное выражение	0,554	–	–	–	–
F15	Планирование	–	0,779	–	–	–
F5	Активное совладание	–	0,671	–	–	–
F14	Подавление конкурирующей деятельности	–	0,464	–	–0,606	–
F9	Поведенческий уход от проблемы	–	–0,650	–	–	–
F6	Отрицание	–	–0,603	–	–	–
F1	Позитивное переформулирование и личностный рост	–	–	0,780	–	–
F13	Принятие	–	–	0,695	–	–
F8	Юмор	–	–	0,676	–	–
F12	Использование «успокоительных»	–	–	–	0,801	–
F7	Обращение к религии	–	–	–	–	0,813
F10	Сдерживание	–	–	–	–	–0,723
Объем объясненной дисперсии, %		17,760	15,862	11,831	11,548	10,045

Фактор **активное планирование для решения проблемы** состоит из переменных F15, F5, F14 и переменных F9, F6 с отрицательным значением. Этот фактор аналогичен фактору, описанному в группе С. Однако у спортсменов-паралимпийцев наблюдается усиленная направленность на решение проблемы, признание ее реальности и необходимости совершать активные шаги для построения плана действий.

В фактор **позитивное переформулирование** включены переменные F1, F13, F8. Содержание данного фактора схоже с содержанием фактора в группе С. Респонденты способны находить положительные моменты в стрессовой ситуации, воспринимать ее позитивно и с юмором.

Фактор **успокоение** содержит переменную F12 и переменную F14 с отрицательным значением. Данный фактор имеет сходство с фактором, который описан в группе С. Алкоголь, лекарственные средства или наркотики используются спортсменами как способ избегания проблемы и улучшения самочувствия, изменения своего состояния. Такие копинг-реакции усилены склонностью отвлекаться на другие виды деятельности, не сосредотачиваясь на действиях по решению проблемы.

В фактор **обращение к религии** входят переменная F7 и переменная F10 с отрицательным показателем. У этого фактора определен наименьший про-

цент объясненной дисперсии, что свидетельствует о низкой вероятности появления названных копинг-стратегий в реакции паралимпийцев. Переменные данного фактора указывают на то, что спортсмены надеются на некое благоприятное изменение ситуации, которая должна решиться сама собой, на помощь извне или полагаются на высшие силы. В связи с этим они не предпринимают каких-либо действий для решения проблемы. Копинг-стратегия **сдерживание** (с отрицательной нагрузкой) может быть интерпретирована как отказ от необходимости что-либо делать для решения проблемы (при положительной связи эта переменная подразумевает выдерживание паузы, т. е. отсроченные действия).

Факторная структура копинг-стратегий паралимпийцев в группе НОДА (см. табл. 3). Фактор **поиск внешней поддержки** представлен переменными F7, F4, F3, F2. Для данного фактора, в отличие от фактора, описанного в группе НЗ, потребность во внешней помощи, в том числе обращение к вере, высшим силам, является главной. При этом сохраняется сконцентрированность на негативных эмоциях, а когнитивный уход от проблемы менее выражен. Можно констатировать наличие не только проблемно ориентированных переменных, но и дисфункциональных (так же как и в факторе группы НЗ), однако они не свойственны фактору, описываемому в группе С.

Таблица 3

Факторная структура копинг-стратегий на основе повернутой матрицы компонентов группы НОДА

Table 3

Factor structure of coping strategies based on a rotated matrix of components of group with musculoskeletal disorders

Копинг-стратегии		Факторы				
		Поиск внешней поддержки	Активное планирование для решения проблемы	Позитивное переформулирование	Успокоение	Отрицание с потребностью в понимании
F7	Обращение к религии	0,837	–	–	–	–
F4	Использование инструментальной социальной поддержки	0,810	–	–	–	–
F3	Концентрация на эмоциях и их активное выражение	0,788	–	–	–	–
F2	Мысленный уход от проблемы	0,521	–	–0,479	–	–
F15	Планирование	–	0,869	–	–	–
F5	Активное совладание	–	0,832	–	–	–
F14	Подавление конкурирующей деятельности	–	0,749	–	–	–

Окончание табл. 3
Ending table 3

Копинг-стратегии		Факторы				
		Поиск внешней поддержки	Активное планирование для решения проблемы	Позитивное переформулирование	Успокоение	Отрицание с потребностью в понимании
F10	Сдерживание	–	0,530	–	–	–
F9	Поведенческий уход от проблемы	–	–0,582	–	–	–
F1	Позитивное переформулирование и личностный рост	–	–	0,841	–	–
F13	Принятие	–	–	0,754	–	–
F8	Юмор	–	–	0,554	–	–
F12	Использование «успокоительных»	–	–	–	0,822	–
F6	Отрицание	–	–	–	–	0,855
F11	Использование эмоциональной социальной поддержки	–	–	–	–	0,588
Объем объясненной дисперсии, %		20,901	18,932	13,124	10,941	9,988

Фактор **активное планирование для решения проблемы** представлен переменными F15, F5, F14, F10 и переменной F9 с отрицательным значением. Данный фактор включает в себя те же переменные, что и фактор, описанный в группах С и НЗ, а также копинг-стратегию *сдерживание*. В соответствии с оригинальной англоязычной методологией названная копинг-стратегия имеет двоякий смысл, т. е. проявляется и активно, и пассивно. В данном случае она выступает как активная стратегия, подразумевающая выжидание подходящего момента для более эффективной победы над стрессором. Таким образом, данный фактор описывает активное поведение спортсменов, оказавшихся в проблемной ситуации, указывает на то, что они будут предпринимать действия, реализовывать шаги по решению возникшей проблемы. При этом переменная *планирование* имеет наибольшую нагрузку, что в перспективе задает построение плана действий.

Фактор **позитивное переформулирование** состоит из переменных F1, F13, F8 и переменной F2 с отрицательным показателем. Этот фактор аналогичен факторам, описанным в группах С и НЗ, и взаимосвязан с большим стремлением сосредоточиться на решении проблемы.

Фактор **успокоение** исчерпывается одной переменной F12. Таким образом, эта копинг-стратегия не имеет связи ни с эмоциональными копинг-стра-

тегиями, ни с когнитивными в виде ухода от проблемы. Спортсмены отвлекаются от трудной ситуации, вызывающей стресс, либо с помощью алкоголя, либо прибегают к лекарственным или успокаивающим средствам. Автономное проявление названной переменной вполне закономерно, поскольку в оригинальной версии эта копинг-стратегия отсутствует, она выделена только в адаптированном варианте методики.

Фактор **отрицание с потребностью в понимании** содержит переменные F6, F11. Под копинг-стратегией *отрицание* подразумевается отрицание или отказ от признания реальности проблемы. Однако несоответствие результатов поставленным целям провоцирует у спортсменов дискомфортное состояние, что, в свою очередь, заставляет их искать эмоциональную поддержку со стороны окружающих.

Факторная структура копинг-стратегий спортсменов-паралимпийцев в группе НС (см. табл. 4). В фактор **позитивное переформулирование, ориентированное на совладание** включаются переменные F1, F15, F5, F14, F2. Данный фактор имеет свою специфику в группе НС. Можно предположить, что для принятия активных действий спортсмены стараются позитивно воспринимать сложную ситуацию, избегать мыслей о проблеме посредством отвлечения на другие виды деятельности. В этом проявляется черта, характерная для паралимпийцев.

**Факторная структура копинг-стратегий
на основе повернутой матрицы компонентов группы НС**

Table 4

**Factor structure of coping strategies based on the rotated matrix
of the components of group of hearing impaired**

Копинг-стратегии		Факторы				
		Позитивное переформулирование, ориентированное на совладание	Уход от решения проблемы	Принятие	Успокоение	Обращение к религии
F1	Позитивное переформулирование и личностный рост	0,839	–	–	–	–
F15	Планирование	0,807	–	–	–	–
F5	Активное совладание	0,761	–	–	–	–
F14	Подавление конкурирующей деятельности	0,653	–	–	–	–
F2	Мысленный уход от проблемы	0,461	–	–	–	–
F10	Сдерживание	–	0,805	–	–	–
F9	Поведенческий уход от проблемы	–	0,733	–	–	–
F6	Отрицание	–	0,603	–	–	–
F4	Использование инструментальной социальной поддержки	–	0,567	–	–	–
F13	Принятие	–	–	0,801	–	–
F8	Юмор	–	–	0,684	–	–
F11	Использование эмоциональной социальной поддержки	–	–	0,612	–	–
F12	Использование «успокоительных»	–	–	–	0,899	–
F3	Концентрация на эмоциях и их активное выражение	–	–	–	0,445	–
F7	Обращение к религии	–	–	–	–	0,875
Объем объясненной дисперсии, %		21,978	14,242	12,862	11,104	9,678

Фактор *уход от решения проблемы* состоит из переменных F10, F9, F6, F4. Данный фактор представляет собой отсутствие каких-либо действий (выдерживание паузы, даже бездействие), взаимосвязанных с поведенческим уходом от проблемы вплоть до ее игнорирования или отрицания. Однако несоответствие результатов поставленной цели создает у спортсменов потребность в поиске помощи от окружающих. В группе НС по сравнению с другими группами наиболее ярко выражено стремление паралимпийцев уйти от признания реальности проблемы и нежелания что-либо делать для ее решения.

В фактор *принятие* входят переменные F13, F8, F11. В отличие от факторов, описываемых в других группах спортсменов-паралимпийцев, в данном факторе отсутствует копинг-стратегия *позитивное переформулирование и личностный рост*, которая характеризуется активным решением проблемы. Переменная *принятие* является ведущей. Это означает, что спортсмены понимают существование проблемы. Наличие переменной *юмор* свидетельствует о возможности положительного отношения к проблемной ситуации. При этом спортсмены нуждаются в эмоциональной поддержке со стороны окружающих.

Фактор **успокоение** содержит переменные F12, F3. Как и в случаях с другими факторами, данный фактор включает в себя эмоциональную составляющую. Он имеет сходство с факторами, описанными в группах НЗ и НОДА. Можно предположить, что негативные эмоции, возникающие у спортсменов в группе НС, являются причиной использования «успокоительных».

Фактор **обращение к религии** представлен одной переменной F7, под которой подразумевается, что спортсмены, столкнувшись с проблемой, обращаются к высшим силам, надеются на обстоятельства, способные разрешить проблемную ситуацию.

Поскольку факторный анализ являлся эксплораторным, то проверка инвариантности не проводилась.

Полученные вторичные факторы (по Карверу) представлены в табл. 5 в обобщенном виде. В группе С фактор **поиск внешней поддержки** составлял переменные, ориентированные на поддержку от окружающих, т. е. спортсмены мысленно уповают или надеются на высшие силы, которые могут помочь разрешить ситуацию. В группах НЗ, НОДА и НС эта надежда трансформируется в уход, избегание, отрицание восприятия проблемы, однако потребность во внешней поддержке у них также остается. В группе НС копинг-стратегия *поведенческий уход от проблемы* заменяется на копинг-стратегию *мысленный*

уход от проблемы, т. е. респонденты изменяют свое поведение, демонстрируют какие-либо действия, по которым можно понять их реакцию на стресс. Все это связано со спецификой нарушений (отсутствие речи, немота) у представителей данной группы. Для них также характерно наличие переменной *сдерживание*, демонстрирующей пассивность и отсутствие действий. Копинг-стратегия *концентрация на эмоциях и их активное выражение* предполагает, что многие спортсмены сосредоточиваются на негативных эмоциях: расстройстве, переживании гнева, злости, печали, грусти и т. д. Таким образом, спортсмены трех групп по-разному уходят и от признания проблемы, и от требований ее активного решения. Наибольшее сходство значений переменных можно выделить у групп НЗ и НОДА. Спортсменам (группа С) меньше, чем спортсменам-паралимпийцам (группы НЗ, НОДА, НС), свойственны эмоциональные копинг-реакции.

Первым фактором в группе С выступает фактор, связанный с собственной активностью и инициативой, а в группах НЗ и НОДА – фактор, ориентированный на социальную поддержку. В группе НС также наиболее значимым является фактор, указывающий на активные действия и планирование, но только в сочетании с позитивным восприятием проблемной ситуации.

Таблица 5

Обобщенные результаты факторного анализа по группам спортсменов и спортсменов-паралимпийцев

Table 5

Generalised results of factor analysis by groups of athletes and paralympians

Группа С	Группа НЗ	Группа НОДА	Группа НС
Активное совладание для решения проблемы F5 (0,789), F14 (0,783), F15 (0,709)	Поиск внешней поддержки F11 (0,906), F4 (0,767), F2 (0,689), F3 (0,554)	Поиск внешней поддержки F7 (0,837), F4 (0,810), F3 (0,788), F2 (0,521)	Позитивное переформулирование, ориентированное на совладание F1 (0,839), F15 (0,807), F5 (0,761), F14 (0,653), F2 (0,461)
Поиск внешней поддержки F11 (0,840), F4 (0,803), F7 (0,490)	Активное планирование для решения проблемы F15 (0,779), F5 (0,671), F14 (0,464), F9 (-0,650), F6 (-0,603)	Активное планирование для решения проблемы F15 (0,869), F5 (0,832), F10 (0,530), F14 (0,749), F9 (-0,582)	Уход от решения проблемы F10 (0,805), F9 (0,733), F6 (0,603), F4 (0,567)
Уход от решения проблемы F10 (0,677), F9 (0,671), F6 (0,609)	Позитивное переформулирование F1 (0,780), F13 (0,695), F8 (0,676)	Позитивное переформулирование F1 (0,841), F13 (0,754), F8 (0,554), F2 (-0,479)	Принятие F13 (0,801), F8 (0,684), F11 (0,612)
Позитивное переформулирование F1 (0,780), F8 (0,778), F13 (0,418)	Успокоение F12 (0,801), F14 (-0,606)	Успокоение F12 (0,822)	Успокоение F12 (0,899), F3 (0,445)
Успокоение F12 (0,727), F2 (0,710), F3 (0,549)	Обращение к религии F7 (0,813), F10 (-0,723)	Отрицание с потребностью в понимании F6 (0,855), F11 (0,588)	Обращение к религии F7 (0,875)

С использованием коэффициента корреляции Спирмена был проведен корреляционный анализ параметров стилей саморегуляции и копинг-стратегий, в результате которого были выявлены взаимосвязи в группах С, НЗ, НОДА и НС.

Так, в группе С установлены:

- прямая взаимосвязь параметра стиля саморегуляции *оценка результатов* с копинг-стратегией *юмор* ($r = 0,129$; $p \leq 0,05$). Таким образом, оценка результатов происходит лучше, если нет заикливания на негативной эмоции при переживании стресса и проблема может быть воспринята с юмором;

- прямая взаимосвязь параметра стиля саморегуляции *самостоятельность* с копинг-стратегией *поведенческий уход от проблемы* ($r = 0,138$; $p \leq 0,05$). Положительная корреляция может объясняться тем, что высокий уровень самостоятельности сопряжен с собственным решением спортсмена либо действовать активно, либо вовсе ничего не делать;

- обратная взаимосвязь параметра стиля саморегуляции *самостоятельность* с копинг-стратегией *использование «успокоительных»* ($r = -0,133$; $p \leq 0,05$). Данная копинг-стратегия является поведенческой, а воздействие медикаментозных средств или алкоголя – это внешний фактор изменения поведения, выступающий в противоположность самостоятельному принятию решений, т. е. результат внутренней мотивации;

- обратная взаимосвязь общего показателя саморегуляции с копинг-стратегией *концентрация на эмоциях и их активное выражение* ($r = 0,167$; $p \leq 0,01$), корреляция указывает на то, что процесс саморегуляции реализуется менее эффективно, если спортсмен погружен в переживание негативной эмоции, поскольку данная копинг-стратегия подразумевает сконцентрированность на негативных переживаниях, эмоциях страха, тревоги, злости и т. д.;

- прямая взаимосвязь параметра стиля саморегуляции *самостоятельность* с копинг-стратегией *поведенческий уход от проблемы* ($r = 0,127$; $p \leq 0,05$) по аналогии с параметром стилей саморегуляции *самостоятельность*, она предполагает пассивную реакцию как вариант реализации саморегуляции.

У группы НЗ определены:

- обратная взаимосвязь параметра стиля саморегуляции *планирование* с копинг-стратегией *концентрация на эмоциях и их активное выражение* ($r = -0,400$; $p \leq 0,05$). Данная копинг-стратегия подразумевает сконцентрированность на негативных переживаниях, эмоциях страха, тревоги, злости, поэтому можно предположить, что планирование происходит лучше при отсутствии негативных эмоций;

- обратная взаимосвязь параметра стиля саморегуляции *планирование* с копинг-стратегией *планирование* ($r = -0,383$; $p \leq 0,05$). Поскольку этот параметр является деятельностным процессом и предполагает

реализацию продуманных действий по определенному плану, а копинг-стратегия *планирование*, наоборот, выступает как когнитивный процесс и вынуждает спортсмена сделать паузу и обдумать, как ему справиться с проблемой, чтобы потом двигаться дальше, то, таким образом, либо индивид действует, либо размышляет, строит планы;

- обратная взаимосвязь параметра стиля саморегуляции *программирование* с копинг-стратегией *использование инструментальной социальной поддержки* ($r = -0,333$; $p \leq 0,05$). Она может быть интерпретирована таким образом, что при построении последовательности действий, которое предполагает самостоятельное обдумывание способов выполнения тренировочной задачи и моделирования соревновательного поведения, спортсмен не нуждается во внешней помощи или советах;

- обратная взаимосвязь параметра стиля саморегуляции *оценка результатов* с копинг-стратегией *подавление конкурирующей деятельности* ($r = -0,374$; $p \leq 0,05$). Полученная корреляция означает, что более сильная необходимость в подавлении другой деятельности, наличие различных конкурирующих видов деятельности и способность отвлечься от них взаимосвязаны с менее качественной оценкой спортивных результатов и менее тщательным анализом тренировок и соревнований;

- обратная взаимосвязь параметра стиля саморегуляции *гибкость* с копинг-стратегией *позитивное переформулирование и личностный рост* ($r = -0,433$; $p \leq 0,01$). Наличие положительных моментов в проблемной ситуации указывает на потребности перестройки своей деятельности и изменения тактики, отсутствие необходимости коррекции действий в процессе тренировок и соревнований;

- обратная взаимосвязь параметра стиля саморегуляции *гибкость* с копинг-стратегией *активное совладание* ($r = -0,369$; $p \leq 0,05$). Можно предположить, что для реализации активного совладания со стрессором спортсмен начнет использовать привычные ему схемы действий, поэтому его поведение будет скорее ригидным, нежели гибким, и перестроение тактики или изменение действий будет невозможно;

- обратная взаимосвязь параметра стиля саморегуляции *гибкость* с копинг-стратегией *планирование* ($r = -0,399$; $p \leq 0,05$). Поскольку данная копинг-стратегия предполагает мысленное обдумывание проблемы, другими словами, представляет собой определенное бездействие, то поэтому невозможны как коррекция действий в процессе тренировок или соревнований, так и изменения в тактике соревновательного поведения;

- обратная взаимосвязь общего уровня саморегуляции с копинг-стратегией *планирование* ($r = -0,484$; $p \leq 0,05$). По аналогии с параметрами стилей саморегуляции *планирование* и *гибкость* данная корре-

ляция подразумевает, что процесс саморегуляции представляет собой реализацию действий, а копинг-стратегия *планирование* как когнитивная переменная предполагает обдумывание, т. е. бездействие.

Для группы НОДА выявлены:

- обратная взаимосвязь параметра стиля саморегуляции *программирование* с копинг-стратегией *юмор* ($r = -0,404$; $p \leq 0,05$). Чтобы увидеть слабые или проблемные стороны в процессе реализуемой деятельности, невозможно воспринимать их с юмором;

- обратная взаимосвязь параметра стиля саморегуляции *программирование* с копинг-стратегией *подавление конкурирующей деятельности* ($r = -0,419$; $p \leq 0,05$). В случае если возникает затруднение или препятствие, вызывающее стресс, наличие большого количества разнообразных видов деятельности (она может выступать в качестве конкурирующей) может препятствовать тщательному моделированию соревновательной деятельности и построению тренировочного процесса;

- обратная взаимосвязь параметра стиля саморегуляции *оценка результатов* с копинг-стратегией *отрицание* ($r = -0,435$; $p \leq 0,05$), прямая взаимосвязь этого же параметра с копинг-стратегией *принятие* ($r = 0,439$; $p \leq 0,05$). Данные копинг-стратегии нужно рассматривать в совокупности, поскольку они являются противоположными друг другу. Стоит отметить характерное совпадение корреляционных взаимосвязей. Оценка достижений, тщательный анализ результатов в процессе тренировок и на соревнованиях невозможны при отрицании наличия проблемы. Они реализуются только в случае признания реальности проблемы;

- обратная взаимосвязь параметра стиля саморегуляции *гибкость* с копинг-стратегией *сдерживание* ($r = -0,463$; $p \leq 0,05$). Названная переменная характеризуется паузой, выжиданием в совладании со стрессором. Гибкость предполагает перестроение деятельности, изменение тактики. Как и в случае с копинг-стратегией *планирование*, саморегуляция не может быть реализована, поскольку сдерживание ограничено когнитивным уровнем;

- обратная взаимосвязь общего уровня саморегуляции с копинг-стратегией *сдерживание* ($r = -0,455$; $p \leq 0,05$), что может быть интерпретировано аналогично параметру стилей саморегуляции *гибкость*, обратная взаимосвязь с копинг-стратегией *использование «успокоительных»* ($r = -0,442$; $p \leq 0,05$). В силу в основном серьезного физического нарушения здоровья спортсменов-паралимпийцев группы НОДА необходимо принимать лекарства, в частности успокаивающие или обезболивающие, поэтому сознательный контроль может быть уменьшен.

У группы НС обнаружены:

- прямая взаимосвязь параметра стиля саморегуляции *планирование* с копинг-стратегией *обращение*

к *религии* ($r = 0,417$; $p \leq 0,05$). Она может быть интерпретирована как надежда не только на хорошую физическую подготовку в результате тренировок, но и духовную или психологическую составляющую как часть общей подготовки спортсмена. Аналогично объяснена и прямая взаимосвязь с копинг-стратегией *использование эмоциональной социальной поддержки* ($r = 0,370$; $p \leq 0,05$) как поддержка от окружающих, задающая оптимистичный настрой на соревнование;

- обратная взаимосвязь параметра стиля саморегуляции *программирование* с копинг-стратегией *позитивное переформулирование и личностный рост* ($r = -0,345$; $p \leq 0,05$). Данная копинг-стратегия аналогична копинг-стратегии *юмор*, поскольку они входят в один фактор и коррелируют между собой. Чтобы увидеть слабые или проблемные стороны в процессе реализуемой деятельности, невозможно воспринимать их с юмором или находить позитивные стороны. Наоборот, признание ошибок, затруднений в реализации будет способствовать лучшей саморегуляции;

- обратная взаимосвязь параметра стиля саморегуляции *программирование* с копинг-стратегией *использование инструментальной социальной поддержки* ($r = -0,331$; $p \leq 0,05$). Данная взаимосвязь аналогична взаимосвязи в группе НЗ и подразумевает, что спортсмен не нуждается во внешней помощи или советах, поскольку стиль саморегуляции *программирование* предполагает самостоятельное построение последовательности действий, обдумывание способов выполнения тренировочной задачи и моделирование соревновательного поведения;

- прямая взаимосвязь параметра стиля саморегуляции *программирование* с копинг-стратегией *использование «успокоительных»* ($r = 0,349$; $p \leq 0,05$). Планируемый прием медикаментозных средств зависит от построения тренировок, т. е. поддержание хорошего самочувствия и физической формы является частью подготовки в процессе тренировки;

- обратная взаимосвязь параметра стиля саморегуляции *гибкость* с копинг-стратегией *подавление конкурирующей деятельности* ($r = -0,404$; $p \leq 0,05$). Так же как в параметре саморегуляции *программирование*, при наличии большого количества отвлекающих, конкурирующих видов деятельности спортсмену сложнее сосредоточиться на перестроении текущей деятельности;

- обратная взаимосвязь параметра стиля саморегуляции *самостоятельность* с копинг-стратегией *принятие* ($r = -0,426$; $p \leq 0,01$). Если спортсмен берет ответственность на себя, то он не просто пассивно принимает возникшую проблему, а, наоборот, начинает искать пути ее решения, поэтому здесь выявлена отрицательная корреляция.

Заключение

В группах спортсменов и спортсменов-паралимпийцев с различными видами нарушений (зрения, опорно-двигательного аппарата, слуха) можно выделить общие характеристики и отличия. Фактор *поиск внешней поддержки*, характеризующийся принятием или избеганием проблемы, а также фактор *активное планирование для решения проблемы* являются основными. Кроме того, выделены факторы *позитивное переформулирование* и *успокоение*, первый из них обладает достаточной дисперсией, а второй является общим для всех групп, однако в каждой из них он приобретает свою специфику. Также фактору *успокоение* свойственно либо пассивное ожидание, связанное с получением помощи от высших сил (спортсмены надеются на то, что ситуация разрешится сама собой), либо сдерживание (т. е. выживание, отсутствие каких-либо действий), либо отрицание, нежелание думать о проблеме, избегание как мыслей, так и действий по признанию существования проблемы и ее решению.

Таким образом, приоритетными (превалирующими) вторичными факторами для групп С, НЗ, НОДА являются поведенческие и эмоциональные факторы проблемно ориентированного характера, менее выраженными – когнитивные и поведенческие факторы дисфункционального характера; для группы НС – поведенческие факторы проблемно ориентированного характера и когнитивный фактор в основном дисфункционального характера, менее выраженным – эмоциональный фактор преимущественно проблемно ориентированного характера и когнитивный фактор проблемно ориентированного характера.

Исходя из вторичной факторной структуры (по Карверу), копинг-стратегии можно объединить в группы.

В первую группу включены копинг-стратегии, связанные с поиском социальной поддержки как эмоционального характера (группы С, НЗ, НОДА), так и в виде помощи или совета (группа НС), как активной реакции (группы С, НЗ), так и пассивной (группы НОДА, НС).

Вторая группа содержит копинг-стратегии поведенческого характера, связанные с активной реакцией на преодоление проблемной ситуации.

Наибольшая защитная реакция здесь проявляется у спортсменов группы НС, где активные действия взаимосвязаны с нахождением позитивных моментов в проблеме и избеганием мыслей о ней. Можно предположить, что у спортсменов группы НС возникает тревога о том, что они не смогут справиться с ситуацией, и это заставляет их воспринимать ее позитивно или вовсе преуменьшать ее значимость.

Третья, четвертая и пятая группы представлены копинг-стратегиями когнитивного характера. Эти группы связаны с выражением установок и обдумыванием проблемной ситуации, направленных либо на ее разрешение, либо на ее отрицание, избегание или игнорирование.

В отношении взаимосвязи копинг-стратегий и параметров стилей саморегуляции можно сделать следующий вывод. В группе спортсменов (группа С) установлены корреляции преимущественно с поведенческими дисфункциональными копинг-стратегиями (*поведенческий уход от проблемы, использование «успокоительных»*). В группах спортсменов-паралимпийцев (НЗ, НОДА, НС в совокупности) большинство корреляций выявлены с копинг-стратегиями поведенческого характера (это такие проблемно ориентированные копинг-стратегии, как *планирование, использование инструментальной социальной поддержки, подавление конкурирующей деятельности, активное совладание*), а также дисфункционального характера (*поведенческий уход от проблемы, использование «успокоительных», сдерживание*). Выделены копинг-стратегии когнитивного характера, преимущественно проблемно ориентированные (*позитивное переформулирование и личностный рост, принятие, юмор*), а также дисфункциональная копинг-стратегия *отрицание*. Копинг-стратегии эмоционального характера (*концентрация на эмоциях и их активное выражение, обращение к религии, использование эмоциональной социальной поддержки*) реже взаимосвязаны со стилями саморегуляции. Таким образом, копинг-стратегии, находящиеся во взаимодействии с процессом саморегуляции, в первую очередь направлены на активное преодоление трудной ситуации (с незначительным эмоциональным реагированием) или на обдумывание поиска решения.

Библиографические ссылки

1. Исаева ЕР. *Копинг-поведение и психологическая защита личности в условиях здоровья и болезни*. Санкт-Петербург: СПбГМУ; 2009. 136 с.
2. Гордеева ТО, Осин ЕН, Рассказова ЕИ, Сычев ОА, Шевяхова ВЮ. Диагностика копинг-стратегий: адаптация опросника COPE. В: Крюкова ТЛ, Сапоровская МВ, Хазова СА, редакторы. *Психология стресса и совладающего поведения в современном российском обществе. Материалы II Международной научно-практической конференции; 23–25 сентября 2010 г.; Кострома, Россия. Том 2*. Кострома: КГУ имени Н. А. Некрасова; 2010. с. 195–197.
3. Моросанова ВИ, Бондаренко ИН. *Диагностика саморегуляции человека*. Шапошникова ОВ, редактор. Москва: Когито-центр; 2015. 304 с.
4. Сладкова НА, автор-составитель. *Функциональная классификация в паралимпийском спорте*. Москва: Советский спорт; 2011. 160 с.

5. Carver CS, Scheier MF, Weintraub JK. Assessing coping strategies: a theoretically based approach. *Journal of Personality and Social Psychology*. 1989;56(2):267–283. DOI: 10.1037/0022-3514.56.2.267.
6. Крюкова ТЛ. *Психология совладающего поведения*. Кострома: КГУ имени Н. А. Некрасова; 2010. 343 с.
7. Шестиловская НА. Сравнительный анализ факторной структуры саморегуляции спортсменов и паралимпийцев. *Право. Экономика. Психология*. 2021;1(21):89–94.
8. Наследов АД. *Математические методы психологического исследования. Анализ и интерпретация данных*. Санкт-Петербург: Речь; 2004. 392 с.
9. Дорогонько ЕВ. *Обработка и анализ социологических данных с помощью пакета SPSS*. Сургут: СурГУ; 2010. с. 83–95.

References

1. Isaeva ER. *Koping-povedenie i psikhologicheskaya zashchita lichnosti v usloviyakh zdorov'ya i bolezni* [Coping-behavior and psychological protection of the individual in conditions of health and disease]. Saint Petersburg: Pavlov First Saint Petersburg State Medical University; 2009. 136 p. Russian.
2. Gordeeva TO, Osin EN, Rasskazova EI, Sychev OA, Shevyakhova VYu. [Measurement of coping strategies: the Russian adaptation of COPE test]. In: Kryukova TL, Saporovskaya MV, Khazova SA, editors. *Psikhologiya stressa i sovladayushchego povedeniya v sovremennom rossiiskom obshchestve. Materialy II Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii; 23–25 sentyabrya 2010 g.; Kostroma, Rossiya. Tom 2* [Psychology of stress and coping behavior in modern Russian society. Materials of the 2nd International scientific-practical conference; 2010 September 23–25; Kostroma, Russia. Volume 2]. Kostroma: Kostroma State University named after N. A. Nekrasova; 2010. p. 195–197. Russian.
3. Morosanova VI, Bondarenko IN. *Diagnostika samoregulyatsii cheloveka* [Diagnostics of human self-regulation]. Shaposhnikova OV, editor. Moscow: Kogito-Center; 2015. 304 p. Russian.
4. Sladkova NA, author-compiler. *Funktsional'naya klassifikatsiya v paralimpiiskom sporte* [Functional classification in Paralympic sport]. Moscow: Sovetskii sport; 2011. 160 p. Russian.
5. Carver CS, Scheier MF, Weintraub JK. Assessing coping strategies: a theoretically based approach. *Journal of Personality and Social Psychology*. 1989;56(2):267–283. DOI: 10.1037/0022-3514.56.2.267.
6. Krukova TL. *Psikhologiya sovladayushchego povedeniya* [Psychology of coping behavior]. Kostroma: Kostroma State University named after N. A. Nekrasova; 2010. 343 p. Russian.
7. Shestilovskaya NA. A Comparative analysis of the factor structure of athletes and paralympians' self-regulation. *Pravo. Economica. Psychologia*. 2021;1(21):89–94. Russian.
8. Nasledov AD. *Matematicheskie metody psikhologicheskogo issledovaniya. Analiz i interpretatsiya dannykh* [Mathematical methods of psychological research. Data analysis and interpretation]. Saint Petersburg: Rech'; 2004. 392 p. Russian.
9. Dorogonko EV. *Obrabotka i analiz sotsiologicheskikh dannykh s pomoshch'yu paketa SPSS* [Processing and analysis of sociological data using the SPSS package]. Surgut: Surgut State University; 2010. p. 83–95. Russian.

Статья поступила в редакцию 11.07.2021.
Received by editorial board 11.07.2021.

УДК 159.9.072.433

ПРОГНОСТИЧЕСКИЕ ПОКАЗАТЕЛИ УСТАНОВОК К СЕКСУ У ЖЕНЩИН И МУЖЧИН С РАЗЛИЧНОЙ СЕКСУАЛЬНОЙ ОРИЕНТАЦИЕЙ

Ж. В. ГРОДЬ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Представлен результат исследования установок к сексу у индивидов с различной сексуальной ориентацией. Раскрыта значимость вопросов сексуальности человека, в частности его сексуальных установок. Описаны методологический подход к исследованию установок к сексу и опросник установок к сексу Г. Айзенка. Определены прогностические показатели установок к сексу у женщин и мужчин с гетеросексуальной, бисексуальной и гомосексуальной ориентацией.

Ключевые слова: сексуальность; сексуальная ориентация; сексуальные установки; прогностические показатели установок.

PREDICTIVE INDICATORS OF SEX ATTITUDES IN WOMEN AND MEN WITH DIFFERENT SEXUAL ORIENTATIONS

J. V. GROD^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

This article describes the results of a study of attitudes toward sex in individuals with different sexual orientations. It reveals the importance of the issues of human sexuality, especially sexual attitudes. There are described methodological approach and technique of H. Eysenck to the study of attitudes towards sex. Predictive indicators of attitudes towards sex in women and men with heterosexual, bisexual and homosexual orientations were determined.

Keywords: sexuality; sexual orientation; sexual attitudes; predictive indicators of sex attitudes.

Введение

В современном мире вопросы сексуальности человека являются одной из важнейших и сложнейших проблем по своей практической значимости и актуальности. В настоящее время общество, наконец, пришло к пониманию того, что сексуальная сфера жизни человека – такая же полноценная и важная часть его жизнедеятельности, как и любая другая.

В процессе развития общества сексуальные установки и представления о сексуальности постоян-

но претерпевают различные изменения. Например, в последнее время стали более приемлемы мастурбация и добрачный секс. Открытость таких тем, как сексуальная ориентация, альтернативное сексуальное поведение и половая идентификация, заметно возросла. Однако споры относительно допустимости данных явлений не утихают. Двойные стандарты мужской и женской сексуальности продолжают существовать и даже распространяться в различных культурах [1; 2].

Образец цитирования:

Гродь ЖВ. Прогностические показатели установок к сексу у женщин и мужчин с различной сексуальной ориентацией. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология.* 2021;3:116–123.

For citation:

Grod JV. Predictive indicators of sex attitudes in women and men with different sexual orientations. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2021;3:116–123. Russian.

Автор:

Жанна Валерьяновна Гродь – аспирантка кафедры социальной и организационной психологии факультета философии и социальных наук. Научный руководитель – доктор психологических наук, профессор И. А. Фурманов.

Author:

Janet V. Grod, postgraduate student at the department of social and organisational psychology, faculty of philosophy and social sciences.
grod_janet@mail.ru

Во многом благодаря накопленным эмпирическим данным происходит нормализация форм сексуальности, ранее считавшихся аморальными. Наиболее значимыми были работа А. Ч. Кинси [3] (позволили по-новому взглянуть на все разнообразие сексуального поведения человека), труд У. Х. Мастерс, В. Э. Джонсон, Р. К. Колодный [4] (проложили новые пути к пониманию физиологии секса и лечению расстройств половой функции), работа по систематизации сексологических знаний Г. Ф. Келли [5], очерки сексуального поведения И. С. Кона [6; 7]. Так, в 1974 г. правление Американской психиатрической ассоциации исключило гомосексуальность из второй версии списка психических расстройств Диагностического и статистического руководства по психическим расстройствам (DSM-II). С 1990 г. в Международной классификации болезней (МКБ-10), созданной Всемирной организацией здравоохранения, данная сексуальная ориентация не классифицируется как заболевание. В 2016 г. Всемирная психиатрическая ассоциация приняла декларацию, согласно которой гомосексуальное влечение, ориентация и поведение являются нормальными вариантами сексуальности человека [8–10].

Несмотря на то что сегодня сексуальные темы обсуждаются более открыто, многие вопросы все

еще остаются нераскрытыми и трактуются двусмысленно. По этой причине в данной сфере в современном научном мире проводятся исследования. В частности, широко востребованным является опросник установок к сексу Г. Айзенка. Данная методика используется в работах по изучению сексуальных установок общества в России, Западной Европе, Северной Америке [11–15]. В Республике Беларусь тема сексуальности набирает популярность как у психологов, так и у психиатров, гинекологов, имеющих соответствующую профессиональную подготовку. Решение вопросов, связанных с данной темой, считается важным, поскольку игнорирование проблем в сексуальной сфере может привести к ухудшению качества жизни населения.

Настоящее исследование является актуальным ввиду возрастающих потребностей в анализе сексуальной сферы общества, привлечении внимания к сексуальным установкам как мужчин, так и женщин с гетеросексуальной и гомосексуальной ориентацией, которые на данный момент являются недостаточно изученными.

Цель исследования состоит в определении прогностических показателей установок к сексу у женщин и мужчин с различной сексуальной ориентацией.

Материалы и методы исследования

В качестве методологических основ эмпирического исследования использованы концепция личности Г. Айзенка [15; 16] и генетический подход Г. Айзенка к понятию «установка» [15; 17].

В концепции личности Г. Айзенка элементы личности расположены иерархично, также выделены четыре уровня организации поведения. Первый (нижний) уровень образуют специфические действия или мысли. Это определенные паттерны поведения или размышления, которые, вероятно, могут быть характеристиками личности. Второй – составляют привычные действия или мысли, т. е. реакции, которые при определенных условиях повторяются. Они выделяются посредством факторного анализа специфических реакций. Третий уровень занимает черта – важное, относительно постоянное личное свойство, которое формируется из нескольких взаимосвязанных привычных реакций. Четвертый (высший) уровень включает типы или суперфакторы. Он формируется из нескольких связанных между собой черт. Таким образом, привычные реакции являются характерными, они лишены случайного компонента и образуют специфические факторы; черты – это система определенных реакций без учета случайной дисперсии, тип – это структура специфических реакций, исключающих случайные, специфические и групповые отклонения. По данной концепции организованы многие методики Г. Айзенка, в том числе и его опросник установок к сексу.

В рамках генетического подхода Г. Айзенка формирование установок косвенно может быть обусловлено генетическими особенностями, проявляющимися во врожденных различиях темперамента, интеллектуальных способностях, биохимических реакциях и т. д. Экстраверты склонны к более широкому диапазону сексуального поведения, частой смене партнеров, раннему началу половой жизни и большей сексуальной активности, чем интроверты. У людей с высокими показателями нейротизма, соответственно, сильнее проявляется тревожность и отвращение к сексу, у индивидов с высокими показателями психотизма – склонность к агрессивному и обезличенному сексу.

Г. Айзенк утверждает, что личностные особенности человека жестко завязаны на механизмах реакций, носящих физиологический и неврологический характер, которые имеют твердую анатомическую основу, т. е. являются продуктом взаимодействия врожденных факторов и условий окружающей среды. Таким образом, существует довольно тесная связь между личностью человека и его сексуальными установками, взглядами, поведением.

Для изучения прогностических показателей установок к сексу у мужчин и женщин с различной сексуальной ориентацией было проведено исследование, в котором использовался опросник установок к сексу, разработанный Г. Айзенком (в адаптации С. Д. Бирюкова).

В настоящем исследовании данная методика применяется в полной форме (она включает 159 вопросов, 11 обобщенных шкал и 3 шкалы более высокого порядка) [16]. Для групп вопросов Г. Айзенк установил коэффициенты надежности и стандартные отклонения, разработал тестовые нормы, осуществил процедуры стандартизации и валидизации методики. С этой целью было проведено множество исследований, осуществлено сравнение данных опросника с показателями других шкал сексуальных отношений, сопоставлены результаты в различных выборках, выявлены сведения о критериальной валидности, полученные на клинических выборках и в ходе близнецовых исследований. В настоящее время методика не находит широкого распространения в индивидуальных психодиагностических исследованиях и консультировании [18]. Наряду с ис-

следованием установок к сексу, названный опросник может использоваться для прогноза удовлетворенности браком, выявления отклонений в сексуальном поведении, а также для диагностики маскулинности-феминности.

В исследовании приняли участие 382 респондента (женщины и мужчины в возрасте от 18 до 28 лет). Из них гетеросексуальную ориентацию имеют 186 человек, гомосексуальную – 150 человек и бисексуальную – 46 человек (для них характерен гетеросексуальный и (или) гомосексуальный опыт).

Полученные данные были статистически обработаны с помощью программы *SPSS v.13.0 for Windows*. Для определения прогностических показателей установок к сексу у индивидов с различной сексуальной ориентацией использовался множественный регрессионный анализ.

Результаты и их обсуждение

Проведенные исследования свидетельствовали о наличии *прогностических показателей установок к сексу у женщин и мужчин с гетеросексуальной, гомосексуальной и бисексуальной ориентацией* (рис. 1–3).

В результате полученных закономерностей было выявлено, что прогностическая модель женщин и мужчин с *гетеросексуальной ориентацией* основывается на показателях маскулинно-феминных черт в сексуальном поведении, т. е. цело-

мудрии, реализованности и сексуальной невротичности (см. рис. 1).

Таким образом, наиболее важными информативными признаками гетеросексуальных мужчин и женщин являются маскулинное и фемининное поведение в интимных отношениях, проявление целомудрия и воздержания от сексуальной активности, достаточная реализованность сексуальных желаний и высокая сексуальная невротичность.

$$y = -1,319 + 0,053 + 0,041 + 0,047 + 0,031$$

Рис. 1. Прогностические показатели установок к сексу у гетеросексуальных индивидов

Fig. 1. Predictive indicators of attitudes towards sex in heterosexual individuals

Прогностическая модель женщин и мужчин с *гомосексуальной ориентацией* указывает на наличие у данных респондентов отвращения к сексу, агрессивного секса, высокого сексуального влечения и сексуальной невротичности (см. рис. 2).

Среди наиболее важных информативных признаков, характеризующих гомосексуальных мужчин и женщин, выступают антипатия к традиционным сексуальным практикам, проявление агрессивности, сильного сексуального желания и высокой невротичности.

$$y = -0,474 + 0,027 + 0,099 - 0,085 + 0,038$$

Рис. 2. Прогностические показатели установок к сексу у гомосексуальных индивидов

Fig. 2. Predictive indicators of attitudes towards sex in homosexual individuals

$$y = 0,318 + 0,126 + 0,065 - 0,079 - 0,049$$

Рис. 3. Прогностические показатели установок к сексу у бисексуальных индивидов

Fig. 3. Predictive indicators of attitudes towards sex in bisexual individuals

Прогностическая модель женщин и мужчин с бисексуальной ориентацией опирается на показатели обезличенного секса, отвращения к сексу, физического секса, дозволенности (см. рис. 3).

Следовательно, наиболее важными информативными признаками бисексуальных мужчин и жен-

щин являются высокий уровень дозволенности различной сексуальной активности, стремление к удовлетворению сексуальных желаний вне зависимости от пола партнера и его личностных качеств с одновременной неприязнью к сексуальным практикам.

Заключение

Таким образом, на основе предсказательных параметров выявлено, что у женщин с гетеросексуальной ориентацией наблюдаются определенные закономерности. Чем больше проявляется маскулинных черт в сексуальном поведении женщин, тем сильнее у них выражены сексуальная чувствительность и либидо. Такие женщины легче относятся к сексу-

альным отношениям, больше стремятся к физической близости, не обращая внимания на личностные качества партнера, интересуются порнографическими материалами. Чем больше женщины демонстрируют фемининные черты в сексуальном поведении, тем сильнее они скрывают свою сексуальную чувствительность, проявляют консервативность

и недоверие к партнерам, могут избегать сексуальной близости. У них снижено сексуальное влечение. Для этих женщин свойственна слабая реализованность сексуальных отношений, которыми они, естественно, не удовлетворены. Для такого женского поведения существует объяснение. Общество предписывает девушкам быть скромными и консервативными в сексуальных отношениях, скрывать свои сексуальные желания, демонстрировать недоступность. Это влечет за собой разочарования во взаимоотношениях с партнерами и сексуальную неудовлетворенность. Полученные результаты также подтверждаются многочисленными исследованиями, которые обосновывают данное поведение женщин большей сконцентрированностью на любви, эмоциональных переживаниях и межличностных отношениях, боязнью осуждения окружающими их полового поведения, а также указывают на негативные последствия: неполноценность сексуальной сферы, склонность к возникновению неврозов [19–21].

У женщин с гомосексуальной и бисексуальной ориентацией обнаруживаются схожие с гетеросексуальными женщинами закономерности: чем больше маскулинных черт в сексуальном поведении женщин и сильнее их либидо, тем больше невротических реакций проявляется в их поведении. Они легче относятся к сексуальным отношениям, интересуются порнографией, больше стремятся к физической близости и агрессивным сексуальным действиям. Их сексуальная чувствительность развита сильнее. Однако все это не подтверждает их полную удовлетворенность сексуальной жизнью. Чем больше женщины проявляют фемининных черт в сексуальном поведении, тем больше они скрывают свою сексуальную чувствительность, избегают сексуальной близости, сторонятся отношений с противоположным полом. У них слабее выражено либидо, меньше реализованы сексуальные отношения. Это можно объяснить тем, что общество порицает гомосексуальность. Следовательно, гомосексуальные женщины не могут вести себя в этом обществе так, как им хотелось бы. Многие не могут в полной мере принять свою гомосексуальность. В половых отношениях женщины по очередности или односторонне принимают мужские черты поведения, которые считают для себя приемлемыми. Американские исследователи также получили подобные результаты, которые говорят о том, что гомосексуальные люди ввиду своей ориентации боятся потерять свое социальное положение, работу, друзей и родителей. Люди с данной сексуальной ориентацией специально спонсируют похожие исследования, чтобы доказать окружающим, что они такие же «нормальные», как и гетеросексуалы [22–24].

У мужчин с гетеросексуальной ориентацией наблюдаются следующие закономерности: чем выше сексуальное либидо и сексуальная чувствительность, тем больше проявляется маскулинных черт в сексу-

альном поведении мужчин, тем сильнее их стремление к физическому половому акту и проявлению агрессивности в половых отношениях. Такие мужчины легче относятся к сексу, чаще просматривают порнографические материалы. В поведении мужчин данной сексуальной ориентации больше проявляется невротичных реакций. Однако это все не указывает на их удовлетворенность сексуальной жизнью и реализованность их сексуальных желаний, а, наоборот, говорил об их недостатке. Это состояние обусловлено, с одной стороны, тем, что гетеросексуальные мужчины стремятся получить физическое удовольствие, сбросить напряжение и повысить самооценку благодаря сексуальным отношениям, а с другой – таких мужчин беспокоит вероятность неудачи в отношениях с противоположным полом, боязнь быть отверженными и несостоятельными в сексуальном плане. Данные выводы подтверждаются отечественными и зарубежными исследованиями [25–27].

У мужчин с гомосексуальной и бисексуальной ориентацией выявляются схожие с гетеросексуальными мужчинами закономерности: чем выше их либидо и сексуальная чувствительность, тем больше прослеживаются маскулинных черт в сексуальном поведении мужчин, тем сильнее их стремление к физическому половому акту и проявлению агрессивности в половых отношениях. Они легче относятся к сексу, чаще просматривают порнографические материалы и больше проявляют невротичных реакций в своем поведении, что влечет за собой неудовлетворенность сексуальной жизнью и нереализованность сексуальных желаний. Это мотивировано тем, что гетеросексуальные мужчины стремятся получить физическое удовольствие, сбросить напряжение и повысить самооценку посредством сексуальных отношений. Такие мужчины с высокой вероятностью вступят в сексуальную связь со случайным партнером. Подобные выводы сделали ученые [28; 29], которые в результате исследования выяснили, что для мужчин-гомосексуалов более свойственны отношения по типу промискуитета, основанному на сексуальной привлекательности партнера. Стремление к прочным отношениям не является для них предпочтительным. Результаты указывают на недолговечность отношений и на их сексуальный, а не чувственный характер.

Кроме этого, мужчины с гомосексуальной и бисексуальной ориентацией демонстрируют отвращение к традиционным видам сексуального поведения (близость с партнером противоположного пола), смущаются и нервничают в отношениях с противоположным полом, а также воздерживаются даже от проявления сексуальной чувствительности, что снижает их сексуальное влечение, стремление к физической близости и возбудимость. Это можно объяснить тем, что гомосексуальные мужчины терпят неудачи в отношениях с противоположным полом, поэтому они стараются избежать очередного провала. К тому

же в обществе порицается их сексуальная ориентация, из-за этого они вынуждено скрывают сексуальные предпочтения, иногда не до конца принимают свою сексуальную ориентацию, ведут себя настороженно, чтобы избежать неприятностей [30; 31].

Таким образом, выделяются два взаимосвязанных блока установок к сексу, которые в разной степени характерны для женщин и мужчин с гетеросексуальной, гомосексуальной и бисексуальной ориентацией.

Первый блок характеризуется преобладанием установок, сконцентрированных на сексуальном

влечении, склонности к обезличенному и агрессивному сексу, просмотру порнографии, большей дозволенности в сексуальных отношениях, высокой сексуальной возбудимостью и невротичностью, а также яркой выраженностью маскулинных черт в сексуальном поведении.

Второй блок указывает на преимущество установок, сконцентрированных на сексуальной застенчивости, склонности к целомудрию, большему отвращению к сексу, на низкой сексуальной удовлетворенности, возбудимости, а также на преобладании фемининных черт в сексуальном поведении.

Библиографические ссылки

1. Голод СИ. *XX век и тенденции сексуальных отношений в России*. Санкт-Петербург: Алетейя; 1996. 192 с.
2. Гродь ЖВ. Особенности установок к сексу у женщин и мужчин с различной сексуальной ориентацией. В: Защиринской ОВ, Шаболтас АВ, редакторы. *Психология XXI века: системный подход и междисциплинарные исследования. Сборник научных трудов участников Международной научной конференции молодых ученых; 18–20 апреля 2017 г.; Санкт-Петербург, Россия. Том 1*. Санкт-Петербург: Скифия-принт; 2017. с. 50–54.
3. Kinsey AC, Pomeroy WB, Martin CE, Gebhard PH. *Sexual behavior in the human female*. Philadelphia: Saunders; 1953. 842 p.
4. Мастерс УХ, Джонсон ВЭ, Колодны РК. *Мастерс и Джонсон о любви и сексе. Том 1*. Пивоваренок НМ, Романова ТП, Яблочкина ЕА, переводчики. Санкт-Петербург: Ретур; 1991. 272 с.
5. Келли ГФ. *Основы современной сексологии*. 6-е издание. Голубев А, Исупова Н, Комаров С, Мисник В, Панков С, Рысев С, Турутина Е, переводчики. Санкт-Петербург: Питер; 2000. 896 с. (Учебник нового века).
6. Кон ИС. *Лунный свет на заре. Лики и маски однополый любви*. Москва: Олимп; 1998. 496 с.
7. Кон ИС. О нормализации гомосексуальности. *Сексология и сексопатология*. 2003;2:2–12.
8. Кордуэлл М. *Психология. А–Я*. Ткаченко КС, переводчик. Москва: Фаир-Пресс; 2000. 448 с.
9. Кириченко К, составитель; Костенко Н, редактор. *Избранные решения Европейского суда по правам человека. Вопросы сексуальной ориентации и гендерной идентичности*. Москва: Московская Хельсинкская группа; 2010. 104 с.
10. Glassgold JM, Beckstead L, Drescher J, Greene B, Miller RL, Worthington RL, et al. Report of the American psychological association task force on appropriate therapeutic responses to sexual orientation [Internet]. 2009 [cited 2021 February 10]. Available from: <http://www.apa.org/pi/lgbcc/publications/therapeutic-resp.html>.
11. Гродь ЖВ. Установки к сексу у индивидов с различной сексуальной ориентацией. В: Крейдун НП, Иванова ОФ, Кряж ИВ, Кочарян ОС, Яворовська ЛМ, Баліцька АР та інші., редакторы. *Вектори Психології – 2019. Матеріали Міжнародної молодіжної науково-практичної конференції; 24 квітня 2019 р.; Харків, Україна*. Харків: Харківський національний університет імені В. Н. Каразіна; 2019. с. 108–110.
12. Гродь ЖВ. Установки к сексу у девушек и юношей с различной сексуальной ориентацией. В: Ракицкая АВ, Митрофанова ОГ, редакторы. *Актуальные проблемы современной психологии. Сборник материалов XVIII Международной студенческой научно-практической конференции; 5 апреля 2018 г.; Гродно, Беларусь*. Гродно: ГрГУ; 2018. с. 147–151.
13. Лазарева ЕЮ. Психологические особенности сексуальности у женщин [Интернет]. 2017 [цитировано 10 февраля 2021 г.]. Доступно по: <https://www.b17.ru/article/14457/>.
14. Basabas MC, Greaves L, Barlow FK, Sibley CG. Sexual orientation moderates the effect of gender on body satisfaction: results from a national probability sample. *The Journal of Sex Research*. 2019;56(9):1091–1100. DOI: 10.1080/00224499.2019.1667947.
15. Eysenck HJ. *Sex and Personality*. London: Open Books; 1976; 255 p.
16. Айзенк ГЮ, Вильсон Г. *Как измерить личность*. Белопольский А, переводчик. Москва: Когито-Центр; 2000. 283 с.
17. Eysenck HJ. The structure of social attitudes. *British Journal of Social and Clinical Psychology*. 1975;14:323–331.
18. Кашенко ЕА. *Основы социокультурной сексологии*. Москва: Либроком; 2011. 256 с.
19. Гродь ЖВ. Установки к сексу у индивидов с различной сексуальной ориентацией. В: Сафонов ВГ, Кутавичюс ВП, Захаров АГ, Кухаренко АА, Василевич МН, Вологина ОВ и др., редакторы. *Материалы 76-й научной конференции студентов и аспирантов Белорусского государственного университета; 13–24 мая 2019 г.; Минск, Беларусь. Часть 2*. Минск: БГУ; 2019. с. 82–86.
20. Кон ИС. *Введение в сексологию*. Москва: Олимп; 1999. 288 с. Совместно с издательством «Инфра-М». (Высшее образование).
21. Meston CM, Buss DM. Why humans have sex. *Archives of Sexual Behavior*. 2007;36:477–507. DOI: 10.1007/s10508-007-9175-2.
22. Мазуркевич МВ, Фирсова ТА. Нейрогормональные аспекты полового влечения у женщин. *Андрология и генитальная хирургия*. 2015;16(1):41–44. DOI: 10.17650/2070-9781-2015-1-41-44.
23. Cooper ML, Barber LL, Zhaoyang R, Talley AE. Motivational pursuits in the context of human sexual relationships. *Journal of Personality*. 2011;79(6):1333–1368.
24. Leigh BC. Reasons for having and avoiding sex: gender, sexual orientation, and relationship to sexual behavior. *The Journal of Sex Research*. 1989;26(2):199–209. DOI: 10.1080/00224498909551506.
25. Фурманов ИА. Половые и возрастные различия сексуальной мотивации в период ранней взрослости. В: Коломейцев ЮА, Пергаменчик ЛА, редакторы. *Психологическое здоровье в контексте развития личности. Материалы VII Республиканской научно-практической конференции; 18 февраля 2016 г.; Брест, Беларусь*. Брест: БРГУ; 2016. с. 22–25.

26. Lewis R, Tanton C, Mercer CH, Mitchell KR, Palmer M, Macdowall W, et al. Heterosexual practices among young people in Britain: evidence from three national surveys of sexual attitudes and lifestyles. *Journal of Adolescent Health*. 2017;61(6):694–702. DOI: 10.1016/j.jadohealth.2017.07.004.
27. Petersen JL, Hyde JS. Gender differences in sexual attitudes and behaviors: a review of meta-analytic results and large datasets. *Journal of Sex Research*. 2011;48(2–3):149–165. DOI: 10.1080/00224499.2011.551851.
28. Bowring AL, Vella AM, Degenhardt L, Hellard M, Lim MS. Sexual identity, same-sex partners and risk behaviour among a community-based sample of young people in Australia. *International Journal on Drug Policy*. 2015;26(2):153–161. DOI: 10.1016/j.drugpo.2014.07.015.
29. Copen CE, Chandra A, Febo-Vazquez I. Sexual behavior, sexual attraction, and sexual orientation among adults aged 18–44 in the United States. Data from the 2011–2013 National survey of family growth. *National Health Statistics Reports*. 2016;88:1–14.
30. Barnes GE, Malamuth NM, Check JV. Personality and sexuality. *Personality and Individual Differences*. 1984;5(2):159–172. DOI: 10.1016/0191-8869(84)90048-5.
31. Bem DJ. Exotic becomes erotic: Interpreting the biological correlates of sexual orientation. *Archives of Sexual Behavior*. 2000;29:531–548. DOI: 10.1023/A:1002050303320.

References

1. Golod SI. *XX vek i tendentsii seksual'nykh otnoshenii v Rossii* [20th century and tendencies of sexual relations in Russia]. Saint Petersburg: Aleteiya; 1996. 192 p. Russian.
2. Grod JV. Features of attitudes towards sex in women and men with different sexual orientations. In: Zashchirin-skoi OV, Shaboltas AV, editors. *Psikhologiya XXI veka: sistemnyi podkhod i mezhdistsiplinarye issledovaniya. Sbornik nauchnykh trudov uchastnikov Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii molodykh uchenykh; 18–20 aprelya 2017 g.; Sankt-Peterburg, Rossiya. Tom 1* [Psychology of the 21st century: a systematic approach and interdisciplinary research. Collection of scientific papers of the participants of the International scientific conference of young scientists; 2017 April 18–20; Saint Petersburg, Russia. Volume 1]. Saint Peterburg: Skifiya-print; 2017. p. 50–54. Russian.
3. Kinsey AC, Pomeroy WB, Martin CE, Gebhard PH. *Sexual behavior in the human female*. Philadelphia: Saunders; 1953. 842 p.
4. Masters WH, Johnson VE, Kolodny RC. *Masters and Johnson on sex and human loving*. New York: Little, Brown and Company; 1988. 621 p.
Russian edition: Masters WH, Johnson VE, Kolodny RC. *Masters i Dzhonson o lyubvi i sekse. Tom 1*. Pivovarenok NM, Romanova TP, Yablochkina EA, translators. Saint Petersburg: Retur; 1991. 272 p.
5. Kelly GF. *Sexuality today*. Boston: McGraw-Hill Education; 2007. 608 p.
Russian edition: Kelli GF. *Osnovy sovremennoi seksologii*. Golubev A, Isupova N, Komarov S, Misnik V, Pankov S, Rysev S, Turutina E, translators. 6th edition. Saint Petersburg: Piter; 2000. 896 p. (Uchebnik novogo veka).
6. Kon IS. *Lunnyi svet na zare. Liki i maski odnopoloi lyubvi* [Moonlight at dawn. Faces and masks of same-sex love]. Moscow: Olympus; 1998.
7. Kon IS. [On the normalisation of homosexuality]. *Seksologiya i seksopatologiya*. 2003;2:2–12. Russian.
8. Cardwell M. *Dictionary of psychology*. London: Fitzroy Dearborn Publishers; 1996. 249 p.
Russian edition: Cardwell M. *Psikhologiya. A–Ya*. Tkachenko KS, translator. Moscow: Fair-Press; 2000. 448 p.
9. Kirichenko K, compiler; Kostenko N, editor. *Izbrannye resheniya Evropeiskogo suda po pravam cheloveka. Voprosy seksual'noi orientatsii i gendernoi identichnosti* [Selected judgments of the European court of human rights. Sexual orientation and gender identity issues]. Moscow: Moscow Helsinki Group; 2010. 104 p. Russian.
10. Glassgold JM, Beckstead L, Drescher J, Greene B, Miller RL, Worthington RL, et al. Report of the American psychological association task force on appropriate therapeutic responses to sexual orientation [Internet]. 2009 [cited 2021 February 10]. Available from: <http://www.apa.org/pi/lgbcc/publications/therapeutic-resp.html>.
11. Grod JV. [Sexual attitudes in individuals with different sexual orientations]. In: Krejdnun NP, Ivanova OF, Krjazh IV, Kocharjan OS, Yavorovs'ka LM, Balic'ka AR, etc., editors. *Vektory Psichologii' – 2019. Materialy Mizhnarodnoi' molodizhnoi' naukovopraktychnoi' konferentsii; 24 kvitnja 2019 r.; Harkiv, Ukrai'na* [Vectors of Psychology – 2019. Proceedings of the International youth scientific and practical conference; 2019 April 24; Kharkiv, Ukraine]. Kharkiv: V. N. Karazin Kharkiv National University; 2019. p. 107–109. Russian.
12. Grod JV. [Attitudes towards sex in girls and boys with different sexual orientations]. In: Rakitskaya AV, Mitrofanova OG, editors. *Aktual'nye problemy sovremennoi psikhologii. Sbornik materialov XVIII Mezhdunarodnoi studencheskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii; 5 aprelya 2018 g.; Grodno, Belarus* [Actual problems of modern psychology. Collection of materials of the 18th International student scientific and practical conference; 2018 April 5; Grodno, Belarus]. Grodno: Yanka Kupala State University of Grodno; 2018. p. 147–151. Russian.
13. Lazareva EYu. *Psychological characteristics of sexuality in women* [Internet]. 2017 [cited 2021 February 10]. Available from: <https://www.b17.ru/article/14457/>. Russian.
14. Basabas MC, Greaves L, Barlow FK, Sibley CG. Sexual orientation moderates the effect of gender on body satisfaction: results from a national probability sample. *The Journal of Sex Research*. 2019;56(9):1091–1100. DOI: 10.1080/00224499.2019.1667947.
15. Eysenck HJ. *Sex and Personality*. London: Open Books; 1976; 255 p.
16. Eysenck HJ, Wilson G. *Know your own personality*. Harmondsworth: Penguin Books; 1976. 206 p.
Russian edition: Eysenck HJ, Wilson G. *Kak izmerit' lichnost'*. Belopol'skii A, translator. Moscow: Kogito-Tsentr; 2000. 283 p.
17. Eysenck HJ. The structure of social attitudes. *British journal of social and clinical psychology*. 1975;14:323–331.
18. Kashchenko EA. *Osnovy sotsiokul'turnoi seksologii* [Foundations of sociocultural sexology]. Moscow: Librokom; 2011. 256 p. Russian.
19. Grod JV. [Attitudes towards sex in individuals with different sexual orientations] In: Safonov VG, Kutavichyus VP, Zakharov AG, Kukharenko AA, Vasilevich MN, Vologina OV, et al., editors. *Materialy 76-i nauchnoi konferentsii studentov i as-*

pirantov Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta; 13–24 maya 2019 g.; Minsk, Belarus'. Chast' 2 [Materials of the 76th scientific conference of students and postgraduates of the Belarusian State University; 2019 May 13–24; Minsk, Belarus. Part 2]. Minsk: Belarusian State University; 2019. p. 82–86. Russian.

20. Kon IS. *Vvedenie v seksologiyu* [Introduction to sexology]. Moscow: Olimp; 1999. 288 p. Co-published by the «Infra-M» (Vysshee obrazovanie). Russian.

21. Meston CM, Buss DM. Why humans have sex. *Archives of Sexual Behavior*. 2007;36:477–507. DOI: 10.1007/s10508-007-9175-2.

22. Mazurkevich MV, Firsova TA. Neurohormonal aspects of sexual drive in women. *Andrologiya i genital'naya khirurgiya*. 2015;16(1):41–44. DOI: 10.17650/2070-9781-2015-1-41-44. Russian.

23. Cooper ML, Barber LL, Zhaoyang R, Talley AE. Motivational pursuits in the context of human sexual relationships. *Journal of Personality*. 2011;79(6):1333–1368.

24. Leigh BC. Reasons for having and avoiding sex: gender, sexual orientation, and relationship to sexual behavior. *The Journal of Sex Research*. 1989;26(2):199–209. DOI: 10.1080/00224498909551506.

25. Furmanov IA. [Sex and age differences in sexual motivation during early adulthood]. In: Kolomeitsev YuA, Pergamenshchik LA, editors. *Psikhologicheskoe zdorov'e v kontekste razvitiya lichnosti. Materialy VII Respublikanskoj nauchno-prakticheskoi konferentsii; 18 fevralya 2016 g.; Brest, Belarus'* [Psychological health in the context of personality development. Materials of the 7th Republican scientific and practical Conference; 2016 February 18; Brest, Belarus]. Brest: Brest State A. S. Pushkin University; 2016. p. 22–25. Russian.

26. Lewis R, Tanton C, Mercer CH, Mitchell KR, Palmer M, Macdowall W, et al. Heterosexual practices among young people in Britain: Evidence from three national surveys of sexual attitudes and lifestyles. *Journal of Adolescent Health*. 2017;61(6):694–702. DOI: 10.1016/j.jadohealth.2017.07.004.

27. Petersen JL, Hyde JS. Gender differences in sexual attitudes and behaviors: a review of meta-analytic results and large datasets. *Journal of Sex Research*. 2011;48(2–3):149–165. DOI: 10.1080/00224499.2011.551851.

28. Bowring AL, Vella AM, Degenhardt L, Hellard M, Lim MS. Sexual identity, same-sex partners and risk behaviour among a community-based sample of young people in Australia. *International Journal on Drug Policy*. 2015;26(2):153–161. DOI: 10.1016/j.drugpo.2014.07.015.

29. Copen CE, Chandra A, Febo-Vazquez I. Sexual behavior, sexual attraction, and sexual orientation among adults aged 18–44 in the United States: Data from the 2011–2013 National survey of family growth. *National Health Statistics Reports*. 2016;88:1–14.

30. Barnes GE, Malamuth NM, Check JV. Personality and sexuality. *Personality and Individual Differences*. 1984;5(2): 159–172. DOI: 10.1016/0191-8869(84)90048-5.

31. Bem DJ. Exotic becomes erotic: Interpreting the biological correlates of sexual orientation. *Archives of Sexual Behavior*. 2000;29:531–548. DOI: 10.1023/A:1002050303320.

Статья поступила в редколлегию 10.03.2021.
Received by editorial board 10.03.2021.

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

THE CHRONICLE OF SCIENTIFIC LIFE

XXXIII МЕЖДУНАРОДНЫЙ ГЕГЕЛЕВСКИЙ КОНГРЕСС

XXXIII INTERNATIONAL HEGEL-CONGRESS

В 2020 г. исполнилось 250 лет со дня рождения Георга Вильгельма Фридриха Гегеля (1770–1831) – великого философа, создателя всеобъемлющей системы абсолютного идеализма, ученого, завершившего традицию немецкой классики и новоевропейского рационализма. В честь этого события в июне 2020 г. в Варшаве должен был состояться XXXIII Международный гегелевский конгресс (далее – Конгресс), организатором которого начиная с 1954 г. традиционно выступает Международное гегелевское общество. Однако по известной причине (пандемия коронавируса) Конгресс был отложен. Ровно через год 21 июня 2021 г. Конгресс стартовал в Варшаве в онлайн-формате и продлился до 25 июня¹.

Следует отметить, что еще в прошлом году организаторы Конгресса опубликовали так называемый программный документ, в котором была обнародована концепция будущего форума. В нем, в частности, речь шла о том, что в 2020 г. международное сообщество исследователей Г. В. Ф. Гегеля отмечает два юбилея: 250-летие со дня рождения философа и 200-летие публикации последней изданной им при жизни работы – «Философия права» (1820). Организационный комитет решил, что эти две годовщины дают прекрасную возможность обсудить основную концепцию гегелевской философии – идею свободы во всех ее аспектах. Также подчеркивалось, что Г. В. Ф. Гегель не только в юбилейной книге «Философии права», но и на протяжении всей своей философской работы уделял наибольшее внимание двум аспектам человеческого существования: мышлению и свободе. При этом последняя осмысливалась ученым в самых различных и сложных ее проявлениях: формально-правовом, моральном, эстетическом, экономическом, этическом и граж-

данском. Таким образом, были обозначены общие концептуальные рамки Конгресса. Говорилось о том, что наступило время отказаться и исправить «идеологически оскорбленный образ Гегеля, получивший свое хождение благодаря ставшей весьма популярной интерпретации К. Поппера и сосредоточиться на Гегеле как мыслителе свободы с тем, чтобы коллективно осмыслить социальные, политические и правовые проблемы нашего времени»². Это, по мнению организаторов Конгресса, делает работу с гегелевской теорией свободы крайне актуальной задачей, которая может и должна превосходить чисто историческую интерпретативную модель.

Для обсуждения на Конгрессе был поставлен целый ряд связанных друг с другом следующих вопросов: Как вообще понимать связь между свободой и мышлением? Какую роль играет момент свободы в структуре гегелевской логики? Что представляет собой свобода духа, которая, кажется, действует как внутренний двигатель последовательных форм сознания и знания внутри «феноменологии духа»? Есть ли свобода в природе? В каком смысле историю можно понимать как развитие сознания свободы? Каковы антропологические основания человеческой свободы? Как свобода верующего и сообщества верующих выражается в философии религии? Какую роль играет свобода в художественном произведении согласно гегелевской эстетике?

В соответствии с конкретизированной таким образом тематикой Конгресса были сформированы 12 секций, или панелей: 1) философия субъективного духа и антропология; 2) диалектика и свобода; 3) философия признания; 4) философия права; 5) философия истории Средневековья и Возрождения; 6) философия истории: современная филосо-

¹XXXIII Internationaler Hegel-Congress [Electronic resource]. URL: <https://hegel2020.uw.edu.pl/home> (date of access: 14.04.2020).

²Там же. Здесь и далее перевод наш. – Т. П.

фия и французская революция; 7) философия искусства; 8) философия религии; 9) наука о логике; 10) философия природы; 11) классическая немецкая философия; 12) Г. В. Ф. Гегель и социальная и современная политическая философия.

Самыми малочисленными оказались панели 5 и 10, а самой востребованной – панель 4, посвященная философии права Г. В. Ф. Гегеля. И это не случайно, так как именно в данном разделе гегелевской философии проблема свободы получила наибольшее всестороннее освещение.

География участников Конгресса была весьма широка. Больше всего докладов презентовали хозяева мероприятия – представители Варшавского университета и других университетов Польши, а также немецкие исследователи из университетов Берлина, Кёльна, Бохума, Мюнхена, Франкфурта и др. Среди участников Конгресса были также гегелеведы из Рима, Люцерна, Навары, Вероны, Турку, Ниццы, Парижа, Вильнюса, Мадрида, Сан-Пауло, Торонто, Рио-де-Жанейро, Анкары, Гонконга, а также из таких стран, как Япония, Болгария, Израиль, Литва и др. Представителей России было не так много, да и они не столь известны белорусскому читателю по сравнению с учеными, принимавшими участие в предыдущих гегелевских конгрессах (это такие известные всему миру российские мыслители, как Т. И. Ойзерман, Н. В. Мотрошилова, В. А. Лекторский, А. В. Гулыга, А. Ф. Лосев, И. С. Нарский, Б. М. Кедров, А. Г. Спиркин, Т. Ф. Быкова и др.).

Также на Конгрессе с докладами выступили ученые из Беларуси: профессор Т. Г. Румянцева и преподаватель Н. В. Пухова.

Следует подчеркнуть, что большая часть докладов была сделана не на родном языке Г. В. Ф. Гегеля (так практиковалось в предыдущие годы), а на английском, как, собственно, и на предыдущем XXXII Конгрессе в финском городе Тампере.

Участникам Конгресса также была предложена интересная культурная программа (разумеется, в онлайн-режиме) – это виртуальный тур в исторический кампус Варшавского университета и экскурсия в Дом-музей Гегеля, который находится на его родине в Штутгарте.

Среди авторов пленарных докладов был почетный президент международного гегелевского общества, профессор философии Берлинского университета Гумбольдта А. Арндт (A. Arndt). Многие годы он специализировался на исследованиях немецкой философской классики, философии марксизма и критической теории. На Конгрессе он выступил с докладом по теме «Царство свободы при Марксе».

Профессор В. Джешке (W. Jaeschke), руководитель Архива Гегеля в Рурском университете в Бохуме, прочитал доклад на тему «Долгий путь к свободе». Теме свободы было посвящено еще одно пленарное выступление «Пути к свободе воли. К обновле-

нию концепции воли», представленное В. Вайбел (V. Waibel) – профессором европейской философии Венского университета, организатором XXX Международного гегелевского конгресса в Вене в 2014 г. и XII Международного кантовского конгресса в Вене в 2015 г. С пленарными лекциями также выступили профессор Н. Д. Трещек (N. D. Treščec) хорватского Задарского университета (доклад «Классическая скульптура и свобода у Гегеля») и профессор Э. Новак (E. Nowak) Университета имени Адама Мицкевича в Познани (доклад «Можем ли мы оправдывать права животных гегелевской мыслью?»). В заключительный день Конгресса профессор культурологии немецкого Висмарского университета М. Бергер представила доклад на тему «Демократический элемент без всякой разумной формы. От фундамента постфундаментальной теории политики».

Что касается собственно секционных заседаний, то здесь превалировала тематика, так или иначе затрагивающая отдельные аспекты учения Г. В. Ф. Гегеля о свободе. Доклады, сделанные в рамках секций, можно было условно разделить на две группы. В первую группу включались бы доклады, которые представляли собой чисто академический анализ гегелевских представлений об этом феномене, а во вторую – те, которые отличались некоторой экзотичностью своих названий. К первой группе следовало бы отнести такие выступления, как «Гегелевский аргумент против рабства», «Конкретная индивидуальность и интегрированное “открытое” общество в гегелевской философии права», «Логика масс: гегелевская философия права как критическая теория современного общества», «Влияние анализа работ Гегеля и Маркса на их противоречивые взгляды на свободу и государство», «Гегелевская теория наказания в свете современного криминального права», «Другая свобода возможна: субъективность и “борьба за признание” в гегелевский йенский период», «Гегелевская метафизика как доктрина свободы», «Немецкая классическая философия и ее отзвуки», «Проблема начала философского познания в классической немецкой философии», «Свобода: между регрессом и прогрессом», «Божественная свобода. Свобода объективности», «Теория развития Гегеля», «Рецепции Гегеля в Китае после 1978 г.» и др. В эту группу также можно включить доклад автора настоящей статьи на тему «“Феноменология духа” Гегеля как обоснование свободы самосознания».

Среди докладов второй группы можно выделить следующие: «Необходимость феминизации гегелевской диалектики», «В какой мере свобода самосознания возможна без тела?», «Гегель об интерсексуальности», «Может ли быть гегелевский анархизм?», «Четыре пути понимания музыкальной свободы у Гегеля» и др. Могло показаться, что к числу такого рода выступлений относится и уже упоминаемый

пленарный доклад Э. Новак на тему «Можем ли мы оправдывать права животных гегелевской мыслью?». Однако, рассуждая о том, может ли Г. В. Ф. Гегель поспособствовать «правам» животных и их защите против чрезмерного осуществления свободы человека, его так называемых буржуазных и личных потребностей, автор затронула крайне актуальные проблемы современности: массовое вымирание животных, глобальные биотические кризисы, экоцид и т. п. Иначе говоря, «экзотично» прозвучала только сама формулировка доклада. Итоги работы Конгресс подвел 25 июня 2021 г. Зафиксированы

следующие данные: 177 человек представили презентации своих докладов, 863 человека заходили на онлайн-форум. По представленным письменным, аудио- и видеопрезентациям было задано 125 вопросов. В качестве особой приметы Конгресса отмечено, что многие участники данного мероприятия были молодыми учеными. Это вселяет большие надежды на перспективы дальнейшей работы международного гегелевского общества и организуемых им гегелевских конгрессов.

*Т. Г. Румянцева*³

³Татьяна Герардовна Румянцева – доктор философских наук, профессор; профессор кафедры философии культуры факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета.

Tatsiana G. Rumyantseva, doctor of science (philosophy), full professor; professor at the department of philosophy of culture, faculty of philosophy and social sciences, Belarusian State University.

E-mail: t.rumyan30@gmail.com

АННОТАЦИИ ДЕПОНИРОВАННЫХ В БГУ РАБОТ INDICATIVE ABSTRACTS OF THE PAPERS DEPOSITED IN BSU

УДК 1/3(072)(06)

Эвристические формы применения информационно-коммуникационных технологий в преподавании социально-гуманитарных дисциплин [Электронный ресурс] : материалы XVIII науч.-метод. конф. фак. философии и соц. наук БГУ, посвящ. памяти проф. И. Л. Зеленковой (Минск, 31 марта 2021 г.) / БГУ ; [редкол.: Н. В. Курилович (отв. ред.), О. Г. Шаврова, Д. В. Воронович]. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2021. 164 с. Библиогр. в тексте. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/260543>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 31.05.2021, № 005931052021.

Сборник содержит материалы участников XVIII научно-методической конференции факультета философии и социальных наук представляет собой результат коллективной работы ведущих специалистов, а также аспирантов, магистрантов и студентов факультета философии и социальных наук БГУ. Сборник адресуется научным и педагогическим работникам, аспирантам и магистрантам, студентам и всем, кто интересуется актуальными вопросами эвристических форм применения информационно-коммуникационных технологий в преподавании социально-гуманитарных дисциплин.

УДК 101.1:316(082)

Актуальные вопросы современных социально-гуманитарных исследований [Электронный ресурс] : сб. науч. ст. участников XXVII Респ. конкурса науч. работ студентов / БГУ ; [редкол.: Г. А. Фофанова (отв. ред.) и др.]. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2021. 85 с. : ил. Библиогр. в тексте. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/263558>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 05.07.2021, № 008205072021.

В сборник включены статьи студентов и магистрантов факультета философии и социальных наук БГУ, а также работы авторов второй и третьей категорий, представленные на XXVII Республиканском конкурсе научных работ студентов 2020 г.

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

<i>Румянцева Т. Г.</i> Исследования философии И. Канта в трудах первых профессоров Белорусского государственного университета.....	4
<i>Легчилин А. А., Воробьева С. В.</i> Историография национального интеллектуализма (к 100-летию БГУ)	12
<i>Сайганова В. С., Беяцкая Е. В., Мозалевская Д. А.</i> Нормы научной рациональности и перспективы академического дискурса (к 100-летию БГУ)	21
<i>Климович А. И.</i> Историографический обзор журнала «Miesięcznik Połocki»	26

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

<i>Зеленков А. И.</i> Социокультурный статус философии в эпоху цивилизационного транзита	33
<i>Ропольи Л.</i> Проект философии интернета	41
<i>Головач А. А.</i> Возможные пути разрешения проблемы перенаселенности планеты	53

СОЦИАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>Титаренко Л. Г.</i> Цифровая трансформация и гуманитарные риски	60
<i>Рубанов А. В.</i> Мотивы, смыслы и способ жизни человека: теоретико-историческая реконструкция	67

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>Фурманов И. А., Синьчунь Не, Сяосюань Чжао.</i> Иерархия и структура любовных аттитюдов белорусов и китайцев.....	73
<i>Новак Н. Г.</i> Феноменология переживания ненормативных кризисов родительской семьи	84
<i>Благенкова Н. П.</i> Взаимосвязь базисных убеждений с ценностями и страхами студентов с различным уровнем психологической безопасности	92
<i>Шестиловская Н. А.</i> Факторная структура копинг-стратегий и их взаимосвязь с параметрами стилей саморегуляции спортсменов и спортсменов-паралимпийцев.....	103
<i>Гродь Ж. В.</i> Прогностические показатели установок к сексу у женщин и мужчин с различной сексуальной ориентацией.....	116

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

<i>Румянцева Т. Г.</i> XXXIII Международный гегелевский конгресс	124
Аннотации депонированных в БГУ работ.....	127

CONTENTS

HISTORY OF PHILOSOPHY

<i>Rumyantseva T. G.</i> Studies of the Kant's philosophy in the works of the first professors of the Belarusian State University.....	4
<i>Liahchylin A. A., Vorobyova S. V.</i> Historiography of national intellectualism (to the 100 th anniversary of the Belarusian State University).....	12
<i>Saiganova V. S., Belyatskaya E. V., Mozalevskaya D. A.</i> Norms of scientific rationality and prospects of academic discourse (to the 100 th anniversary of Belarusian State University).....	21
<i>Klimovich A. I.</i> A historiographical review of the «Miesięcznik Połocki» journal.....	26

SOCIAL PHILOSOPHY

<i>Zelenkov A. I.</i> Sociocultural status of philosophy in the epoch of civilisational transit.....	33
<i>Ropolyi L.</i> Proposal for a philosophy of the Internet.....	41
<i>Golovach A. A.</i> Possible ways to solve the problem of overpopulation of the planet.....	53

SOCIAL RESEARCHES

<i>Titarenko L. G.</i> Digital transformation and humanitarian risks.....	60
<i>Rubanau A. V.</i> Motives, meanings and way of human life: theoretical and historical reconstruction ...	67

PSYCHOLOGICAL RESEARCHES

<i>Fourmanov I. A., Xinchun Nie, Xiaoxuan Zhao.</i> Hierarchy and structure of love attitudes of Belarusians and Chinese.....	73
<i>Novak N. G.</i> The phenomenology of experiencing non-normative crises of the parent family.....	84
<i>Blahenkova N. P.</i> Relationship basic beliefs with values and fears of students with different levels of psychological security.....	92
<i>Shetilovskaya N. A.</i> Factor structure of coping strategies and their relationship with the parameters of self-regulation styles athletes and paralympians.....	103
<i>Grod J. V.</i> Predictive indicators of sex attitudes in women and men with different sexual orientations.....	116

THE CHRONICLE OF SCIENTIFIC LIFE

<i>Rumyantseva T. G.</i> XXXIII International Hegel-Congress.....	124
Indicative abstracts of the papers deposited in BSU.....	127

Журнал включен Высшей аттестационной комиссией Республики Беларусь в Перечень научных изданий для опубликования результатов диссертационных исследований по философским, психологическим и социологическим наукам.

Журнал включен в библиографическую базу данных научных публикаций «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ).

**Журнал Белорусского
государственного университета.
Философия. Психология.
№ 3. 2021**

Учредитель:
Белорусский государственный университет

Юридический адрес: пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск.

Почтовый адрес: пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск.

Тел. (017) 259-70-74, (017) 259-70-75.

E-mail: jpsychol@bsu.by

URL: <https://journals.bsu.by/index.php/philosophy>

«Журнал Белорусского государственного
университета. Философия. Психология»
издается с 2007 г.

До 2017 г. выходил под названием
«Философия и социальные науки»
(ISSN 2218-1385).

Редакторы *А. В. Агеева, О. А. Семенец, А. С. Люкевич*
Технический редактор *Д. Ф. Когут*
Корректоры *А. С. Горзун, Л. А. Меркуль*

Подписано в печать 30.09.2021.

Тираж 100 экз. Заказ 386.

Республиканское унитарное предприятие
«Информационно-вычислительный центр
Министерства финансов Республики Беларусь».
ЛП № 02330/89 от 03.03.2014.
Ул. Кальварийская, 17, 220004, г. Минск.

© БГУ, 2021

**Journal
of the Belarusian State University.
Philosophy and Psychology.
No. 3. 2021**

Founder:
Belarusian State University

Registered address: 4 Niezaliežnasci Ave.,
Minsk 220030.

Correspondence address: 4 Niezaliežnasci Ave.,
Minsk 220030.

Tel. (017) 259-70-74, (017) 259-70-75.

E-mail: jpsychol@bsu.by

URL: <https://journals.bsu.by/index.php/philosophy>

«Journal of the Belarusian State University.
Philosophy and Psychology»
published since 2007.

Until 2017 named
«Filosofiya i sotsial'nye nauki»
(ISSN 2218-1385).

Editors *A. V. Aheyeva, O. A. Semenets, A. S. Lyukevich*
Technical editor *D. F. Kogut*
Proofreaders *A. S. Gorgun, L. A. Merkul*

Signed print 30.09.2021.

Edition 100 copies. Order number 386.

Republican Unitary Enterprise
«Informatsionno-vychislitel'nyi tsentr
Ministerstva finansov Respubliki Belarus'».
License for publishing No. 02330/89, 2014 March 3.
17 Kal'varyjskaja Str., Minsk 220004.

© BSU, 2021